

ПРОБЕЖЕ 3
1969 г.

Пролетарии всех стран, соединитесь

ПРОСВЕЩЕНИЕ СИБИРИ

— ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ —
ОБЩЕСТВЕННО - ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
— ЖУРНАЛ —

Сибирского Краевого
Отдела Народного Образования

1928
1928

**№ 7-8 (53-54)
Июль-Август
1928**

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Ц/Ф

Библиотека
педуниверситета
г.Новосибирск

Библиотека пединститута
Новосибирск

СИБИРСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Новосибирск

г. Новосибирск,
тип. Сибкрайсоюза,
Советская, № 6,
Наряд № 1411.

Н. Леший.

Единый с.-х. налог и задачи просвещенцев.

Общая сумма единого сельско-хозяйственного налога на 28-29 год, по постановлению III сессии ЦИК Союза ССР, с 320 миллионов рублей прошлого года увеличивается до 400 миллионов рублей. В соответствии с этим увеличивается на 25 проц. сумма с.-х. налога и по Сибирскому краю, достигая ориентировочно 28 миллионов рублей, вместо 22½ миллионов рублей прошлого года.

Вопрос о едином с.-х. налоге в нашей, по преимуществу крестьянской, стране, тем более в Сибирском крае, где рабочая прослойка чрезвычайно слаба, приобретает на данном этапе хозяйственного строительства важнейшее политическое и хозяйственное значение. «Так как история налоговой политики,—сказал М. И. Калинин на сессии ЦИК,—есть в то же время своеобразная история одной из сторон отношений между рабочим классом и крестьянством, то с.-х. налог в данный момент представляет собой определенную стадию в развитии политических и хозяйственных отношений между пролетариатом и крестьянством».

Налоговая политика советской власти строилась и строится в соответствии с задачами укрепления союза рабочего класса, батрачества и бедноты с середняцкими слоями крестьянства на разных ступенях развития этого союза—период военного коммунизма и гражданской войны (разверстка), период восстановления хозяйства (продналог), период коллективизации и социалистического строительства народного хозяйства (единый подоходный с.-х. налог). Единый с.-х. налог прошлого года и, особенно, 28-29 г. направлен в сторону усиления социалистического сектора за счет урезки доходов частно-капиталистических элементов в сельском хозяйстве.

Сумма с.-х. налога ежегодно изменяется. Так, по всему СССР с.-х. налог составлял: в 24-25 г.—346 милл. руб., в 25-26 г.—250 м. р., в 26-27 г.—331 м. р., в 27-28 г.—320 м. р., в 28-29 г.—400 м. р. Общая сумма единого с.-х. налога в этом году, таким образом, увеличивается по сравнению с 24-25 годом всего на 54 милл. рублей, а доходность всего народного хозяйства за последние четыре года увеличилась в три раза. Стоимость валовой продукции сельского хозяйства СССР с каждым годом увеличивается: в 24-25 г.—9.534.000.000 рублей, в 26-27 г.—12.833.000.000 руб., в 28-29 г. предполагается 14 миллиард рублей. Денежная доходность сельского хозяйства с 3.262.000.000 руб. в 24-25 г. увеличивается в 28-29 г. до 5½ миллиардов рублей.

Динамика роста доходности сельского хозяйства отстает от динамики роста промышленности. Медленно развивается товарность сельского хозяйства, при значительном росте местного потребления с.-х. продукции. Этот недостаток может быть устранен только путем коллективизации сельского хозяйства, укрупнения существующих колхозов, машинизации и рационализации сельского хозяйства. Единый с.-х. налог является значительным вкладом в это дело, так как «он (по выражению М. И. Калинина) выступает, как одно из важнейших средств ослабления роста капиталистических элементов и как инструмент для стимулирования роста социалистических элементов в деревне».

Насколько велики тяготы единого сельско-хозяйственного налога для крестьянства? Увеличиваются ли налоговые тяготы в 28-29 году? Для уяснения этих вопросов приведем ряд цифр общесоюзного и краевого значения. В 24-25 г. с.-х. налогом изымалось условно чистого дохода по СССР 3,6 проц., в 25-26 г.—2,1 проц., в 26-27 г.—2,6 проц., в 27-28 г.—2,3 проц., в 28-29 г.—2,9 проц. По сравнению с предыдущим годом процент изъятия увеличивается на 0,6 проц., а по сравнению с 24-25 годом—понижается на 0,7 проц. Значит, в общей сложности налоговые тяготы по СССР в этом году значительно меньше, чем в 1924-25 г., когда был самый тяжелый налог за все прошлые годы существования советской власти. Если взять денежную доходность крестьянских хозяйств—картина получается еще более показательна: в 24-25 г. изъятие было 10,6 проц., а в 28-29 будет 7,4 проц.

Какие цифры мы имеем о валовой продукции сельского хозяйства, о размерах и тяготах единого сельско-хозяйственного налога по Сибирскому краю? Валовая продукция сельского хозяйства края исчисляется: в 1924-25 г.—477.000.000 довоенных рублей, в 25-26 г.—538.000.000 руб., в 26-27 г.—571.000.000 руб., в 27-28 г.—616.000.000 руб., в 28-29 г. предполагается 888.000.000 руб. Общая сумма единого с.-х. налога, за вычетом льгот и скидок, составляет по годам: в 24-25 г.—24.832.000 руб., в 25-26 г.—16.845.000 руб., в 26-27 г.—24.200.000 руб., в 27-28 г.—22.500.000 руб., в 28-29 г. ориентировочно 28 миллионов рублей. Процент изъятия с.-х. налогом из общей валовой продукции составляет: в 24-25 г.—5,2 проц., в 25-26 г.—3,1 проц., в 26-27 г.—4,2 проц., в 27-28 г.—3,6 проц.; в 28-29 г.—3,3 проц.

Надо иметь в виду еще то обстоятельство, что в этом году будет сделана некоторая передвижка в обложении различных доходов хозяйств в сторону стимулирования роста посевов зерновых культур и частичного повышения налога на прочие земледельческие и неземледельческие доходы. Чем полнее будет проведен учет объектов обложения, тем меньше будут тяготы налога. Предполагаемое увеличение общей суммы с.-х. налога в 28-29 г. построено целиком на росте доходности сельского хозяйства. А доходность эта увеличивается на 272 миллиона рублей. Посевная площадь в этом году увеличилась на 13-15 проц. Общая площадь посевов по сравнению с 21-22 г. увеличилась на 60 проц., а налог с 33 миллионов рублей в 21-22 г. понизился на 28½ миллионов рублей.

Для чего мы приводим в статье так много цифр? Для того, чтобы в своей разъяснительной работе о с.-х. налоге инспектора по просвещению, политпросветинспектора, избачи, учителя, библиотечные работники, партийно-советский актив могли ими воспользоваться и доказать правильность налоговой политики советской власти, правильность решения III сессии ЦИК Союза ССР о едином с.-х. налоге на 28-29 год и тем самым помогли сельсоветам и РИК'ам в проведении налоговой кампании. Мы считаем, что приведенных нами в этой статье цифр и фактов далеко недостаточно. Необ-

ходимо пополнение их местными конкретными цифрами и материалами о доходности сельского хозяйства данного села о динамике роста валовой продукции и ее товарной части, о размерах и тяготах единого с.-х. налога в данном селе за последние годы, о размерах льгот по с.-х. налогу бедноте и хозяйствам, пострадавшим от стихийных бедствий и т. д. Только вооружившись цифрами и фактами, можно с успехом провести разъяснительную работу в связи с учетом объектов обложения и сбором единого с.-х. налога в этом году.

Кулаки, потерпевшие поражение на хлебозаготовительном фронте и оказавшиеся бессильными в борьбе против мероприятий советской власти во время весенней посевной кампании, могут распространять среди крестьянства нелепые слухи о том, что, якобы, «советская власть душит мужика налогами», что «из деревни берут много, а в деревню ничего не дают». Фактом увеличения общей суммы налога по СССР на 80 миллионов рублей или по Сибирскому краю приблизительно на 5 милл. руб. кулаки и их подпевалы не преминут воспользоваться в своих классовых и личных интересах. Кулаки могут вызвать недовольство у части середняков. Что «советская власть душит мужика налогами» — может говорить или вполне сознательный враг советской власти, ярый противник социалистической системы сельского хозяйства, или несознательный человек. Последнему надо разъяснить и доказать его ошибки, неправоту и заблуждения, а первого беспощадно разоблачать с цифрами и фактами в руках. А цифры и факты, как говорил В. И. Ленин, — упрямая вещь. Приведенные нами цифры говорят о правоте политики и практики советской власти в налоговых вопросах.

Задача работников советского просвещения заключается при проведении налоговой кампании в том, чтобы с общими и местными конкретными цифрами и фактами в руках своевременно разъяснить крестьянству основные положения нового закона о едином с.-х. налоге на 28-29 год, изменения и дополнения к этому закону в Сибирском крае (например, сокращение сроков), размеры и тяготы единого с.-х. налога на отдельные посевные группы хозяйств, льготы бедноте по фонду индивидуального сложения и освобождение по необлагаемому минимуму, сроки уплаты налога, вопрос о том, сколько берет советская власть с крестьян и сколько она дает им). Это даст возможность парализовать всякие попытки враждебных советской власти элементов распространять ложные слухи и клевету среди бедняцко-средняцких масс крестьянства, попытки подорвать дальнейшее укрепление хозяйственно-политического союза советского города с советской деревней.

Единый с.-х. налог есть налог классовый. Принцип классовости взимания с.-х. налога в новом налоговом законодательстве нашел наиболее полное и четкое отражение. По закону от с.-х. налога в 28-29 году освобождается 35 проц. бедняцких крестьянских хозяйств (25 проц. — по необлагаемому минимуму и 10 проц. — по фонду индивидуального сложения), что по всему Советскому Союзу составляет 8½ миллионов крестьянских дворов. Основная тяжесть налога падает на кулацкие и более зажиточные слои деревни (надбавка к налогу). Количество бедняцких хозяйств, освобожденных от налога, увеличивается. Процент изъятия с.-х. налогом доходов у маломощных и средняцких масс крестьянства до шестой посевной группы включительно в общем понижается.

Но единый с.-х. налог без оговорки нельзя даже считать доходной статьей государства. Во-первых, потому, что 75 проц. налога остается в местном бюджете. Во-вторых, с.-х. налог представляет собой средство, инструмент нивелировки сельского хозяйства. Он покрывает немного больше половины расходов государства непосредственно на сельское хозяйство. Так,

например, за последние 4 года государство получило с.-х. налогом 1.247.000.000 руб., а отпустило на сельское хозяйство 2.014.000.000 руб. По Сибирскому краю было получено с.-х. налога за последние два года 46½ миллионов руб., отпущено же на сельское хозяйство по местному и государственному бюджетам 41 милл. рублей, а вместе с другими ассигнованиями и кредитом—113 миллионов рублей.

Кроме единого с.-х. налога, государство получает от сельского хозяйства доходы из других источников. Например, за последние два года в Сибирском крае было получено от совхозов, земельных и лесных угодий, рыбных ловель и т. п. 1.795.462 рубля, а израсходовано для развития этих источников будущих доходов 8.001.978 рублей, т.-е. в 4 с половиной раза больше, чем получено. При рациональном использовании этих капиталовложений эти источники безусловно будут давать в будущем доходы, оправдывающие капиталовложения.

Расходы государства в деревне не ограничиваются отпуском средств только на сельское хозяйство. В 27-28 году по Сибирскому краю, например, из местного (районного и сельского) бюджета было израсходовано для деревни свыше 30 миллионов рублей. Из них: на народное образование—13.193.483 руб. содержание сельсоветов, РИК'ов, милиции и т. п.—7.113.230 руб.; здравоохранение—3.694.033 руб.; сельское хозяйство—2.018.919 руб.; охрану общественного порядка—1.204.482 руб.; коммунальные расходы—437.931 рубль; пути сообщения—249.667 руб.; содержание органов юстиции—305.707 руб.; социальное обеспечение—167.780 руб.

Кроме того, из государственного бюджета Сибирский край получил для мероприятий по укреплению и развитию сельского хозяйства, по повышению культурного уровня крестьянства громадные суммы средств. В частности, на содержание сельско-хозяйственного и лесоводческого, ветеринарного и медицинского институтов; сельско-хозяйственных, педагогических, медицинских, фармацевтических, кооперативно-экономических, животноводства и ветеринарии, землеустройства и полеводства техникумов; на содержание совпартшкол и других учебных заведений, готовящих кадры специалистов для деревни, в 27-28 году получено около трех миллионов рублей. Большие суммы средств расходуются на содержание опытных и селекционных станций, работающих над улучшением сельского хозяйства; на содержание рабочих факультетов и ВУЗ'ов, в которых учится 26 проц. крестьян и их детей; на содержание в Сибирском крае четырех конных заводов с 601 голов.; племенных животных, 20 государственных конюшен с 325 производителями и т. п.

В 27-28 г., например, на сельское хозяйство Сибирского края было отпущено по всем бюджетам и из прочих источников 46 с половиной миллионов рублей, или 33 рубля на хозяйство. Налога же в этом году было собрано 22 с половиной миллиона рублей, или 16 рублей на хозяйство. Деревня получила кредит 30 миллионов рублей и по снижению цен на промышленные товары около 15 миллионов рублей.

Государство дает деревне в три раза больше, чем берет из деревни путем единого с.-х. налога. Но общесибирские цифры для крестьян того или иного села часто бывают неубедительны. Поэтому необходимо обратить особенное внимание на подбор цифр и фактов местного значения и на выявление доли расходов районных организаций для данного села. Например, в районе содержатся—агропункт, больница, ветеринарный участок, милиция и т. п. Часть расходов по содержанию этих учреждений надо отнести к расходам государства в том селе, о хозяйстве, налоге и помощи которого будет идти речь с населением. Следовательно, надо учитывать не только расходы по бюджету сельсовета, например, на содержание школы, избы-читальни, постройку моста

и т. д., но расходы для данного села по бюджету РИК'а и других организаций в районе, в округе, в крае и даже в центре. При помощи местных, а не только краевых и общесоюзных цифр и фактов, крестьянину скорее можно доказать, что советская власть не «грабит» деревню, а, наоборот, материально, организационно и культурно помогает беднякам и середнякам укреплять сельское хозяйство, быстрее перевести его на новые социалистические рельсы. За счет доходов от промышленности и торговли, за счет урезки доходов частнокапиталистических элементов в городе и в деревне, за счет всяких других источников дохода государство помогает сельскому хозяйству, бедняцко-середняцкой деревне, так как наша промышленность, социалистическая индустриализация страны целиком и полностью связаны с сельским хозяйством. Промышленность и сельское хозяйство—две взаимозависимые части целого народного хозяйства СССР. Только плановое развитие этих неразрывно связанных между собой частей народного хозяйства обеспечивает поступательное движение вперед к социализму.

В июне начался учет объектов обложения. По опыту прошлых лет, мы знаем, что 12-15 проц. посева и других доходов, подлежащих обложению единым с.-х. налогом, оставались невыявленными, скрытыми. Кто укрывает объекты обложения? Бедняку, освобожденному от налога, и маломощному крестьянину нечего укрывать. Главными укрывателями объектов обложения являются кулаки. Недоучет объектов обложения в 27 году, как показала статистика, особенно велик в следующих округах: в Ойротии (20,9 проц.), Рубцовском (19,3 проц.), Тарском (17,6 проц.), Славгородском (16 проц.), Барнаульском (16,6 проц.), Кузнецком (16,2 проц.), Иркутском (16,1 проц.), Барабинском (16,4 проц.), Томском (16,3 проц.). Выборочное обследование и обмер, произведенные в Барабинском округе, показали, что среди бедняцких хозяйств с посевом до одной десятины укрытий нет совершенно; среди хозяйств с посевом не выше трех десятин укрывателей от 3 до 9 проц. Чем мощнее группы хозяйств по посеву, тем больше среди них укрывателей. Хозяйства с посевом 8-10 десятин имеют укрывателей 65 проц., с посевом 10-16 десятин—92 проц., с посевом выше 16 десятин на все 100 проц. являются укрывателями. Чем выше по количеству посева группа хозяйств, тем больший процент укрытого посева. Если хозяйство с посевом 6-8 десятин укрывает 1 проц. посева, то хозяйства с посевом 12-17 десятин укрывают от 3 до 3 с половиной посева. Значительный процент недоучета был по скоту, товарным сенокосам и особенно по неземледельческим доходам. В этом году учет неземледельческих доходов по предположениям должен дать сумму в два раза больше, чем в прошлом году. С укрывателями объектов обложения советская власть ведет решительную борьбу. Укрытие объектов обложения иначе нельзя назвать, как грабежом государственной казны. Чем больше укрывателей и чем больше укрытых ими объектов обложения, тем тяжелее становится налог для исправных плательщиков его. Надо не только привлекать укрывателей объектов обложения к суду и взыскивать с них в административном порядке штраф, но главное—создать вокруг этого дела широкое общественное мнение, клеймящее позором укрывателей, бойкотирующее их, предупреждающее от этого преступления других крестьян.

Не вредно, а пожалуй, весьма полезно, использовать в разъяснительной работе, в связи с единым с.-х. налогом, расходы крестьян в 27 году на самогон, на водку, на содержание церквей и попов. По Сибирскому краю, например, за 1927 г. крестьяне израсходовали на самогон около 8 миллионов пудов хлеба. Это составляет больше трети общей суммы прошлогоднего единого с.-х. налога в крае. На водку и другие спиртные напитки, по приблизительному подсчету, крестьяне израсходовали за год 15 миллионов рублей. Вот эти две ста-

ты расхода уже составляют сумму, равную сумме с.-х. налога. А сколько убытков причинили самогон и водка крестьянству? А сколько крестьяне платят в год попам за то, что они дурманят религиозным фанатизмом их головы? В несколько раз больше, чем с.-х. налог, стоят крестьянству края эти статьи расхода и их результаты. Вот почему всем работникам просвещения надо сосредоточить внимание крестьян на этом важном вопросе.

Борьба за укрепление социалистических элементов в хозяйстве СССР усиливается. Единый с.-х. налог является одним из участков классовой борьбы, средством нивелировки сельского хозяйства, укрепления социалистических позиций. От того, насколько удачно справятся работники просвещения и оперативные работники с проведением кампании единого с.-х. налога, в значительной мере зависит успех дальнейшего укрепления союза пролетариата и деревенской бедноты с основной массой середняцкого крестьянства, а следовательно, успех и в области социалистического строительства Союза в целом.

М. Зайцев.

Культурная революция и наши задачи*).

Наши политические враги считают и говорят: «Нельзя неправильно начинать и совершать пролетарскую революцию с народом некультурным или малокультурным». А когда совершится, как теперь у нас, пролетарская революция, то, дескать, «никакого социализма строить с таким народом нельзя,—все равно придется пойти на поклон буржуазии». Вот их установка. Из нее вытекает: надо ждать, когда господствующие классы, т.е. буржуазия, позволят (как же,—жди!), даст возможность народу дорасти до определенной ступени культуры, чтобы только затем, дескать, безболезненно перейти к социальному переустройству жизни. А до этого не могли!

Как коммунистическая партия разрешает этот вопрос? Ленин в известной статье «О кооперации», заявляет так:

«Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим».

В другом месте он же говорит: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный уровень), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы», т.-е. сделать то самое, что мы уже сделали и делаем. Правильность этого положения подтвердила жизнь фактом пролетарской революции в России, успехами социалистического строительства в СССР.

Таким образом, налицо коренное различие. У меньшевиков и прочих наших врагов основная установка сводится к тому, что рабочий класс, крестьянство и трудящиеся массы должны быть приказчиками господствующей

*) Статья эта является отработанным докладом, сделанным на V Краевом Совете по просвещению 17 июня с. г. М. Зайцев.

щего класса—буржуазии. А у нас, у революционных марксистов-ленинстов, установка другая: рабочий класс, вместе с основными массами крестьянства, должен свергнуть господство буржуазии, с тем, чтобы взять в свои руки власть, экономические командные высоты и, пользуясь этим, как необходимыми предпосылками, базой и орудием, совершить переворот в области культурной, прежде всего подымать культурно-политический уровень рабоче-крестьянских масс. Так именно смотрит на это дело и Коминтерн. В опубликованном проекте своей программы он говорит: «*Завоевание власти пролетариатом является предпосылкой для роста социалистических форм хозяйства и для культурного роста пролетариата, переделывающего свою собственную природу, вызревающего в руководителя общества во всех отраслях жизни, вовлекающего в этот процесс переработки остальные классы и тем самым создающего почву для преодоления классов вообще*».

Переворот совершен, политическая власть и экономические командные высоты в руках рабочего класса. Теперь перед нами стоит капитальная задача культурного под'ема рабочего класса и крестьянства, социалистическая переработка масс и кадров работников. Гигантское, решающее значение этой задачи подчеркивается, в частности, принципиальным различием, которое существует в условиях и характере вызревания культурных кадров буржуазии и пролетариата. Буржуазия еще в условиях политического господства феодалов имеет возможность создавать свои культурные кадры, «которые постепенно проникают в поры государственного организма и приобретают первые роли после буржуазной революции». Пролетариат же (как и крестьянство) до социалистической революции господствующим классом—буржуазией держался в таком политическом и экономическом угнетении, что в силу этого не мог выделить своих минимально достаточных культурных кадров. Надо возможно быстрее освободиться от этого невыгодного наследия.

Для советского строя крепостью служит миллионно-массовое вовлечение рабочих и крестьян в дело управления страной и строительства социализма. Успехи на этом пути требуют, чтобы массы, в первую очередь рабочий класс, возможно быстро накопили знания, способность управления и организации. Коминтерн в проекте своей программы говорит:

...«Роль организатора нового человеческого общества предполагает культурное вызревание самого пролетариата, переделку им самим своей собственной природы, постоянное выделение им новых и новых кадров, способных овладеть всеми средствами науки, техники и управления в целях строительства социализма и новой социалистической культуры».

Такова с этой точки зрения задача, стоящая в переходный период от капитализма к коммунизму, т.-е. в период диктатуры пролетариата, перед рабочим классом.

1. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

Ленин в той же статье «О кооперации» даёт этому такую установку:

«Перед нами являются две главные задачи, составляющие эпоху. Это—задача переделки нашего аппарата... Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себе такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полнео

кооперирование невозможно без целой культурной революции. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто-культурного свойства (ибо мы безграмотны) и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база) (курсив наш).

Такова капитальная установка культурной революции—на целую эпоху.

Но подойдем к вопросу более близко, с точки зрения задач текущего и ближайшего момента. XV съезд партии главными задачами, стоящими перед страной в области сельского хозяйства, установил следующее: «Необходимо поставить в качестве первоочередной задачи, на основе дальнейшего кооперирования крестьянства, постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и механизации земледелия), всемерно поддерживая и поощряя ростки обобщественного сельско-хозяйственного труда» (резолюция по отчету ЦК). После XV съезда мы имели серьезные затруднения по линии хлебозаготовок. В чем их коренной урок и выводы? В том, что наряду с развитием сельского хозяйства, по валовой продукции достигающего уже довоенных размеров, товарная хлебная продукция недостаточна.

Где выходы из этого положения? Товарищ Сталин сформулировал эти выходы так*): «Выход состоит прежде всего в том, чтобы перейти от мелких отсталых и распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам, снабженным машинами, вооруженным данными науки и способным произвести наибольшее количество товарного хлеба.

Выход состоит, во-вторых, в том, чтобы расширить и укрепить старые совхозы, организовать и развить новые крупные совхозы... Выход состоит, наконец, в том, чтобы систематически подымать урожайность мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств». Это уже в известной мере проводится в жизнь или намечено к проведению.

Что требуется для успешного решения этих задач? Надо убедить крестьянство, что именно этот путь (обеспечивающий включение сельского хозяйства в общее социалистическое строительство) является и для него наиболее выгодным; доказать ему это и наглядно (конкретными результатами совхозов, коммун) и иной соответствующей пропагандой; надо крестьянство готовить для более и более культурного хозяйствования. Все это—мероприятия культурного порядка. При решении изложенных задач мы столкнемся с кулацкой верхушкой села. Вести борьбу с этой враждебной нам группой надо не только политическими методами, но и методами культурного соревнования. Из этого вытекает необходимость полной увязки всех культурных мероприятий с политикой, с политической работой и обратно.

XV съезд об общей хозяйственной линии и о задачах в области промышленности сказал так: «Генеральная установка на индустриализацию нашей страны должна сопровождаться решительным курсом на рационализацию производства и управления. Рационализация производства вместе с улучшением и упрощением государственного и кооперативного аппарата на предстоящий период является узловой задачей». Для социалистической рационализации производства мы имеем благоприятную почву. Рабочие массы обладают растущей политической активностью, стремлением улучшить свое

*) См. «Правду» от 2 июня с. г., И. Сталин—«На хлебном фронте».

производство, охотой изобрести новые методы, способы работы или ввести усовершенствования в имеющиеся машины (изобретательство). Один из величайших результатов десятилетия Октябрьской революции заключается в том, что мы сами создали возможность перехода от восьмичасового рабочего дня к семичасовому,—это дополнительная благоприятность для рабочего. Но реализация этих благоприятных данных упирается в недостаточную культурность рабочих. Трудно реализовать, например, тягу к изобретательству, если не имеешь минимальных знаний математики. Словом, и курс на рационализацию производства упирается в необходимость культурного под'ема рабочих (получение ими общих и технических знаний).

Улучшение аппарата. Оно требует влития в аппарат свежей рабоче-крестьянской крови (выдвижение и проч.), борьбы с совокупностью язв, составляющих бюрократизм... Но ведь корень бюрократизма—в некультурности страны, в некультурности масс и тех, кто сидит в самом аппарате, т.-е. и задача улучшения аппарата упирается в необходимость быстрого культурного под'ема всей страны, масс и кадров работников.

Вывод из всего сказанного: *культурная революция—необходимое решающее условие социалистического строительства. Вся обстановка, все задачи и перспективы все более и более ярко подчеркивают решающее значение культурных факторов.*

Будет совершенно законен вопрос о сибирских особенностях и о том, что они нам предъявляют. Первая особенность в том, что мы культурно более отстали. Например, в среднем по РСФСР охват детей начальными школами в 1927 г. равен 69,2 проц. (а по ряду районов он—80 и 90 проц.), а в Сибири—51,7 проц. Вторая особенность наша—более сильный темп роста населения за счет непрерывно продолжающегося притока переселенцев и пестрота национального состава населения. Третья особенность Сибири заключается в наличии гигантских, пока не измеренных природных богатств, представляющих громадный резервный капитал для нашей страны при развертывании социалистического строительства. Таковы эти особенности.

Что́ они диктуют? Они, создавая сверхкомплектные трудности, диктуют необходимость развертывания культурной революции в Сибири более быстрым темпом, чем в других основных районах страны. Они диктуют необходимость гораздо больших материальных и организационных напряжений, необходимость ленинской зоркости и четкой правильной классовой линии со стороны руководителей и работников на культурном, идеологическом фронте (ибо прослойка рабочего класса у нас слаба).

II. ГЛАВНЫЕ ЗВЕНЬЯ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

1. *Классовый принцип.* «Нам строить коммунизм не из чего, как только из того, что создал капитализм»,—говорил Ленин. Пролетарскую культуру мы можем строить только путем использования «наследства», овладевая грамотностью, знаниями и умением в области науки, техники и искусства, используя для учебы буржуазных специалистов. Но Ленин также говорит: «Пролетарскую культуру можно строить, только точно зная культуру, созданную всем развитием человечества, только переработкой ее». Следовательно, вторая сторона процесса заключается в том, что, воспринимая от буржуазии культуру, мы должны приспособлять ее к интересам рабочего класса, ставить на службу пролетарской революции и, на основе критического усвоения ее, создавать новые культурные ценности.

Культурное строительство, строительство пролетарской культуры— есть форма классовой борьбы. Эта борьба куда сложнее, труднее борьбы на военном и хозяйственном фронтах. На войне враг виден, конкретен в величине и качестве. В хозяйственном строительстве мы приобрели опыт, многому уже научились, здесь легче выдвигать и создавать свои пролетарские кадры. На фронте культурном, идеологическом врага найти очень трудно. Порою он сидит в нас самих (Разве мало у рабочих, да и у коммунистов, традиций, пережитков прошлого в быту, в труде и т. д.).

Своих культурных кадров у рабочего класса пока кричаще мало. А эти имеющиеся кадры подвергаются гораздо большей, чем на других участках, опасности влияния со стороны враждебных и чуждых нам классовых групп. Влияния эти порой бывают внешне не заметны, но делают свое дело.

«Кто кого?»—этот вопрос (поставленный Лениным в начале нэпа) в области культурной, идеологической, где особенно много опасностей и где сейчас имеются попытки наступления со стороны враждебных нам групп,— стоит со всей серьезностью и остротой.

В чем показатели этой враждебной активности? Вам известен социальный состав учащихся школ, он вызывает у нас серьезную тревогу. По линии быта: развивается пьянство, хулиганство, половая распущенность; крепко еще домостроевское отношение к женщине. Растет шовинизм, антисемитизм.

Все это явления такого порядка, где наследие прошлого сочетается с современными буржуазными и мелкобуржуазными влияниями.

Растет активность религиозных организаций и особенно сект. Ими перенимаются некоторые наши формы работы для того, чтобы завлечь в свою «обитель» массы, в частности—молодежь. Попы, муллы и прочие изучают сейчас «Капитал» Маркса, конечно, не с целью сделаться марксистами, а для того, чтобы с большим знанием дела выступать против нас. Возьмите все церкви, перемножьте их на всех священнослужителей и посетителей—и вы получите колоссальную цифру лиц, подвергающихся религиозному одурманиванию.

Попытки буржуазного наступления мы можем найти и в области науки и в области искусства. Все из вас, вероятно, знакомы с материалом, помещенным в «Советской Сибири» относительно содержания журнала «Сибирские Огни». Там у нас в редакции сидели люди, которым мы не доверять не могли. И тем не менее, влияние чуждых или враждебных нам групп просачивалось, может быть, незаметно для этих товарищей, на страницы журнала. В результате получился букет: сменовеховские настроения и идеи, неправильная трактовка взаимоотношений города и деревни, явно немарксистские критические статьи и т. д.

Вот почему, товарищи, на фронте культурном, идеологическом нужны: четкий классовый подход к делу, пролетарская бдительность и внимание,— это первое звено—руководящий принцип. Вот почему прав XV съезд ВКП(б) в своем решении, где он считает необходимой «всемерную мобилизацию пролетарских масс и особое усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте» (из резолюции по отчету ЦК).

2. Установка на массы—Ленин (на митинге в Ленинграде 13 марта 1919 г.) говорил так: «Надо, чтобы плоды буржуазной науки, плоды тысячелетнего развития цивилизации не доставались кучке людей, пользующихся этим для того, чтобы выделяться и обогащаться, а доставались поголовно всем трудящимся». Вот второе звено—руководящий принцип. Все наши культурно-просветительные мероприятия должны быть рассчитаны на охват и воздействие миллионных масс, на получение мощных результатов кон-

кретного отображения в действии масс; помогать массам культурно расти и успешно развивать свою производственную роль. Надо, чтобы в результате этого рабоче-крестьянская масса возможно скорей и полнее приобщалась к непосредственному активному участию в социалистическом строительстве.

Пример: советские законы хороши: они все преимущества, льготы и возможности предоставляют рабочему классу, беднякам и середнякам-крестьянам для того, чтобы устраивать им лучше свою жизнь. Но пользуются ли этим целиком на деле эти рабоче-крестьянские массы?—Нет. Ибо «кроме закона, есть культурный уровень, который никакому закону не подчинить» (Ленин). И, действительно: на деле бывает так, что бедняк, не зная законы (потому что он порой и не умеет читать), не использует предоставленные ему льготы и преимущества; кулак же, ограниченный всемерно по закону, но будучи пронырлив и грамотен, изобретает всяческие лазейки для того, чтобы использовать малейшую зацепку в законе в своих интересах.

Здесь же, в этом звене, первоочередной задачей сейчас является развертывание самокритики, развертывание и по линии культурного фронта. Самокритика—наиболее яркая форма рабочей демократии, лучший способ выявления и устранения всяческих недостатков. А их у нас много. На культурном фронте больше, чем в других местах, поэтому и критика своих недостатков у просвещенцев должна развернуться с чрезвычайной энергией. Целью культурного подъема масс и целью самокритики должна быть, в частности и в особенности, борьба с бюрократизмом аппарата. Здесь же подчеркиваю, как важнейшую предпосылку ко всякой культурно-политической работе,—ликвидацию неграмотности среди взрослых.

3. *Воспитание новых поколений*—решающая задача культурной революции.

4. *Подготовка кадров*—сейчас особенно диктуется самой жизнью (шахтинское дело). Сюда же входит и работа с интеллигенцией, как задача пролетарской обработки и использования ее.

Все эти четыре звена культурной революции, мероприятия, в них входящие, должны осуществляться так, чтобы была везде и всюду связь культурной работы с политической, чтобы во все эти мероприятия вовлекалась возможно полней и активней рабоче-крестьянская масса и масса самих работников просвещения. А все это вместе взятое требует самого усиленного и постоянного внимания и руководства со стороны всех партийных и советских организаций.

III. КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В МАССАХ.

Основные недостатки, имеющиеся в практике этой работы. Первый—недостаточность классовой заостренности. Например, в деле ликвидации неграмотности подход «вообще»: мы не втягиваем активно, прежде всего, бедняка или батрака на ликпункт. Второй—мало делается для выявления, критики и устранения недостатков учреждений и организаций со стороны масс. Третий—отсутствует связь между массовой работой и очередными культурными, хозяйственными и политическими задачами. Например, проходили хлебозаготовки и весенняя с.-х. кампания. Разъяснительной, живой работы на месте, в крестьянских массах, было очень мало. Многие культурно-просветительные учреждения находились в стороне от них, работники оказывались безучастными. Четвертый—отсутствует конкретность в этой работе: мало в ней применительности к особенности и потребностям данного производства

или села, данного участка хозяйственной работы, данной группы рабочих или крестьян. Пятый—пассивность в борьбе со всякими болячками и предрассудками в быту, пьянством, хулиганством, религиозностью и т. п. И, наконец, недостаток массовой работы заключается в том, что она в деревне (особенно среди национальных меньшинств) находится в совершенно отсталом состоянии (хотя и на предприятии она не ахти, как хороша). В частности, мы до сих пор еще недостаточно и плохо работаем среди сельско-хоз. рабочих и бедноты. Мы очень слабо, неорганизованно руководим работой в клубе, избечитальне, с селькорами, кино, театрами и т. д. Мероприятия, работа несовершенны по качеству, идут разрозненно, не бьют в одну точку. Активность масс, тяга их к культуре—высокой степени, а удовлетворение этого с нашей стороны—малой степени. Образуются щели, в которые лезут враждебные нам группы со своим «культурничеством». Очередная задача—устранить эти недостатки. Развернуть массовую работу так, чтобы помочь рабоче-крестьянским массам войти в разрешение центральных задач, чтобы воспитывать эти массы в духе правильного отношения к этим задачам.

Перехожу прямо к некоторым ударным участкам на фронте этой работы.

1. *Ликвидация неграмотности.* Абсолютно необходимая предпосылка—условие всякой политической и культурной работы. Нельзя говорить о культурной революции, если в нее не входит боевым участком борьба с неграмотностью миллионов рабочих и крестьян. А мы двигаемся здесь страшно медленно, работаем недопустимо беспечно. Надо со всей серьезностью бить тревогу! Пленум Краевого Комитета партии решил ликвидировать неграмотность среди взрослых от 18 до 35 лет к 1934-35 году. Но если идти такими черепашьими шагами и дальше,—мы этой задачи не выполним. Нужны чрезвычайные меры, более быстрый темп. Я выдвигаю такую мысль на обсуждение: реализовать целиком лозунг—«Каждый грамотный обучи неграмотного».

Разумеется, для этого нужны средства. Но, ведь, у нас есть такие случаи, когда отпущенные на это средства оказывались неиспользованными. А предавались ли суду эти неиспользовательщики, как преступники?!

2. *Повышение производственно-технической грамотности рабочих и крестьян.* Это—важнейшая предпосылка реконструкции хозяйства на более высокой научно-технической основе, повышения производительности труда и более активного участия рабочих в рационализации промышленности. В деревне это—важнейшее условие агрикультурного роста и коллективизации. «Надо добиться, чтобы умение читать и писать служило к повышению культуры» и соответствующему «улучшению своего хозяйства и государства» (Ленин).

Для этого конкретно, что надо делать?—Усилить производственную пропаганду, используя производственные совещания клубы. Расширить сеть наших вечерних школ и курсов для взрослых. Развить работу сел.-хоз. кружков с установкой на коллективизацию и других производственных кружков в городе с установкой на рационализацию. Чутко относиться и всемерно поддерживать у рабочих тягу к изобретательству. Развернуть работу самообразовательную (особенно заочное обучение). Двинуть массовую техническую литературу для крестьян и особенно для рабочих. Ее мало, а некоторой нет, несмотря на то, что мы кричим вместе с массами об этом несколько лет. Нужно за это со всей беспощадностью и силой бить соответствующие центральные организации. Во всех этих мероприятиях возможно полней использовать знания квалифицированных сил—специалистов.

3. *Культурная работа профсоюзов, кооперации и добровольных обществ.* Ее состояние: застой, мертвечина, бюрократизм, толчея на одном месте, мало рациональное использование средств и возможностей.

Пути работы этих организаций, конкретные меры многократно намечались, решения выносились. Здесь, действительно, остается одно—от слов перейти к делу. Масса должна взять «за жабры» эти организации и сказать им: «Работайте!».

В частности, о МОПР'е и ОСОавиахиме. Мы должны особо подчеркнуть их роль в деле интернационального воспитания масс, в деле укрепления обороноспособности СССР, наряду с той работой, которую в этом направлении ведут Красная армия и печать.

4. *Театры, кино, радио.* Основная задача, стоящая перед ними: вести свою работу так, чтобы она шла против буржуазных и мелкобуржуазных влияний и проявлений в быту (о чем говорил выше). С этой задачей они пока справляются плохо. Надо оздоравливать репертуар театров и кино, шире привлекая к этому профессионально-организованного зрителя. Ввести коллективное посещение театра и кино для рабочих с ощутительной льготой. Ввести регулярные кино-сеансы для детей. Нужно приблизить театр, кино и радио к рабочим. Пример: в центре большого города (Новосибирск) поставлена открытая световая газета или действует радио, а на окраинах ничего нет, сделать наоборот. Надо усилить плановое развертывание кино-стационаров и передвижек в деревне и рабочих районах. Надо создать инструктаж радио-сети и устранять технические недочеты в радио-слушании, в частности,—улучшить дело снабжения мест радио-аппаратурой. Улучшить содержание радио-вещания, сделать его орудием действительной культурно-просветительной работы в массах. Вокруг этих мероприятий оживить деятельность ОДР и ОДСК.

5. *Печать*—мощное орудие коммунистической агитации и пропаганды. Она—один из важнейших инструментов вовлечения рабоче-крестьянских масс в социалистическое строительство (у нас в крае на 1 февраля 1928 г.—19.000 рабселькоров, более 100.000 тираж периодических газет, не считая журналов и стенгазет). Отсюда ясно, с каким вниманием и серьезностью мы должны и дальше улучшать нашу рабочую и деревенскую печать, особенно в связи с лозунгом самокритики—по линии укрепления связей ее с массами, борьбы с бюрократизмом, вытравливания всяких недостатков и болячек, жесточайшего бичевания «конкретных носителей зла». У нашей печати имеется ряд недостатков, особенно в области работы с рабселькорами. Редакции газет (даже и они!) недооценивают роли этой грамадной армии культурных добровольцев. Связь с ними очень плоха, материалы их используются не до конца и не все. Нет воспитательной работы с ними (в кружках, перепиской, выдвижением). Недостаточно активно вовлекаются в рабселькоровское движение рабочие от станка, бедняки, члены с.-х. коммун.

Надо скорее все это изжить. Надо внимательнейшим образом прислушиваться к запросам и требованиям читательской массы. Почему бы не провести редакциям анкету, конференции среди своих читателей? Решительное увеличение тиража—боевой вопрос текущего дня. Говоря об этом, я подчеркиваю особую необходимость расширения круга читателей за счет рабочих и крестьянской бедноты. Почему бы редакциям наших газет не подумать о некоторых льготах подписчикам-беднякам (при известных условиях). В деле улучшения стенных газет стоят задачи, аналогичные перечисленным.

6. *Воспитание подрастающего поколения.* Социалистическое воспитание подрастающего поколения—решающая задача культурной революции. А у нас и здесь неблагополучно. План всеобщего обучения имеет некоторую угрозу невыполнения. Школы строят так и там, как и где вздумается. С.-х.

коммуны школой обеспечены плохо. Средства, собранные на школьное и вообще культурное строительство в порядке самообразования (а их более 4 миллионов по краю), иногда попадают под угрозу неиспользования, что представляет явный политический вред. Надо немедленно устранить эти недостатки в порядке организационном и бюджетном.

Второе неблагополучие, которое переходит в отрицательное политическое явление,—*плохой социальный состав учащихся*. Особенно он плох в динамике по годам обучения: чем ближе к концу курса, тем меньше детей рабочих и крестьян-бедняков, а больше иных (подробную характеристику этого смотр. в специальной книжке).

Улучшение этого социального состава—сейчас важнейшая и неотложная (ибо приближается новый учебный год) задача. Мы должны принимать в школу в первую очередь детей рабочих, бедняков и середняков, а затем уже детей остальных групп населения. Задача советских и профессиональных органов—добиться безусловного выполнения этого бесспорного требования под руководством партийных организаций, при энергичном содействии комсомола. Надо работников народного образования сделать, наконец, действительно ответственными за предстоящий набор учеников, поставив это дело под бдительный надзор масс, под беспощадную открытую критику.

Но решение этой задачи не ограничивается приемом. Для обеспечения нормальной учебы в школе (на протяжении всех лет) детям бедноты, батраков и низкооплачиваемых рабочих необходимо оказать соответствующую помощь: подвоз их в школу, организация ночлега (пусть позаботится об этом ККОВ), организация общежитий для детей восточных национальностей, организация горячих завтраков (пусть позаботится об этом кооперация), бесплатное снабжение учебниками и т. п. Согласно решения Крайкома, для осуществления этих мероприятий должен быть создан особый фонд.

Качество работы школы страдает тем, что она только обучает и почти не ведет социалистического воспитания детей. В частности в школе до сих пор существует не антирелигиозное, а безрелигиозное воспитание. Общественное воспитание поставлено особенно плохо. Организованное влияние комсомольских и пионерских коллективов (ячейки, форпосы) на учащихся весьма слабо. В своей работе школа мало и плохо увязывается с общим социалистическим процессом, с его конкретными моментами из местной окружающей школу жизни с соответствующей работой комсомола. Есть даже случаи враждебного отношения к этой работе со стороны учителей.

В результате всего этого, среди учащейся молодежи, предоставленной самой себе, мы имеем пьянство, развитие хулиганства и настроений упадочничества, самую отвратительную половую распущенность (даже «идеологически» оформляемую в специальных стенгазетах) и антисоветские настроения.

Очередная (срочная, острая) задача: устранить эти недостатки и все вытекающие из них отвратительно-вредные явления, калечащие наше подрастающее поколение. Надо школу, ныне предоставленную самой себе, окружить заботой, помощью и контролем широкой советской общественности, комсомола, партии. Надо оживить школьные советы. Пусть секции горсоветов, сельсоветов (а через них организованные рабоче-крестьянские массы) распространят свое влияние на них, как и на школу, на все дело народного образования в целом.

Из общей массы подрастающего поколения приходится выделить тех, имя которым беспризорники. Задача ликвидации детской беспризорности продолжает оставаться ударной. Мы общим фронтом должны развить и провести такие широкие и серьезные мероприятия, которые дали бы возможность

в определенный срок полностью ликвидировать беспризорность, и создали бы условия, препятствующие дальнейшему ее возникновению. А у нас имеется целый ряд случаев, указывающих на возмутительные безобразия, имеющие место в наших детских домах,—этих очагах коммунистического воспитания детей.

Воспитание подрастающего поколения должно осуществляться не только в школе или детдоме, но и вне их—в семье, на улице, через кино, театр, детскую и юношескую литературу, печать и т. д. А мы вне школы оставляем детей и юношество без общественной заботы, за исключением того, что делается по линии пионеров и комсомола. По всем этим направлениям необходимо усилить нашу заботу, развить социалистическое воздействие. Надо помнить о роли новых поколений.

«Расчищена почва и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество... Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, под'ема всего молодого населения» (Ленин).

7. Подготовка кадров. Работа с интеллигенцией. По мере того, как разворачивается социалистическое строительство, становится все более важной проблема создания новых кадров, таких, которые обеспечили бы руководство пролетариата политической, хозяйственной и культурной жизнью страны, которые могли бы заменить враждебные социализму элементы старой интеллигенции и обеспечить дальнейшее успешное строительство социализма. Шахтинское дело, разложение смоленской верхушки и ряд фактов по Сибири решительно подтверждают правильность этого положения.

Просмотрим же соответствующие учебные заведения и учреждения.

Сибирский Сельско-Хозяйственный Институт (в Омске). Перевод на крупное общественное хозяйство, коллективизация—генеральная задача в области сельского хозяйства. Осуществление ее требует (и немедленно) громадного количества, соответствующе этому подготовленных, специалистов-агрономов, в частности, одна наша краевая колхозсекция требует к осени 100 агрономов. А таких агрономов институт не может дать ни одного: в его учебном плане, в программах ни единого слова нет о коллективизации (как и в других, средних с.-х. учебных заведениях). В институте никто не читает курса с.-х. кооперации, по с.-х. экономии и организации с.-х. предприятий.

Аналогичное положение и в других ВУЗ'ах и техникумах (в частности, в технических ВУЗ'ах программы не увязаны с социалистической рационализацией производства).

Социальный состав учащихся техникумов плох, кадр преподавателей (и по квалификации и политически) плох, руководство ими неудовлетворительно.

В результате названных недостатков (а есть не мало и других) и в результате слабой общественно-политической работы среди сотрудничества (а в нем рабоче-крестьянская группа хотя и увеличилась выше 50 проц., но все же еще недостаточна), мы наблюдаем у одних из них (имею в виду беспартийных) здоровую неудовлетворенность—тревогу (это лучшая часть), и у других—худших,—развитие затхлого, чиновничье-мещанского взгляда на свою роль, приобретающего у некоторых антисоветский уклон. Это определение в общем можно распространить и на учащихся наших техникумов. Наряду с этим наблюдается рост бытовых ненормальностей.

Поэтому вопрос о правильной использовании этой интеллигенции, в смысле обеспечения наших классовых интересов и в смысле бережно-правильного отношения к ней, создания нормальных условий для ее работы,—является одним из актуальных вопросов.

Происшедшая и идущая дифференциация в массе интеллигенции дала положительный результат—переход большей части интеллигенции к искреннему сотрудничеству с советской властью, укрепление и расширение близкого пролетариату крыла интеллигенции, в частности, большинства сельского учительства, работающего в деревне дружно и вместе с советскими и партийными организациями.

Очередные задачи. Все меры принять к улучшению социального состава учащихся ВУЗ'ов и техникумов, увеличивая рабочую и крестьянскую (из бедноты, середняков) часть их как в процессе приема, так и путем улучшения материального положения этих групп учащихся. Во что бы то ни стало обеспечить прохождение студентами курса ВУЗ'ов в нормальный срок. Поднять общественно-политическую работу среди учащихся, борясь с отмеченными и другими недостатками. Пресмотреть учебные планы и программы ВУЗ'ов и техникумов под углом приближения этого образования к современным задачам хозяйственного и культурного строительства, более решительного преодоления антимарксистских тенденций и изживания плохих традиций старой высшей школы. Улучшить систему производственной практики и стажа.

Обеспечить нормальную постановку и изучение общественных дисциплин. Продвигать на научную работу лучшие молодые пролетарские силы, марксистски подкованные. Обновить и укрепить лучшими работниками преподавательский кадр техработников.

Работу по подготовке новых кадров, образование всей молодежи в школах мы ведем (в подавляющей степени) кадрами старой интеллигенции.

Первая задача наша в этой области—развить и расширить переподготовку работающих кадров интеллигенции, охватывая ею не только сельских просвещенцев, но и квалифицированные технические силы промышленности и сельского хозяйства; оживление профсоюзных секций, объединяющих техническую интеллигенцию; развитие работы Варнитсо, научные командировки для более широкого курса работников, все это под углом зрения—делать специалиста, культурного работника, более близким нам, более активным и знающим участников социалистического строительства.

В частности, серьезное значение в этом деле должна играть Варнитсо, которая ставит своей задачей охватить тех лучших работников науки и техники, которые искренне, на деле содействуют социалистическому строительству.

Исключительное внимание сейчас мы должны уделить сельскому учительству. Надо поднять и развернуть систематическую работу по политическому воспитанию его, по втягиванию его в общественную работу на селе (по линии советов и их секций, кооперации). В отношении этого слоя интеллигенции задача социалистической переработки его должна быть поставлена более активно. Предпосылки для успешного разрешения ее имеются.

Интеллигенция—это такая социальная группа, у которой особенно много традиций, навыков, зацепок от прошлого (порой очень глубоко сидящих). Выкорчевывание их—острая задача для интеллигенции, в решении которой мы должны принять самое активное участие.

Надо решительно развернуть критику всех учреждений и работников народного образования со стороны рабочих и крестьянских (бедняцко-средняцких) масс.

Одна из вопиющих бед нашей школы в том, что она беспризорна, предоставлена самой себе. Надо добиться такого положения, когда совет, его секция, специально выбранные на предприятии или на собрании бедноты комиссии проверяли, критиковали, возможно чаще, по-деловому, работу и состояние школы.

Пусть на первых порах будут перегибы,—не страшно. Пусть на этой почве возникнут обиды у школьных работников,—ничего, все это исправится. Важно одно: открыть гостеприимно перед массами двери школы, втянуть их сюда. Пусть войдут, помогут выявить и устранить недостатки, возьмут школу под свою заботу,—и школа воспрянет, подымется.

Задачи культурной революции обязывают нас к тому, чтобы темп наших мероприятий стал более быстрым по сравнению с большинством районов СССР. Надо покончить с рахлябанностью, с работой «вразвалку», с проявлениями растерянности. Не забывать, что «голова каждого из нас—поле классовой борьбы, где скрещиваются различные классовые влияния. Счастлив тот, кто, вооруженный марксистски-ленинским методом и пролетарским мировоззрением, может сознательно разобратся в этих перекрещивающихся влияниях» (Сырцов). Помнить во всей работе, что «нам нужен не просто культурный под'ем, а под'ем на основе укрепления диктатуры пролетариата и союза рабочего класса и крестьянства» (Сырцов).

А. Ансон.

Уроки „дела Барнаульского окрОНО“*).

16 дней продолжался процесс «работников Барнаульского окрОНО». За это время допрошено до 90 свидетелей. На скамье подсудимых находилось 17 человек (из них 9 членов и кандидатов партии). Среди них—бывшие руководители окрОНО, завед. отдельными просветительными учреждениями, их заместители и помощники, и жертвы «хорошего руководства»—группа учащихся школ 2 ступени (эта группа обвинялась в хулиганских поступках и организации общества ДОР: «Долой общественную работу»).

В судебной практике Советской России, вероятно, не было еще такого процесса и по характеру подсудимых, и по характеру обвинений, предъявленных к ним. За две недели перед судом прошла не показательная, не документальная сторона работы просветительных учреждений и руководящего аппарата, а действительная неприкрашенная картина того, что делается в некоторых из них. Мы видели десятки ребят, которые прошли перед судом в качестве свидетелей; мы видели десятки работников просвещения, преподавателей, воспитателей, технический персонал; видели представителей тех организаций, на обязанности которых лежит контролирование наших просветучреждений (членов горсовета, делегатов и пр.).

Мы вскрыли, чем жили и дышали некоторые учреждения, что находилось даже за разбитыми стеклами в школах и детдомах, и то, что вскрыл процесс, не должно, конечно, оставаться в недрах канцелярии, а должно получить самое широкое распространение не только по всему краю, но и по всему Советскому Союзу, поэтому этот процесс имеет большое общественно-педагогическое значение.

«Раздут» ли процесс?—В ряде отдельных разговоров среди работников просвещения приходилось слышать, что процесс «раздут». Общественное обвинение вовсе не старается доказывать, что все пункты обвинительного заключения в отношении всех обвиняемых полностью подтвердились. Но совер-

* Настоящая статья является переработанной стенограммой речи общественного обвинителя т. Ансон на процессе. Приговор суда см. в хронике.

шенно бесспорно, что суд вскрыл ряд безобразий, проступков и преступлений, которые в течение продолжительного времени происходили в некоторых просветительных учреждениях, и целый ряд безобразий, проступков и преступлений в руководстве работой. Мы на этом процессе вскрыли, каково было это «руководство», и совершенно очевидно для нас, что никакого «раздутия» дела нет, и что конкретные «носители зла» должны будут понести заслуженное наказание. Такого рода процессы могут помочь нам изжить все ненормальные явления и привлечь к содержанию работы просветительных учреждений внимание широкой пролетарской общественности.

Мы вступили сейчас в полосу культурной революции, которая является своеобразной формой классовой борьбы. Идет борьба за подрастающее поколение, борьба за нашу молодежь. Мы нашу молодежь должны сделать действительно нашей молодежью. Мы должны подготовить из нашей молодежи новых людей, людей новой эпохи. Всем попыткам классовых врагов в борьбе за молодежь, в борьбе за нового человека, мы должны в работе на идеологическом фронте противопоставить нашу четкую классовую линию. Об этом достаточно говорилось и писалось.

Когда мы подойдем к тому, что видели на процессе с этой единственно правильной меркой, то иначе, как издевательством над всем тем, о чем постановлялось, говорилось и писалось, назвать нельзя. Ведь после того, что прошло здесь перед нами и в показаниях огромного количества свидетелей, и в объяснениях подсудимых, и в знакомстве с документами, мы принуждены признать, что лозунг культурной революции, категорические требования об улучшении работы в просветительных учреждениях на некоторых участках остались только разговорами.

Совершенно бесспорно, что на тех участках нашей работы, где формируется сознание молодого поколения, мы должны быть особенно бдительны, особенно настороже, ибо сигналов, что не везде тут благополучно, было уже достаточно. Я не говорю уже о ряде статей, которые были в центральной и местной печати, ряде статей в педагогической печати.

Нельзя забывать, что прошел в достаточной мере громкий «Кольванский процесс», истязателей детей в Кольванском детдоме. Все работники просвещения, особенно работники руководящих органов, хорошо об этом процессе осведомлены и естественно, что первый вывод, который они должны были сделать для себя, это проверить—«нет ли у нас такого явления». Мы имели сигналы и по школам второй ступени (Новосибирск, Иркутск, Томск). Все это было не вчера, не третьего дня.

Работники, которые сидят на скамье подсудимых, должны были ясно почувствовать, что работе просветительных учреждений за последние 6-8 месяцев уделяется гораздо больше внимания, что пролетарский глаз на культурном фронте стал более бдительным, чем раньше. Совершенно естественно, что все это должно было заставить их насторожиться и внимательно присматриваться «к нутру» той работы, которая проводилась у нас в школах, детских домах и других просветучреждениях.

Но что мы обнаружили здесь на суде?—В ряде учреждений все делалось по-старому и по скверному старому, ибо в работе старых наших просветительных учреждений были тоже положительные моменты.

Едет начальство на ревизию в совхоз детдома, а вперед летит записка о том, чтобы к приезду поджарили гуся и приготовили водочки, будто бы без этого не мыслится обследование просветительных учреждений.

Проводится праздник—обязательно надо выпить, да еще с революционными песнями, будто бы пение революционных песен превращает выпивку в добродетель.

Празднуется «день ангела»—не начальнику, а его супруге, обязательно подносится подарок в роде чайного сервиза.

Как это не грустно, но незабвенные гоголевские Иваны Ивановичи и Иваны Никифоровичи, и целый ряд персонажей Щедрина в большом количестве проходили на протяжении процесса. Мы слышали об «оскорблении гусей начальника», которые поели капусту интерната в школе. Через весь процесс проходила породистая свинья, которой уделялось гораздо большее внимание, чем двум десяткам ребят на совхозе.

Применялись по отношению к детям «армейские» методы воздействия. Мы слышали о «показательном совхозе», который с четырех десятин посева собирал 20 пудов. А любовные письма одного из завед. детдомом к подчиненной ему воспитательнице, в которых он заявлял, что можно сделать все, что угодно и так, чтобы комар носу не подточил! Или пионер-вожатый, который напивался в детдоме до того, что после него ребятам приходилось убирать следы его пьянства, при чем этот вожатый ничего не читает, кроме «Вожатого». А постоянное использование ребят для обслуживания своих личных нужд, вмешательства жен заведывающих в работу детдомов и школ.

Наконец, склоки. Перед нами здесь выявилось, что в ряде просветительных учреждений жил (и, видимо, живут) целый ряд самых безобразных склочных явлений. В эту склоку втягиваются ребята—это наиболее преступно. Можно привести десятки такого рода мелочей, из которых создается не только антипедагогическое, но и уголовное дело.

И наряду с этими «мелочами» идет систематическое избиение детей в детдомах, ругань, наказание трудом, идет зажим ребят, безобразная халатность в школе имени Коминтерна и пр.

Характерно то, что из подсудимых большое количество членов и кандидатов партии, из которых многие имеют бесспорные революционные заслуги. Ясно, что наши враги ищут каждую ошибку, используют ее против нас. Они с большим удовольствием смакуют каждый грех коммуниста, раздувают из мухи слона и с небольших групп, с отдельных разлагающихся работников они сваливают вину на всю партию.

Наши классовые враги полагают, что те разоблачения, которые делаются партией, играют на руку нашим врагам, что «фактически» они ведут к поражению самой партии.

Наша партия никогда не боялась самым беспощадным образом бороться с безобразиями и звать трудящихся к устранению этих безобразий, и никакого фактического поражения коммунистов от этого не будет и не может быть.

Мы не можем сказать, что подавляющее большинство лиц, сидящих на скамье подсудимых, не работали. Они работали... Все они, прикрываясь словами о коммунизме, о социализме, о коллективизации, «работали», вероятно, не мало. Вероятно, они бесконечно заседали, вероятно, имели очень мало свободного времени, чтобы заняться повышением своей квалификации, никто не может обвинить их в сознательном вредительстве, но объективно их вина не меньше вины шахтинских вредителей. Они калечили ребят, они начали терять классовое чутье.

Разве не характерный маленький факт: в коммунистическом клубе идет доклад на тему о культурной революции; руководители окрОНО рассказывали, что они слышали об этом много раз и поэтому не пошли на собрание.

Пусть это так. Но мы не застаем их дома за чтением книг и газет. В это время они в компании сидят за пельменями и бутылочкой и в такой компании, против которой возражал сам Башкиров (б. зав. окрОНО). Возражать он возражал, но, тем не менее, в этой компании ведутся деловые разговоры, обсуждаются вопросы о том, как опровергнуть написанную в «Красном Алтае» заметку.

Что это, как не потеря классового чутья?

Семь месяцев тому назад наша партия выбросила лозунг о самокритике. Этот лозунг находит в достаточной мере отражение в целом ряде хозяйственных учреждений. В наших просветительных учреждениях этот лозунг еще не развернут. Если бы этот лозунг был в наших просветительных учреждениях развернут, у нас не было бы значительного числа из тех проступков, тех преступлений, которые прошли перед судом.

Мы видели перед судейским столом целый ряд свидетелей-ребят, находящихся в детдомах и школах. Мы видели среди них отдельных ребят, которые всей душой болели за свое учреждение. Но среди свидетелей было не менее 50 проц. таких, даже пионеров и комсомольцев, которые весьма смутно сознают, чем живет и чем дышит их учреждение. Обо всем, что там делается, они молчали. Перед нами прошел целый ряд буквально забитых ребят, которые не смели или не хотели сказать суду о том, что делали руководители в детдомах. Среди них были пионеры и комсомольцы и, тем не менее, они молчали. Их шпыняли, им грозили, их ругали, весьма часто их били, их наказывали трудом, они жили в грязи, жили без тарелок и ложек, и они в течение месяцев, а может быть, в течение годов молчали. В этом молчании много зловещего.

Почему же они молчали?—Ведь мы имеем самоуправленческие и комсомольские организации, мы в учреждениях имеем ряд хороших работников, ведь от них мы могли бы узнать, что делается в этих учреждениях, тем более, что были десятки различных комиссий, которые приходили с обследованием, но все же они молчали. Мне кажется, что основная беда заключается в том, что самоуправленческие организации превратились в некоторых учреждениях в значительной степени в фиктивные. Ведь мы из устава единой трудовой школы знаем, что:

«вся работа в школе и весь строй ее должны способствовать выработке в учащихся классового пролетарского самосознания и инстинктов к осознанию солидарности всех трудящихся в борьбе с капиталом, а равно подготовке к полезной производительной и общественной политической деятельности»;

что «в школах 1 и 2 ступени вводится детское самоуправление, начиная с элементарнейших его форм, постепенно развивающееся в стройную, оформленную организацию».

Если мы возьмем все показания воспитателей и ребят и представителей тех или иных комиссий и самоуправленческих организаций, мы должны констатировать, что в целом ряде просветительных учреждений и школ дело с самоуправлением обстоит весьма и весьма скверно. Существуют схемы, существуют квадратик и кружочки, которые рисуются при разработке схем самоуправления (они висят на стенах), но подлинной жизни в них еще нет, и часто они являются только искусственными придатками к заведывающему. Взять хотя бы интернат школы Коминтерна с огромным количеством ребят различного возраста. Там, кроме самоуправления, есть целый ряд организаций—комсомольская, пионерская и в том числе ячейка ОСОавиахима. И при существовании этой ячейки существует невероятное количество клопов и та-

раканов. В то время, как организации задаются высокими словами о Чемберленах, Макдональдах, Пильсудских, никто не предложил ребятам заняться вытравливанием клопов и тараканов. Ведь здесь не потребуется большого искусства. Шли разговоры, бесконечные разговоры в то время, как ребят ели клопы, продукты уничтожались тараканами.

У ребят нехватает белья, спят они на голых досках, им за каждый пустяк грозят исключениями.

Почему же молчали ребята?—Потому, что боялись. Кого боялись? Только ли конкретных Польшиковых, Захаровых, Фирсановых, Поссашевых?—Вероятно, не только их. Вся обстановка была такова, что они боялись высказать свое мнение. Со стороны ребят считалось подвигом пойти с какой-либо жалобой, с каким-либо заявлением в отдел народного образования. Такой риск могли себе позволить очень немногие.

Редкие были случаи такого «риска», но и эти случаи не находили себе достаточно чуткого отношения со стороны работников окрОНО. Вся система работы в некоторых просветительных учреждениях была построена на боязни и страхе. Тут мы весьма решительно скатились к тому, что было в нашей скверной старой школе. Мы тоже когда-то учились под гнетом боязни и страха наказания за каждую шалость, за каждую небольшую провинность. Мы хорошо знаем, что в старой школе мы резко делились на два лагеря: один лагерь учителя, другой—ученики. Эти два лагеря друг друга подсиживали, старались делать друг другу всевозможные подвохи. Правда, были редкие исключения, когда у нас были любимые учителя, которых мы любили, но в общем вся система строилась на этом страхе, на этой боязни. То, что прошло здесь, перед судом, похоже на то, что было в старой школе. Заведывающий и воспитатели не являлись старшими товарищами, какими на самом деле должны являться воспитатели и заведывающий учреждением. Больше того, мы имеем целый ряд свидетельских показаний о том, что в целом ряде наших учреждений ребята буквально ненавидели своих заведывающих, и дело доходило до определенных угроз убить.

При такой постановке дела в наших учреждениях кого мы можем воспитать?—Совершенно естественно, что мы можем воспитать только подхалимов, подлиз и чинуш, а не тех, кого должна воспитать советская трудовая школа, советский детский дом.

Несколько особняком стоит вопрос о 6 совшколе 2 ст. Эта школа характерна тем, что в ней коллектив преподавателей очень большой, в ней свыше тысячи учащихся (со скверным социальным составом). Во главе школы стоял в достаточной мере квалифицированный заведывающий (Смоленский). Как-раз тут, в этой школе с ее характерными и отличительными чертами нужно было проявить особенно твердую классовую линию, но стремление лавировать между различными группами преподавателей, теми, которые в свое дело вкладывали всю душу, и теми, которые относились к своим обязанностям чисто формально, привело в конце-концов к тому, что хулиганские поступки были не редкостью в 6 школе, что там выбивались сотни стекол, организовался «ДОР» (правда, жизни ему было два-три дня).

В ряде материалов судебного следствия задевался вопрос о дисциплине. Целый ряд обвиняемых признали, что они применяли преступные методы педагогического воздействия: рукоприкладство, наказание трудом, матерную брань и пр., и объяснили, что дисциплина в учреждениях была слаба, что дети их не слушались, а поэтому они должны были применять эти преступные методы. Недавно на 8 с'езде комсомола *Н. К. Крулская* указывала на один из

детских домов Украины, где был введен целый ряд наказаний. Там воспитатели сами наказывали ученика, они могли бросить в него счеты, бить палкой и т. п. Там считалось вполне возможным провинившегося посылать в лес за прутьями и проч. Правда, в барнаульских детдомах до этого еще не дошли, но до этого было недалеко.

Мы знаем тяжелое положение детских домов, но оправдывать свои безобразия ссылками только на «объективные условия», нехватку денег, на то, что финансовый отдел несвоевременно отпускает на питание и т. д.,—нельзя. Такие оправдания никуда не годятся. Мы по Сибирскому краю имеем огромное количество детских домов и знаем, что разница между этими домами большая. Есть дома, где работа поставлена удовлетворительно, и дома, где при тех же условиях, работа поставлена из рук вон плохо. О чем это говорит? О том, что там, где руководитель учреждения достаточно энергичен, где в работу по улучшению своего положения втянуты все дети, где к детдому привлечена пролетарская общественность—там работа может быть поставлена прилично, даже при недостатке ассигнований.

В педагогической литературе имеется достаточно указаний о том, какие же меры педагогического воздействия можно применять к тому или иному ребенку. Но вся беда в том, что целый ряд работников наших детдомов почти ничего не читали, а если и читали, то только «Красный Алтай» и то, вероятно, плохо. И это мы также должны будем поставить в вину руководителям наших учреждений, которые не заставляли работников читать ту педагогическую литературу, которая в большом количестве существует на книжном рынке, тем более в таком центре, как в Барнауле, где имеются библиотеки и где эта литература лежит спокойно на полках неразрезанной.

Когда на процессе говорили о дисциплине, то говорили о двух разрезах, с одной стороны, детдома, где физические наказания употреблялись во-всю, и с другой—б советская школа, где был более педагогический подход, но до конца недовершенный. Если в б совшколе был целый ряд таких ребят, которые не подавались никаким мерам педагогического воздействия, то со стороны окрОНО не было достаточной помощи в том, чтобы хотя бы перебросить этих ребят из одной школы в другую, что является иногда хорошим педагогическим приемом. Характерным на процессе было то, что б руководители окрОНО весьма решительно боролись за педагогические меры в б совшколе и более чем безразлично относились к самым антипедагогическим мерам, которые употреблялись в детдомах. Ведь это просто лицемерие.

Как можно работать и нужно работать в детдомах, в школах—об этом говорит не только педагогическая литература. Имеется ряд прекрасных художественных произведений—«Республика Шкид», «Дневник Кости Рябцева», «Правонарушители», но... вся беда в том (это подтверждено и судебным следствием), что подавляющее большинство подсудимых ничего не читало.

Я никак не могу представить себе ни врача, ни агронома, ни инженера, ни следователя, ни судью, которые не следили бы за той литературой, которая выпускается по его специальности. Но наши «воспитатели», в частности «воспитатели» детских домов, не следили за той литературой, которая выпускается по их специальности. Взять хотя бы Фирсанова, который, оказывается, ничего не читал, но он делал «блестящие» доклады о постановке самоуправления в детдомах и... особенно сильно избивал ребят.

Суд и широкая советская общественность убедились в том, насколько большинство подсудимых не соответствовали своему назначению, насколько подбор работников был плох. Вина в этом ложится на руководящих работников окрОНО. На работу брали первого попавшегося, иногда совершенно негра-

мотного человека. К нему пришивали ярлык «воспитателя», и он «воспитывал».

Никто никогда не говорил, что упаковщика Крайиздата (Захаров), снятого председателя РИК'а (Кузнецов) или демобилизованного красноармейца Польщикова надо обязательно посадить в «воспитатели». Если выдвигать, так надо выдвигать на просветительную работу таких лиц, которые могут вести ее, которые могут полюбить ее, отдаться ей.

Для того, чтобы ввести ребенка в «люди», как говорилось в старое время, ребятам улицы, пропущенным через детдома, необходимо обязательно привить определенные трудовые навыки. *Без мастерских наши детдома жить не могут, без мастерских нельзя воспитанникам дать необходимые трудовые навыки.* Для этого мы при детдомах должны иметь прилично организованные мастерские. На организацию мастерских при барнаульских детдомах в течение последних 3 лет было отпущено до 30 тыс. рублей. Эти деньги с огромным трудом приходилось добывать в Москве, доказывая, что положение детдомов весьма и весьма скверное.

Что же делается с этими деньгами?—Деньги разбазариваются на отдельные детские дома, они даются в таком количестве, что создать мастерские на эти средства нельзя. Деньги даются в кредит некредитоспособной деткомиссии (это констатировал на суде сам председатель деткомиссии). Деньги даются займы даже театру, тоже достаточно некредитоспособному. Подсудимый Кашин уверяет, что он попал на скамью подсудимых за то, что он дал взаимобразно 500-600 рубл. на ремонт школы. За это под суд не отдадут. Но когда эти деньги идут на театр и «плавают» бесконечное количество месяцев в деткомиссии в то время, когда на эти деньги нужно организовать мастерские—иначе, как преступлением, это назвать нельзя. Ведь на эти 30 тысяч можно было бы наладить приличные мастерские, а мы имеем только один дом, оборудованный настолько, что в нем можно ребятам привить трудовые навыки.

Какие же задачи стоят сейчас, после процесса, перед окружным отделом народного образования и перед всеми просветительными учреждениями, и перед широкой советской общественностью, внимание которой в достаточной мере привлечено процессом?

Первая задача—шире открыть двери всех наших просветительных учреждений перед трудящимися. Мы не можем жить дальше в 4 стенах. Нужно сделать так, чтобы всякий трудящийся без всякого мандата имел право войти в детдом или школу.

Вторая задача—беспощадная самокритика для того, чтобы поставить работу всех просветительных учреждений на должную высоту.

Третья задача—повышение сознания ответственности за порученную работу.

Четвертая задача—чуткость к запросам ребят и преподавателей.

Во время рассмотрения дела школы III Коминтерна я думал—почему ребята не жаловались дальше, не дошли хотя бы до самого Коминтерна, почему они дальше Поссашева не шли, почему на нем остановились?

Почему у ребят создавалось такое представление, что дальше они идти нигде не могут? Нигде этого не заказано. Все возможности у ребят должны быть использованы.

Наконец, всем руководителям учреждений, всем работникам просвещения необходимо помнить, что, если мы не зайдем ребят интересным делом, то для всякого рода безобразных явлений будет открыто широкое поле во

всех наших учреждений. Этой интересной увлекательной работы в наших учреждениях весьма и весьма мало.

Подсудимый Кашин приводит в пример Косихинскую школу, где общественно-полезный труд превратился в прямую свою противоположность. И такого же рода явления мы имеем в целом ряде наших учреждений.

Нельзя не отметить ту большую роль, которую сыграла в деле выявления недостатков в просв. учреждениях печать, в частности газета «Красный Алтай». Только печать сделала то, что целый ряд недостатков, проступков и преступлений не погрязли в дебрях канцелярии, а вышли на суд широкой советской общественности.

Пусть в «Красном Алтае» не было ста процентов правды, пусть были некоторые преувеличения тех или иных моментов, но в основном необходимо признать со всей определенностью, что те указания, которые были в «Красном Алтае», почти полностью подтвердились на суде.

Совершенно ясно, что этот процесс—не гонение на работников просвещения. Такого рода нотки проскальзывают в разговорах. Никакого гонения на работников просвещения, добросовестно относящихся к своим обязанностям, партия и советская власть не допустит. Советская власть и партия всегда поддерживали и будут поддерживать тех работников просвещения, которые работают не за страх, а за совесть.

Этот процесс является уроком, хотя и печальным, но весьма полезным уроком и не только для Барнаула и для всего Сибирского края, но для всего нашего Советского Союза.

В 1918 г., когда коммунистическая партия порывала с левыми эсерами, т. Ленин привел такую фразу одного поэта: «без радости была любовь, разлука будет без печали». Эту фразу можно применить к ряду работников просвещения, которые находятся сейчас на скамье подсудимых,—наша разлука с ними будет без печали.

В обращении ЦК партии ко всем членам партии, ко всем рабочим со всей определенностью говорится, что «размеры социалистического строительства и гигантская сложность работы требуют от рабочего класса и его партии величайших усилий и постоянного самовоспитания и самообучения; изгоняя из своих рядов все гнилое вырождающееся, систематически борясь с врагом, а также систематически повышая требовательность к самим себе, рабочие преодолеют все и всякие трудности и добьются решающих побед».

Эти требования партия и советская власть будет всегда предъявлять ко всем.

МЕТОД ПРОСВЕДИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

Е. Выходцева.

Обучение грамоте по методу целых слов.

С Х Е М А:

1. Краткое обоснование метода. 2. Достоинство метода. 3. Система занятий
4. Система расположения материала. 5. Переход к делению слов на слога. 6. Выдача
буква; ей. 7. Игры, связанные с грамотой. 8. Как готовиться к уроку. 9. Какой нуж-
но иметь материал. 10. Примерные конспекты уроков. 11. Заключение.

Если мы в первый раз в жизни попадем на выставку картин, то прежде, чем разбираться в деталях каждой картины, мы делаем беглый осмотр всей выставки в целом. Это значит, что мы ведем свое наблюдение от целого и потом уже постепенно переходим к частному.

Беря книгу, мы не интересуемся первым делом узнать, какими буквами она напечатана, а сразу смотрим на заглавие ее (а иногда заглядываем в середину и конец книги), т.-е. желаем сразу охватить все содержание книги.

Если мы, взрослые, стараемся, таким образом сразу схватить целый образ или даже совокупность их, то тем более живой, восприимчивый организм ребенка нельзя задерживать на одном, ничего не говорящем ни его уму, ни сердцу звуке—явлении. Ребенку вовсе неинтересно изучение каких-то отдельных звуков. Ему хочется как можно скорее читать. Метод целых слов основывается на восприятии образа целого слова, а потому обучение грамоте по этому методу сразу заинтересовывает ребенка, так как исполняет его желание, его стремление. А раз это так, то значит, что для ребенка обучение грамоте по методу целых слов гораздо доступнее других методов.

Метод целых слов не требует особых отвлеченных занятий, а тесно увязывается с комплексной системой преподавания. При его применении не нужно производить с детьми весьма затруднительные манипуляции выделения и слияния звуков. При обучении грамоте по методу целых слов у детей вырабатывается навык гладкого чтения целыми словами и фразами, что трудно достигается при применении метода звукового. Вот это и есть основные достоинства метода целых слов.

Материал для обучения грамоте берется из темы, а подбор слов можно приравнивать к букварю с той целью, чтобы дети, получивши затем букварь, сразу могли

бы прочесть из него несколько страниц. Если за основу взять букварь «Мы в школе» — Венгрова и Осмоловского, то таким первым словом будет **МАМА**.

В начале занятий, первые несколько дней, ведется с детьми беседа, проводятся прогулки (если позволит погода), устраиваются игры, рисование на свободные темы (вводится навык держать карандаш, тетрадь, умение сидеть за партой). Затем по беседе о летнем времяпровождении ребенка и семьи **выявить предмет МАМА**, который и предложить детям зарисовать. Когда дети его зарисуют, надо показать им заранее заготовленную карточку со словом **МАМА**. Дети читают слово на карточке хором и по очереди. Далее следует взять несколько карточек, незнакомых детям, вложить в них карточку со словом **МАМА**, и пусть ее дети по очереди отыскивают до тех пор, пока научатся это делать быстро, уверенно и без ошибки. После этого учитель произносит слово **МАМА** и печатает его на доске, а дети — в тетради несколько раз. Одновременно можно по очереди вызывать детей к доске, чтобы они приучались печатать мелом. Когда слово хорошо усвоили — дать детям отдельные кусочки бумаги, чтобы они сами составили карточку на пройденное слово. Хорошо, если есть цветные карандаши для раскрашивания. Выбрав лучшую карточку, дети наклеивают ее на большой лист цветной бумаги, из которого впоследствии получается плакат пройденного материала. Для закрепления знания пройденного слова проводится вырезывание его из бумаги, сначала по контуру, а потом по памяти. Если нет ножниц, можно обойтись без них. Можно, наконец, составлять нужное слово из спичек, из палочек, из соломинок, вырезать из бересты и проч.

Материал для обучения грамоте следует систематизировать следующим образом: первые слова надо брать легкие для детей по произношению и усвоению; выбирать объекты, близкие и доступные пониманию ребенка; в каждом новом слове должно быть не больше одной новой буквы **МАМА**, **Маша**, **мала**, **шла Маша Сама**, **Папа**, **пара Шура**, **Наша**, **Наша**, **Окно**, **мы**, **мыли** и т. д.). Все эти слова приводятся не как обязательный рецепт, а как примерный подбор. Многосложных слов сразу не давать.

Когда дети узнают несколько слов и появится необходимость в переносе их, надо переходить на деление слов на слоги. Первые несколько слов следует учителю разделить самому, дети же только прислушиваются, а потом предложить детям по очереди самим произвести деление слова на слоги. После устного упражнения над несколькими словами, взять одно какое-либо определенное слово и на глазах детей разорвать карточку его на слоги. Получившиеся слоги дети сами повторяют, несколько раз каждый слог в отдельности и обратно, соединяя их в слово. Прделав данный опыт несколько раз, надо дать детям карточки со знакомыми словами, и пусть они сами их разорвут на слоги. Когда дети хорошо поймут, что значит деление слов на слоги и смогут любой слог (из пройденных слов) прочесть, следует приступить к составлению новых слов из знакомых слогов. Получившиеся новые слова можно записать. Для закрепления навыка деления слов на слоги нужно проделывать с детьми письменную работу, т. е. писать слова, разделяя их на слоги. Если у учителя, одна группа, то во время урока, (две — тогда в перемену), можно показать детям игру в слоги, о которой подробно укажу в разделе об играх.

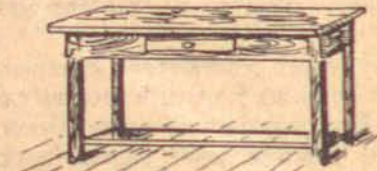
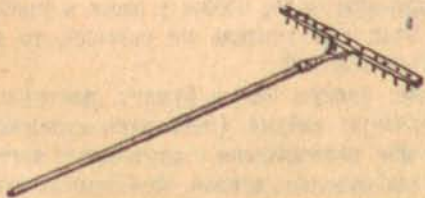

С выдачей букварей торопиться не следует. Если дети мало знают слов, то они обязательно начнут разбирать новые слова по буквам, чем испортят всю, начатую по методу целых слов работу. Я выдала буквари тогда, когда мы уже прошли почти всю азбуку, т. е. спустя больше месяца. Чтобы детям было не скучно без книг, мы пользовались свои тетради: каждый из учащихся читал слова в своей тетради и у товарищей: читали плакаты, а самым интересным чтением было лето (о нем речь ниже).

Игры, связанные с грамотой.

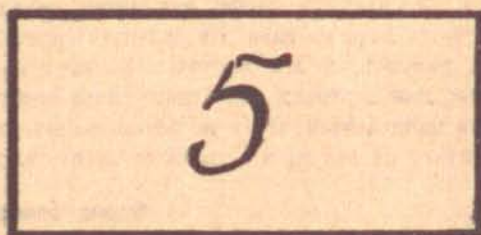
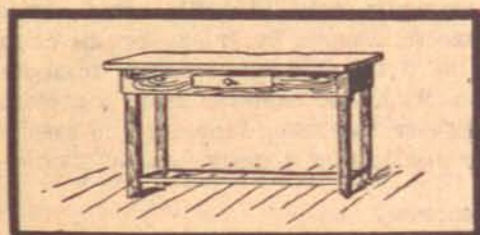
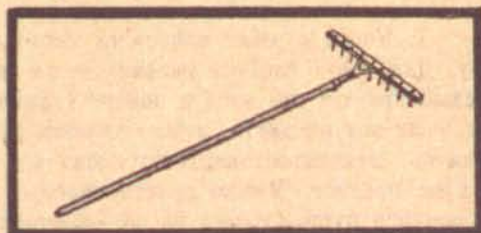
1. Когда у ребят накопится несколько знакомых слов, можно проводить чтение-игру. Для этого следует раздать детям знакомые карточки вниз написанным, пусть каждый прочтет про себя и пойдет укажет тот предмет, какое слово на карточке; причем, если нет предмета, можно указать рисунок на плакате. Если ребенок забыл слово, тогда он показывает карточку всему классу, ребята читают, а он повторяет и указывает на предмет. Можно делать наоборот, т.е. показывать предмет или рисунок, а учащийся пусть отыщет на него карточку. Дети очень интересуются этой игрой и могут прекрасно играть без учителя, чем дают ему возможность отойти к другой группе.

2. Когда у детей накопится побольше знакомых слов (15-20), тогда можно устроить лото из слов. На больших карточках, вместо номеров, будут напечатаны слова или рисунки, и эти карточки раздаются детям на руки, а вместо кубиков, делаются маленькие карточки для одного слова или рисунка. Маленькие карточки лежат в коробке вниз написанным. Один из детей вынимает из коробки маленькие карточки (по одной) и читает их вслух, а остальные дети отыскивают прочитанное в своих больших карточ-

Форма больших карточек.

МАМА	
1	СОП
	5
РАМА	

Форма маленьких карточек.

ках и, если есть такое слово, закрывают специально приготовленной крышкой. Выигрывает тот, кто первый закроет всю свою карточку.

Впоследствии количество больших и маленьких карточек постепенно увеличивается.

Этой игрой ребята очень увлекаются и приучаются, таким образом, быстро читать.

3. Когда идет деление слов на слоги, очень полезно показать детям игру «в платочек». Дети садятся или стоят кругом. Один бросает другому платок и говорит один слог; тот, который ловит платок, должен правильно закончить слово. Если ловящий ошибся, то он отдает платок обратно; если сказал правильно, то сам придумывает слог и бросает платочек (пример: первый говорит слог «ма», ловящий может закончить — «ма», или «ня», или «ла», или «ша» и т. д.). Можно бросать бумажку, вместо платка, или мячик, но тогда игра должна называться не «в платочек», а просто «в слоги». Игра эта тоже заинтересовывает ребят, а главное развивает у них навык деления любого слова на слоги и составления слов из слогов, а также развивает внимательность и быструю сообразительность.

Теперь несколько слов о том, как я готовилась к уроку. Во-первых, я тщательно продумывала предстоящую завтра беседу; выбирала слова; составляла конспект урока; наклеивала из разрезной азбуки карточку нужного слова; нарезывала бумаги для карточек детям; готовила клей. Вообще старалась, чтобы у меня к уроку весь необходимый материал был готов накануне. Если сам учитель не рассеян, то и дети невольно становятся внимательней к работе и аккуратней.

Для уроков необходимо иметь следующее: чистую белую бумагу, цветную бумагу, цветные карандаши, ножницы, клей, разрезную азбуку (несколько экземпляров), кнопки, палку с желобком (с метр длиной) для выставления карточек, когда уже составляется речь (можно употреблять ее и для отдельных слов, она заменяет кнопки и гораздо удобнее).

ПРИМЕРНЫЕ КОНСПЕКТЫ УРОКОВ.

1. Уроки обучения грамоте.

В беседах предыдущих дней мы с детьми выявили, что самый необходимый в семье человек — мама. Она стряпает, моет, шьет, тклет, прядет, водится с маленькими детьми, баню топит, работает на покосе, жнет, молотит, коров доит, воду несет, в огороде сажит, полет гряды и хлеб, картошку копает, в город ездит. Кроме того, она работает и в будни, и в праздник.

Призываю детей к порядку и приступаю к уроку.

— Итак, ребятки, мы с вами решили, что самый необходимый человек в семье—мама. Кто из вас повторит, что делает мама.

Многие из детей поднимают руки, желая рассказать. Если детей не очень много, то можно всех их переспросить, если много—ограничиться только дополнениями. Во время рассказа надо исправлять неправильный выговор слов у детей. Кончили рассказывать, тогда опять спрашиваю: «как мы можем все это записать в тетрадках, когда еще не умеем писать?». Может быть дети догадаются, что можем зарисовать, а если не догадаются, то напоминаю им, как мы эти дни записывали все, что видели и хотели записать. Тут уж все зашумят, что можно зарисовать. Предлагаю детям зарисовать маму, кто как хочет (можно в нескольких видах). Во время рисования обхожу детей и спрашиваю, кто у них нарисован. Кончили зарисовку, еще раз спрашиваю: «кого мы рисовали?».

— Маму, маму!

— Хорошо. А теперь давайте будем учиться писать слово **мама**. Вот смотрите, у меня в руках карточка, может быть, вы уже догадались, что на ней напечатано?

— Мама, мама!

— Верно, здесь напечатано—**мама**.

Поднося карточку ближе к учащемуся, спрашиваю: «что на ней напечатано?». Дети читают—**мама**. «Вот видите, мы уже с вами научились читать».

Дальше беру несколько совершенно незнакомых детям карточек, вкладываю в них слово **«мама»** и спрашиваю, кто отыщет карточку со словом **«мама»**. Хорошо, если дети все будут участвовать в работе. Можно дать все незнакомые карточки, чтобы дети догадались, что у них нет нужной карточки. Подобные поиски надо производить до тех пор, пока дети хорошо запомнят слово и будут находить его сразу и без ошибок. После этого опыта ставлю карточку в желобок палки или прикалываю ее кнопкой к доске повыше, а под ней пишу печатным шрифтом **МАМА**, произношу слово вслух. Спрашиваю:—что я написала?—Дети отвечают: **«МАМА»**. Затем вызываю по очереди одного из детей печатать на доске, а остальные печатают это же слово в тетрадках по несколько раз. Можно работать с цветными карандашами. Когда дети хорошо усвоили слово, раздаю им по листу бумаги, размером приблизительно в $\frac{1}{8}$ листа, и они сами печатают карточки со словом **«мама»**. Можно напечатанное слово вырезать и буквы наклеить на другую бумагу или вырезать из белой, а наклеить на цветную,—вообще тут можно применить много приемов. Когда карточки готовы, прикрепляем их к доске, выбираем самую лучшую и наклеиваем ее на плакат, из которого потом составляется целая работа и получается материал для чтения.

II. Деление слов на слоги.

(Приблизительно день на 20-й).

Во время работы я несколько раз говорила детям, что вот немного подучимся, и тогда я вас научу, как правильно переносить слова из строчки в строчку, а пока, если слово не входит в строчку, то спрашивайте меня.

— Ну, ребята, успокаивайтесь, будем работать. Я обещала вас научить, как нужно переносить слово, если оно не входит в строчку. Вот сегодня мы этим и займемся. показываю им слово **«Варя»** и спрашиваю: «это какое слово?».

— Варя.

— Каждое слово, ребята, делится на части. Вот прислушайтесь. Произношу раздельно **«Ва—ря»**. На сколько частей я разделила слово?

— На две.

— Какая первая часть?

- Ва.
- А вторая?
- ря.
- А все слово вместе как сказать?
- Варя.

Таким же способом еще делю несколько знакомых слов. Потом спрашиваю: «А кто сам разделит слово «Варя» на части?». Несколько человек откликаются и делают: («Ва—ря «Ва—ря» и т. д.). Показываю слово «Женя», спрашиваю: «Какое слово, кто сумеет разделить на части?». Дети называют слово, и несколько человек делают его на слоги. Потом берем другие слова: **Шура, наша, работа** и также делим их на части. После этого беру карточку со словом «Варя» и на глазах детей перегибаю ее на части и разрываю на слоги, спрашиваю детей, что это я сделала со словом?

- Разделила на части.
- На сколько частей разделила?
- На две.
- Какая первая часть, какая вторая, а все слово вместе как прочитать?
- Ва, ря, Варя.

Остальные четыре слова даю самим ребятам разорвать на слоги, предварительно разделив их устно. Ребята разрывают слова, называют и показывают каждый слог отдельно и все слово вместе. Когда все слоги хорошо усвоили, пишем эти пять слов на доске и в тетрадях, разделяя на слоги. Записали, еще раз повторили слоги по карточкам, тогда начинаем составлять из этих слогов новые слова, которые и записываем: **Ваня, ваша, вашу, вата, няня, Боря, жена, Наташа, рана, Тоня** (печатанным шрифтом). Специальное занятие деления слов на слоги продолжается только один день, а дальше уже переходим к делению их в процессе своей работы.

III. Выдача бунварей.

Буквари я выдавала тогда, когда дети прошли почти всю азбуку и небольшие слова читали свободно, а новые и большие могли прочесть по слогам. Выдача букварей проходила приблизительно через 30-35 рабочих дней от начала занятий.

Призываю детей к порядку, прошу не шуметь и объявляю, что сейчас буду им выдавать книги. Раздаю букварь «Мы в школе» (последнее издание в переплете) — Венгрова и Осмоловского. Прежде всего прошу детей посмотреть на корочку, что на ней нарисовано и написано. Дети рассказывают, что нарисованы ребятки, из которых один читает книгу, а другой пишет мелом на доске (если дети сразу не сообразят, можно дать им несколько наводящих вопросов). Спрашиваю: «что пишет мальчик, кто прочитает?». Ребятам всем хочется прочесть, а некоторые уже подсказывают: «Мы в школе». Тогда спрашиваю: «Как называется эта книга?» (показываю книгу высоко перед всеми).

- Мы в школе.
- Кто напишет на доске эти слова?

Отзывается несколько человек, которым я и предлагаю по очереди написать, а остальные проверяют. После этого читаем тут же на корке крупные слова: «Букварь для школ Сибири». Дальше открываем корку переплета и на первом листке читаем опять то же название книги: «Мы в школе. Букварь для школ Сибири». Открываем еще листок, читаем **мама, Маша**, и беседуем по картинке о том, как мама вела Машу в школу за руку. Читаю им стишок про эту картинку на 52 странице этого же букваря:

А Маша-то, Маша,
разумница наша:
в избе озорница,
а школы боится.
Гляди, весь народ:
мамка за руку Машу ведет.

После чтения, дети передают содержание стихотворения своими словами. Беседем о том, кого из наших ребят и кто приводил в школу, кто сам приходил. Тут попутно считаем: «поднимите руку, кого мама привела в школу? Алеша, сосчитай, а вы, ребята, проверьте». Алеша считает. Если не верно, то еще раз пересчитывает вслух. Таким же порядком считаем, сколько человек пришли с отцом, с сестрой, с бабушкой, сами. Если получаются числа небольшие, то можно сравнивать,—кого больше, меньше, на сколько. Если же числа большие и еще незнакомые детям, то просто говорим: много, мало. Тут же по картинке выясняем, что мама и Маша одеты в теплую одежду; листья с дерева осыпаются, а вдаль видно, как птицы полетели в теплые страны,—значит дело происходит осенью. Смотря на школу (на картинке), вспоминаем стихотворение:

ШКОЛА

Три окна, крылечко
скат крутой,
недалеко речка
под горой.
Трудовая школа,
и с утра
в ней, как в ульях пчелы,
дствора.

Дети с удовольствием и наперебой рассказывают его.

Еще лист открываем и читаем: Маша наша, наша, наша. Отыскиваем на картинке маму и Машу. Выводим заключение, что мама пришла в школу за Машей, а она упирается, не идет, и ребята ее не пускают. Читаю им стишок про эту картинку на 52 стр. этого же буквара:

Заходила нынче мать
в школу, дочку повидать.
А навстречу ей ребята,
точно малые галчата,
обступили и гурьбой:
«Маша наша, наша, наша!
Ей не хочется домой».

Дальше говорю ребятам, что каждую картинку надо внимательно рассмотреть, тогда лучше поймешь и запомнишь, что под ней написано; незнакомые слова прошу не читать без меня, (а то могут неправильно их прочесть, а потом и неправильно писать будут); предупреждаю также; что по буквам читать не надо. Объясняю детям, как надо обращаться с книгой; говорю им, что книгу надо беречь, обернуть в бумагу, носить в сумке, которая тоже должна быть чистой. Завтрак надо носить не в сумке, а в отдельном мешочке.

Выдача книг у меня заняла два урока, но я и не горевала с этим, так как моя цель была—добиться, чтобы дети отнеслись к книге внимательно и бережно с ней обращались. Как-будто бы эта цель мною почти достигнута: из 16 человек учеников—вернули буквари, не обернутые в бумагу и сильно запачканные, только двое.

На этом я заканчиваю описание некоторых моментов работы из своей личной практики, которые я нашла более важными. Если же товарищи учителя найдут что-либо из описанного полезным и заинтересуются другими моментами работы, то я с большим удовольствием поделюсь своим опытом.

Роберт Стукьян.

Красный уголок и внедрение революционной законности в деревне.

Первое условие проведения в жизнь революционной законности—понимание и знание законов трудящимися.

Крестьянин, обладая знанием закона, охраняющего интересы трудящихся масс, будет способствовать укреплению революционной законности.

Без знания своих прав и законов своей страны крестьянин будет плохим хозяином и плохим гражданином.

Часто от крестьян приходится слышать жалобы, что в деревне мало порядка, происходят злоупотребления со стороны должностных лиц, все это из-за того, что издаваемые советской властью в интересах рабоче-крестьянских масс законы остаются недостаточно известными населению; не зная их, крестьяне не могут пользоваться льготами, которые по закону им предоставлены. Когда население знает законы, этим законам подчиняется и исполняет их, а всякий нарушающий несет ответственность в тех рамках, как это установлено действующим законом, тогда можно сказать, что закон соблюдается.

Знание закона сбережет труд крестьянина, который часто за пустячной справкой тратит целые дни для поездки в город или райцентр; с корнем вырвет бюрократизм и волокиту в наших учреждениях.

Незнанием законов крестьянством пользуются любители легкой наживы, так называемая, подпольная адвокатура. Что такое подпольный адвокат и что он представляет из себя?

«Облокааты» выдают себя за людей, знающих законы; они берутся выиграть в суде любое дело, хотя для этого и нет никаких оснований. Легковерные люди идут на удочку этого подпольного «облокаата», который сам, из-за незнания законов часто дает неверные советы. Дело еще более запутывается и затягивается на более долгий срок. Бывают случаи, что при помощи «облокаатов» ловко подделываются судебные спорные дела крестьян в пользу зажиточной части деревни, могущей побольше уплатить ему за хлопоты. Лучшим средством борьбы с этими пауками деревни является широкое распространение среди населения правовой грамотности и организация юридической помощи. В красных уголках организация юридической помощи слабо развита. При районных избах-читальнях организовано юридическое бюро. Это бюро руководит юридической работой во всем районе, — с ним то и надо связаться. Необходимо организовать стол справок, где хотя бы по вечерам в известные дни велась справочная работа. Каждая выданная справка не только дает какое-то знание получающему ее крестьянину, но и ведет его к газете, книге, к посещению красного уголка.

Одному заведующему красным уголком работу вести не под силу и хорошо поставить ее он не сможет, — а работа важная, за ней следует закрепить более знающих товарищей из числа членов совета красного уголка, а главное вовлечь в нее всех развитых работников села. Этой работой в первую очередь должна интересоваться партийная ячейка, руководство и поддержка со стороны которой имеют большое значение. Особенно должна ячейка интересоваться теми выводами, которые смогут быть сделаны из работы справочного об интересующих население вопросах, о замеченных злоупотреблениях, волоките и т. д. Особо желательно привлечение в справочную работу ячейки

комсомола. Здесь необходимо избежать только той ошибки, которую часто комсомольские ячейки допускают и в политпросветработе, а именно—не ограничивать своей работы исключительно молодежью, не превращать справостол в справостол для молодежи. Для успешной постановки справочной работы необходимо знать деревню, где придется развертывать работу, ее хозяйственный быт, классовое расслоение. Взрослые крестьяне, уже давно самостоятельно хозяйствующие, хорошо знают жизнь своего села, а поэтому привлечение передовиков крестьян в работу даст свои результаты. Передовик-крестьянин, по-дружески сумеет завязать беседу с односельчанином и обстоятельно выявить его нужду. Необходимо также в эту работу вовлечь крестьянок. Дежурство при справостоле необходимо чередовать.

Часто могут встретиться такие вопросы, которые не может разрешить дежурный справочного стола; тогда эти вопросы надо посылать специалистам (агроном, учитель, врач) или в районное юридическое бюро. Можно ответы на вопросы, наконец, приурочивать к дням приезда в село специалистов. Об этих днях необходимо тогда широко оповестить население.

Работа стола справок должна учитываться. Всякий запрос крестьянина нужно вносить в особо заведенную тетрадь, где записывать, что сделано дежурным по столу справок (дан совет, написано заявление и т. д.).

Тетрадь необходимо завести по такой форме:

№ № по порядку	Число	Кому выдана справка и когда	Краткое содержание вопроса	Краткое содержание ответа	Результат справки	Подпись консультанта
1	1/1-28 г.	Любимцу Дмитрию с. Романовское.	О льготе по с/х. налогу	Чулымский Чук заявлено.	Удовлетворена, снято 25%	Стукьян Роб.

Крестьянина интересуют не только те вопросы, которые затрагивают его лично; у него имеется большая тяга к изучению советского законодательства вообще. Знание законов необходимо крестьянину и при исполнении различного рода обязанностей в общественных организациях. Беседы, проводимые по этим вопросам, очень интересуют население и являются одним из простых приемов правового просвещения крестьян. Беседы нужно использовать при всех моментах, дающих возможность провести их.

Надо широко использовать также метод внедрения революционной законности путем вечеров вопросов и ответов. Вечера можно устраивать общие или на определенную тему. На общих вечерах присутствующие задают вопросы на какую угодно тему. Темовые вечера устраиваются по какому-либо основному вопросу. Особенно темовые вечера подходят к деревенской обстановке. На темовые вечера необходимо приглашать специалистов (врач, агроном) или приурочивать таковые к их приезду. Лучше всего заранее в общественных местах вывесить ящики, куда бы крестьяне, желающие получить ответ, свои вопросы спускали в письменном виде. Ни одна записка с вопросом не должна уничтожаться,—по ним можно выявить наиболее интересующие крестьян вопросы их жизни и хозяйства.

Вторым массовым приемом в работе является агитсуд на разные темы. Агитсуд доступен по пониманию каждому малограмотному и неграмотному крестьянину. Инсценировка судебного процесса отличается от суда тем, что это не настоящий суд, это своего рода театральное представление. Зрители такими постановками интересуются. Инсценировки необходимо готовить основательно, для чего следует подбирать для них наиболее большие явления в данном селе.

В деревне издаются стенные газеты. Их также надо использовать в целях правового просвещения масс и укрепления революционной законности. В стенгазетах надо помещать заметки, имеющие своей целью борьбу с фактами нарушения революционной законности.

Справочный стол не надо рассматривать как «стол, вечно стоящий в помещении». Он должен быть везде, в гуще крестьянства. С этой целью нужно использовать различного рода собрания, конференции, предварительно разведав, какова повестка дня их, и соответственно этому подготовив вопросы. Во время прений надо давать где следует выдержки из постановлений, декретов, разъяснять непонятное.

В пунктах сбора (можно в крестьянских избах, где собираются крестьяне) завести книги вопросов и ответов с письменными принадлежностями. На первой странице следует понятно написать правила пользования книгой, здесь же можно написать как писать то или иное заявление.

Страницы можно разграфить так:

Здесь для вопросов			Здесь для ответов		
№ № п/п. и число	Напиши имя, отчество, фамилию и местожительство.	Здесь разборчиво напиши свой вопрос и когда хочешь на него ответ получить.	№ № п/п. и число	Читай ответ.	Распишись в прочтении и сделай свое примечание.

Важность и необходимость учета работы доказывать также не приходится. Без учета нельзя поставить работу на должную высоту.

Учет необходимо проводить по следующим направлениям:

1) учет выданных справок со стороны их содержания, порядка выдачи, результатов этих справок; 2) учет практической работы справстола (написанных заявлений, выданных справок и проч.); 3) учет массовой работы, отношение к ней крестьянства.

Для правильной работы необходимо изучить законы, научиться понимать их и пользоваться юридической литературой. Особенно надо изучить те законы, которые подходят к местным условиям. Изучать циркуляры и инструкции, издаваемые наркоматами, и следить за тем, как таковые проводятся в жизнь и как смотрят на них крестьяне. Местные органы (сельсовет, РИК) издают обязательные постановления. Их также необходимо изучать — насколько они подходят к местным условиям.

Селькор в деревне является человеком, который ведет борьбу с злоупотреблениями и уродливыми явлениями. Его также надо вовлечь в работу. Нужно добиться от советской общественности, чтобы селькор был охраняем законом. Часто происходят преследования селькоров, нередки и зверские убийства их. Эти убийства происходят со стороны лиц, нарушающих революционную законность. Селькору надо помочь в его работе. Нужно добиться, чтобы заметки, попадающие в печать, были правдивы.

Иногда от крестьян слышны нарекания на неправильные решения народного суда, в состав которого входят народные заседатели. Тов. Ленин, говоря о суде, сказал, что суд является органом поголовного привлечения бедноты к государственному управлению с той целью, чтобы все трудящееся население принимало участие в разрешении судебных дел по охране революционной законности. Нужно изучить народных заседателей своего села и вести с ними работу. Они должны знать законы, ибо знание законов со стороны нарзаседателей даст им возможность правильно решать дело. Надо добиться, чтобы кандидатуры нарзаседателей обсуждались заранее, для чего вывешивать список намеченных заседателей, чтобы каждый имел возможность обсудить их. Народные заседатели должны отчитываться перед населением в своей работе.

Нужно сделать так, чтобы справочная работа обслуживала, главным образом, бедняцко-батрацкое население.

Орловский.

Книга и читатель.

(Как выбирать и читать книгу).

Выбор книг.

Выбор книг в первую очередь должен определяться: а) целью чтения; б) интересами самого читателя; в) степенью его общего развития.

Каждый читатель должен ясно поставить вопрос: что он хочет получить от книги? Читать «вообще», «из-за интереса», «от нечего делать» — бесполезно. Надо читать только то, что необходимо, что отвечает поставленной заранее цели.

Книг много. Они существуют для читателей, а не читатели для них. Не надо искать книгу наугад и читать ее затем, чтобы убедиться в ее ненужности и бесполезности. Нечего бояться, что при такой постановке вопроса многие книги окажутся непрочитанными. Дело не в количестве прочитанных книг, а в качестве их. Лучше усвоить хорошо одну книгу, чем знать понаслышке о сотне других.

При выборе книг необходимо учитывать и момент личной заинтересованности. Зачастую мы разбрасываемся, нам хочется изучить все, нас интересует и то, и другое, мы беремся изучать самые разнообразные вопросы, мы подчас даже не знаем, чем нам лучше всего в первую очередь заняться. Не кончая изучения одного вопроса, мы переходим к другому. В результате ни один вопрос не изучен как следует, в голове остается какой-то сумбур, отрывочные поверхностные знания. Этого не должно быть. В работе должны быть прежде всего интерес, планомерность и система.

Надо заранее вдумчиво определить свои вкусы и врожденные склонности к той или иной отрасли знания, разобраться в том, какие вопросы наиболее всего интересуют, что надо изучить в первую очередь и т. д. — и только уже после всего этого приступить к выбору книг. Работа по принуждению, при отсутствии интереса, принесет мало пользы и толку. Н. К. Крупская справедливо замечает: «Большая разница, занимается ли человек, принуждая себя к занятиям данным предметом, или увлекается им, уходя в занятие, что называется, с головой».

При выборе книг для чтения нужно соблюдать еще одно правило — брать книгу по своим силам и способностям. Надо постепенно переходить от чтения более простой по содержанию книги к чтению более сложной. Непонятную и трудную книгу лучше не читать. Мы зачастую берем книгу не по своим силам, в результате — книга откладывается, не дочитывается до конца. При изучении каждого вопроса должна быть постепенность и последовательность в переходе от более легкого к более трудному. Это золотое педагогическое правило мы часто применяем к детям, но зато сплошь и рядом забываем, когда дело касается нас.

Но, допустим, что мы учли свои силы и способности, выявили наши склонности и интересы, определили цель чтения, и, в зависимости от этого, наметили тему или вопрос для изучения, как же практически подойти теперь к выбору нужной книги. В этом отношении надо использовать все представляющиеся возможности. Конечно, лучше было бы раз вопрос для изучения намечен — обратиться за советом, что читать, к специалисту там, где он есть. Но это трудно, а подчас невозможно бывает сделать. Специалистов, за редкими исключениями, не найдешь даже в маленьких городах, не говоря уже о наших сибирских захолустных тасжных деревнях. Остается ждать помощи со стороны библиотекаря.

Но и советы библиотекаря зачастую по тем или другим причинам не могут удовлетворить нас в должной степени. Необходимо нужную для нас книгу уметь отыскивать и находить самому. В библиотеках с этой целью имеются различного рода каталоги—систематический, алфавитный, предметный, перекрестный. Каталоги эти могут быть как карточные, так и в форме тетради или книги. Надо научиться отыскивать книгу по этим каталогам самостоятельно.

В библиотеках же можно использовать с целью выбора полезной и нужной книги различного рода плакаты и рекомендательные списки книг по тому или другому вопросу. Хорошо также пользоваться аннотированными каталогами разных издательств.

Большую пользу окажут при выборе книг различного рода библиографические журналы, справочники и указатели книг по различным вопросам и отраслям знаний. Таких указателей и справочников в настоящее время издается очень много. За ними нужно следить и ими пользоваться. В них даются оценки почти всех вновь выходящих наиболее ценных книг. Из числа библиографических журналов большую пользу могут оказать: «Книгоноша», «Вестник Книжки», «Печать и Революция», «Книга о Книгах», «Книга и Революция», «Сельско-Хозяйственная Книга» и друг.

Кроме специальных библиографических изданий, подробные рецензии о книгах даются в особых отделах критики и библиографии и в других различного рода периодических журналах («Сибирские Огни», «Жизнь Сибири», «Красная Новь», «Новый Мир», «Северная Азия», «Молодая Гвардия», «Звезда», «Красный Библиотекарь», и др.). Отзывают о новых книгах уделяют место и все наши газеты—«Известия», «Правда», «Советская Сибирь» и др. Регулярный просмотр таких рецензий в газетах и журналах принесет большую пользу.

Подробная рецензия даст возможность ближе ознакомиться с книгой и тем самым узнать ее пригодность. Но иногда и рецензии могут быть ошибочными. Хорошо бывает в таких случаях, если возможно прочитывать на одну и ту же книгу несколько отзывов.

Все указанные нами журналы и газеты дают, главным образом, рецензии, редко сводки их—на отдельные вновь выходящие книги по различным вопросам. Читателю иногда бывает этого недостаточно. Ему зачастую нужно знать про все книги по данному вопросу или по какой-либо целой отрасли знаний. Этот недостаток, отчасти, устраняется специально издающимися библиографическими указателями книг. Таких указателей книг по различным вопросам и отраслям знания много, при выборе книг для чтения ими нужно пользоваться как можно шире. Указатели дают подробные систематические, иногда в порядке трудности, списки книг по тому или иному вопросу.

Богатый обзор книг по различным вопросам, вышедших еще до революции, дает капитальный, редко встречающийся теперь, 3-х томный труд Н. А. Рубакина «Среди книг». Этот труд и теперь еще может служить справочным пособием для самообразования.

Большую помощь в выборе книг окажут читателю различного рода программы для самообразования и руководства для занятий в кружках. Подобные программы имеют то преимущество, что в них наряду с указаниями, как, какие и в каком порядке читать книги (по данному какому-либо интересующему вопросу), даются методические замечания и о том, на что особенно следует обратить внимание, что возможно и надо практически проработать и т. д. Эти же программы зачастую имеют контрольные вопросы для проверки того, как и насколько усвоена проработка данного вопроса и т. п.

Помимо книг, газет и журналов за всеми новинками полезно бывает следить, где это представляется возможным, по витринам и выставкам книжных магазинов, библиотек и по специальным книжным выставкам.

Представляющиеся в этом отношении случаи надо использовать возможно полнее и целесообразнее. Здесь иногда бывает возможно бегло просмотреть книгу. В выборе нужной книги для чтения, необходимого руководства и пособия для самообразовательной работы—беглый просмотр книги имеет громадное значение. При некотором

навыке в этом отношении такой просмотр книги самим читателем даст гораздо больше, чем рецензия на нее другого лица, а потому будет несравненно ценнее в смысле предварительной ориентировки и знакомства с книгой. Навыки бегло знакомиться с книгой надо постепенно воспитывать и укреплять в себе. Они необходимы во всей нашей самообразовательной работе. Без них невозможно более или менее успешно вести чтение книги, а тем более правильно и безошибочно выбрать ее.

В чем же состоит беглое знакомство с книгой?—Прежде всего необходимо обратить внимание на автора книги, ее полное название, на то, кем, когда, где и сколько раз книга издана, обратить внимание на ее формат, внешность—количество страниц, обложку, печать, бумагу, рисунки, если есть, и т. п. **Обязательно** необходимо затем прочитать предисловие к книге (если оно коротко, в противном случае—просмотреть) и оглавление ее, без этого условия нельзя получить полного представления о просматриваемой книге. После этого необходимо книгу перелистать, останавливаясь и читая отдельные страницы и места ее, обращая внимание на отдельные фразы, особенно выделенные курсивом или жирным шрифтом, на подзаголовки и т. п. После такого краткого ознакомления с книгой читателю сразу же станет ясным—годится ли для него книга, не трудна ли она или слишком популярна будет для него, отвечает ли она на интересующий его вопрос, много ли потребует времени для своей проработки и т. п. Зачастую бывает, что книгу после такого просмотра приходится откладывать и не брать вовсе для чтения, как несоответствующую требованиям читателя. Если же книга после беглого просмотра ее окажется вполне подходящей для чтения, то такое предварительное знакомство с ней в значительной мере облегчит в дальнейшем работу по усвоению ее содержания.

Работа с книгой.

Выбрав книгу, мы сделали тем самым только поддела. Впереди остается самое главное и, пожалуй, самое трудное—прочитать книгу. Казалось бы, что этот вопрос так прост, что на нем и останавливаться не следует.

Однако, это не так. Для огромного большинства читателей вопрос о том, как читать книгу, очень серьезен и важен. И действительно, читателей ведь так же много, как и книг. Можно с уверенностью сказать, что каждый из них читает книги **по-своему**. Но все же всю читательскую массу можно подразделить на несколько групп. Одна группа читателей читает книги по преимуществу от скуки, от безделья, лишь бы убить время. Так читают книгу напман, обыватель. Они читают ее большей частью или после сытного обеда, или на сон грядущий. Книга для них прежде всего—забава; она постольку хороша и нужна им, поскольку легко и приятно читается.

Вторая группа читателей—это ученые и люди, по характеру своих занятий близкие к ним. Как пчела собирает душистый мед из разных цветков, так и ученый из весьма различных и многих книг выбирает все необходимое ему. Для выяснения истины ему приходится перерабатывать огромный материал, зачастую рассеянный на страницах большого количества книг. Чтение для такого рода людей—серьезный труд, а не легкая забава.

Близко к этому типу читателей стоит и третья группа. Это—люди различного рода профессий (инженеры, врачи, агрономы и т. п.). Каждый из них, перелистывая книгу, читает прежде всего то, что прямо или косвенно относится к его профессии.

Четвертую группу составляют учащиеся. Это—тип читателей по обязанности. Большинство учащихся (особенно в старой школе) читает прежде всего то, что «задано», что необходимо выучить к уроку. Чтение «отселева доселева» характерно для этой группы.

Совсем особняком от всех предыдущих стоит пятый и особенно интересный тип читателей. Люди такого типа читают без разбора все, что попадет под руку. Они одинаково с большим удовольствием будут читать и бульварный роман, и серьезный научный

труд. Такие читатели никогда не интересуются вопросом: зачем они читают и что читают? Зачастую они даже не понимают того, про что читают. Им нравится самый процесс чтения. Содержание книг для них безразлично, и оно их несколько не интересует. Так читал гоголевский Петрушка; так читают многие и по сие время.

Вот наиболее распространенные читательские группы. Конечно, между ними существует много переходных, но в общем эта схема верна.

Как же должен читать книги в наше время массовик-просвещенец? Очевидно, не так, как читает их напман или гоголевский Петрушка. Трудящемуся нет времени забавляться чтением. Он призван к строительству новой жизни. Весь день его проходит в работе. Каждая свободная минута для него дорога и потому должна быть использована наиболее разумно. Чтение для него должно быть таким же важным и необходимым занятием, как и его повседневный труд. Поэтому тем серьезнее он должен отнестись к вопросу: как читать, чтобы при наименьшей затрате сил и времени достигнуть наибольших результатов.

Как же надо читать книги, чтобы они приносили нам пользу? Мы знаем, что всякий труд только тогда достигает своей цели и дает должные результаты, когда он хорошо организован. То же и при чтении. Чтение—труд, которому надо учиться (не только в смысле грамотности), который надо проводить умело, по строгой системе, организованно. От правильной постановки чтения зависит наше развитие, наше мирозерцание. Недостаточно только бегло просмотреть книгу, надо еще усвоить ее содержание, разобраться в прочитанном, критически отнестись к нему, а это—труд не легкий.

Трудно, конечно, дать для всех одинаковые в этом отношении готовые правила, указать рецепты. Слишком различны отличительные особенности читателей. Но все же и в этом отношении можно привести, особенно для начинающих, несколько советов и указаний. От степени их выполнения в значительной мере будет зависеть и степень той пользы, какую хотят получить от чтения.

Прежде всего следует соблюдать основное правило—это читать мало, но зато толково и активно. Не всегда знает много тот, кто много читал. Важна работа ума читателей во время чтения. Важно, чтобы все усвоилось из книги, и ничего не осталось бы в ней непонятого. Нужно все изложенное в книге передумать; нужно уловить основную мысль отрывка, главы, всей книги, отделить главное от второстепенного. Надо во всему в книге отнестись критически взвучно, может, даже поспорить с автором, если это нужно, по поводу его положений и выводов и не соглашаться с ним. Нужно всегда становиться как бы в оппозицию к автору. Мы не должны принимать на веру ни одной авторитетно высказанной им мысли. Все сказанное им мы должны проверять и «расценивать с точки зрения логики, здравого смысла и классовой справедливости» (Н. Вержбицкий). Мы ни на минуту не должны забывать слов Писарева, что «книги могут быть только материалами, над которыми упражняется пробуждающаяся мысль. Эти материалы необходимы потому, что без впечатлений невозможна умственная работа. Но все-таки это—материалы, а не готовые убеждения. Готовых убеждений нельзя кушать в лавке»...

Без такого спора с автором, без личной работы мысли над прочитанным, без критической оценки читаемого все книги окажутся хорошими, и читатель неизбежно будет подпадать под влияние то одного, то другого, подчас даже с противоположными убеждениями автора. У такого читателя никогда не будет своих убеждений, своего взгляда на вещи. Он будет всегда опираться на то,

«Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет».

Кроме этого, такое пассивное чтение без критики и оценки читаемого, без переживаний прочитанного, чрезвычайно вредно и в другом отношении. Мы привыкаем не думать над тем, что читаем, мысль наша ленится, воля ослабевает. «Чтение только и есть тогда чтение основательное, настоящее, когда оно будит нашу мысль, заставляет

оценивать содержание, критически к нему относиться»,—говорит Л. И. Базилевич («Работа над книгой»).

Личная, таким образом, работа мысли при чтении—это необходимое условие всякого правильно организованного чтения. Чтение без размышления вредно: оно притупляет и ослабляет мысль человека. «Читать—ничто; читать и размышлять—что-то; читать, размышлять и переживать—все».

Необходимо весь материал книги проработать так, чтобы основные мысли автора стали, как бы собственными мыслями читателя. Только такая работа над книгой принесет пользу. Только такое вдумчивое толковое чтение способно развить умственные силы читателя и обогатить его новыми идеями и новыми мыслями, дает ему знания.

Отсюда следует другой не менее важный совет для чтения—**читать медленно и внимательно**, небольшими отрывками и вначале непродолжительно.

Беглое и невнимательное чтение, когда читатель перелистывает страницу за страницей и прочитывает то, что случайно его заинтересует, такое чтение никуда не годится. Оно приучает поверхностно относиться к книге, вырабатывает ненужное самомнение и верхоглядство. Содержание книги при этом не усваивается целиком.

Не следует также, особенно начинающему читателю, **разбрасываться** при чтении, как это часто бывает, и переходить от одной книги к другой, не закончив первую. Это мешает читателю сосредоточить все свое внимание на затронутых автором вопросах и нарушает цельность впечатления от книги. Книгу нужно бросать лишь тогда, когда она непонятна, не по силам. И лучше даже не читать ее, чтобы не походить на гоголевского Петрушку.

Если читатель-новичок должен, особенно в первое время, читать книгу без пропусков и не разбрасываться, как мы сказали, то вполне опытный читатель может воспользоваться и другими способами чтения. В зависимости от цели чтения и прочих условий, такой читатель в одних случаях может иногда ограничиться лишь только чтением-перелистыванием книги, в других—им прочтутся по интересующему его вопросу отдельные главы и места ее.

Опытный читатель, изучая какой-либо вопрос, может, наконец, вести работу и сразу по нескольким книгам («параллельное чтение»). В таких случаях чтение книг ведется по главам, рассматривающим один и тот же какой-либо узкий вопрос. При этом может оказаться, что в главе из другой книги мы найдем или несколько иные подходы, другие доказательства, новые детали, дополняющие изучаемый нами вопрос, или же наоборот, встретимся в этом отношении с явными противоречиями, с совершенно иным взглядом автора на только что нами усвоенное по тому же вопросу из первой книги. Как видим, при таком параллельном чтении сразу же нескольких книг на одну и ту же тему, интересующий нас какой-либо отдельный узкий вопрос или вся тема в целом выявляются наиболее полно и ясно.

Лицам, занимающимся самообразованием, зачастую приходится интересоваться не одним, а несколькими вопросами. Тут вполне может быть допустимо, для тех, кто хорошо уже научился владеть книгой и приобрел необходимые и полезные навыки, так называемое, одновременное чтение книг по различным вопросам. Такое чтение представляет лишь одну громадную опасность, о которой мы уже упоминали, это—опасность разбросаться и ничего не сделать, но зато имеет и целый ряд преимуществ. При одновременном чтении не так скоро устаешь, охотнее и живее работаешь, шире затрагиваешь круг изучаемых вопросов.

Очень полезно для закрепления в памяти составлять **конспект** прочитанного, т.-е. давать наряду с основными мыслями автора и краткое содержание книги.

После того, как книга уже прочитана, бесполезно также делать **выписки** наиболее характерных мест книги и мыслей автора. «Читать, не делая выписки, это то же, что вовсе не читать» (Альбола). Выписки эти нужно приводить как можно короче. Выписывать необходимо точно и лишь самое главное, и не только то, с чем согла-

шаешься, но и противоположное. Каждая выписка должна иметь точные данные, откуда она взята.

Наряду с этим надо записывать и **свои** мысли, возникающие при чтении данной книги.

Записи лучше производить на отдельных листках. Ряд таких выписок и записей, помимо того, что они помогают наилучшему усвоению книги, пригодится и в дальнейшем, как для возобновления в памяти прочитанного, так и для получения справок при более подробном и тщательном изучении того же вопроса.

Не следует, однако, во время чтения делать заметки на полях книги. Лучше для этой цели пользоваться особыми тетрадками или записной книжкой.

Очень ценно **совместное чтение и чтение вслух**. Оно также способствует в значительной степени усвоению книги. Прочитанное таким образом легче запоминается и усваивается. Возникающие при этом споры «за» и «против», обмен мнениями по поводу прочитанного и т. п. как нельзя больше помогают уяснению вопроса, заинтересовывают читателя и слушателей и наталкивают на изучение ряда других вопросов. Особенно такой способ чтения нужно рекомендовать в избах-читальнях, с людьми, не имеющими еще навыков чтения, еще не выработавшими в себе привычки читать, с людьми, только что начинающими втягиваться в это дело и малограмотными.

Когда читать книги? Нет и не может быть для этого определенного часа. Нельзя составить на этот предмет какого-нибудь расписания. Читать книги нужно всегда, как только имеется свободная минутка. Можно и нужно читать в любое время дня и ночи. Надо стремиться лишь только к тому, чтобы занятие чтением не проходило «запоём», было бы более или менее регулярно, без больших промежутков, если возможно, то ежедневно. Надо выработать в себе привычку читать, создать охоту к такому постоянному регулярному чтению, тогда, без сомнения, всегда найдется и нужное для этого время, появится и усидчивость.

Как нужно много и долго читать? здесь тоже нельзя дать определенных указаний. Нет охоты к чтению—лучше отложить книгу. Нельзя без вреда мучить и насиловать себя и свой ум в этом отношении. Если при чтении чувствуется усталость, ослабло внимание, плохо усваивается содержание—перестаньте читать, закройте тогда книгу и лучше разберитесь в прочитанном. Эта перемена не затруднит работу мысли, а поможет только лучше уяснить вопрос.

Часто можно слышать жалобы на то, что книга по прочтении скоро забывается. Не нужно бояться этого; всех подробностей все равно надолго нельзя запомнить, да это было бы и обременительно для памяти. Если книга прочитана внимательно и толково, то, без сомнения, останется в памяти то основное, что хотел сказать ею автор. Останется и ряд вопросов, возникающих по поводу прочитанного, а это важно и ценно.

Работая с книгой, нельзя забывать известную народную пословицу—«Повторение—мать учения». Чем чаще повторять, тем лучше и прочнее усваивается содержание книги. Для того, чтобы остался более глубокий след от книги, не нужно пренебрегать возвращаться во время чтения к перечитыванию наиболее характерных и важных мест ее и снова внимательно обдумывать их. Усвоение книги в значительной мере зависит от этого. Да и впоследствии вообще хорошую книгу следует не раз перечитывать. Это окажет большую пользу. «Повторное чтение—могучий фактор самообразования, и не стыдиться должно его, а ввести в систему своих занятий»,—говорит А. В. Миртов. «Прочитать одну хорошую книгу три раза гораздо полезнее, чем прочесть три хорошие книги по одному разу»,—говорит известный педагог Е. Влацич.

Нужно также прислушиваться к голосу критики на того или другого автора по поводу той или иной его книги. Надо прочитывать все «за» и «против» него. Таким путем вырабатывается свой определенный взгляд на автора.

Вот краткие указания для чтения. Только при соблюдении их книга принесет должную пользу, будет служить нам источником знания, будет нашим помощником и другом.

В настоящей статье мы, разумеется, не претендовали на исчерпывающую полноту поставленного нами вопроса. Наша задача скромнее. Учтя свой опыт в этом отношении и опыт других, мы постарались наметить лишь вехи работы с книгой. Для тех, кто хотел бы наиболее подробно ознакомиться с вопросом, мы советуем обратить внимание на следующие прекрасные в этом отношении книги (ими пользовался и автор настоящей статьи):

1. Альбола, А.—«О чтении». Изд. «Сеятель». Ленинград. 24 г.
2. Л. И. Базилевич.—«Работа над книгой». ГИЗ. 1926 г. Стр. 78. Ц. 40 к.
3. Борович.—«Как читать книгу». Харьков. 1926 г. Стр. 126. Ц. 50 к.
4. Владиславлев, И. В.—«Как вести записи о прочитанных книгах». Изд. «Книга».
5. Вержбицкий, Ник.—«Труд и книга». Изд. автора. М. 1924 г. Стр. 232. Ц. 50 коп.
6. Н. К. Крупская.—«Как и чему учиться». Изд. «Молодая Гвардия». Стр. 157. Ц. 40 коп.
7. Невский, В.—«Как находить нужную книгу и как с ней работать». Изд. «Красная Новь». 1924 г. Стр. 78. Ц. 40 к.
8. Поварнин, С. И.—«Как читать книги для самообразования». Изд. «Начатки Знаний». Ленинград. 1924 г.
9. Рубакин, Н. К.—«Как и с какой целью читать книги». Центр. Кооп. Изд. М. 1922 года.
10. Его же.—«Письма к читателям по самообразованию».
11. Его же.—«Практика самообразования». ГИЗ. М. 1919 г. Стр. 288.
12. Ребельский.—«Азбука умственного труда». Изд. «Труд и Книга». М. 1927 г. Стр. 120. Ц. 75 к.

Доцент педологии А. Бек.

О переходном возрасте.

В проблеме рациональной организации педагогического процесса особого внимания к себе требует вопрос обучения и воспитания детей переходного возраста. Название «переходный» или «пубертатный» относится к тому периоду жизни детей, когда в организме развиваются процессы полового созревания. В результате этих процессов, на наших глазах в течение 3-4 лет ребенок превращается в юношу, с типичными особенностями в фигуре и в поведении юношей мужского и женского пола. У девочек начало полового созревания чаще всего обнаруживается в возрасте 12-14 лет, у мальчиков 13-16 лет. Срок этот может передвигаться в ту и другую сторону в зависимости от условий жизни: так, напр., в условиях городской жизни половое созревание наступает раньше, чем в сельских условиях.

Переходный период является наиболее беспокойным и трудным в воспитательном отношении; при незнании особенностей детей этого возраста и при неумелом обращении с ними чаще всего возникают конфликты между детьми и родителями или педагогами. Нередко такие конфликты ведут к полному разрыву отношений и иногда влекут для детей тяжелые последствия на всю жизнь.

Исследования Буземана в Германии обнаружили максимум конфликтов с родителями у девочек в 13 л., у мальчиков в 15 л.

Еще Руссо требовал особого внимания к этому периоду жизни детей, называя его вторым рождением человека. По образному сравнению Руссо, как рев моря задолго предшествует буре, так в этот период глухое брожение предупреждает о приближении опасного зарождения страстей. «Перемена настроения, частые вспышки, постоянное душевное возбуждение делают ребенка почти неукротимым; он становится непослушным и не хочет, чтобы им руководили». Так характеризует Руссо период второго рождения, которое должно дать в результате сложную социальную личность человека.

Говорить о поведении подростков, как о чем-то вполне однородном, не приходится, т. е. в этом возрасте более ярко, чем в раннем, выявляется сложная, путанная картина влияния социальных и биологических факторов: принадлежность к тому или иному классу, условия жизни, наследственные особенности организма, его конституция—все это обуславливает большое разнообразие в характере и в поведении отдельных подростков; но в общей их массе можно уловить черты, свойственные возрастному периоду, как это указал Руссо.

Новейшие исследования более детально выясняют закономерность в изменениях характера детей в течение переходного периода. В немецкой литературе Ш. Бюллер, В. Штерн и др. выделяют в этом периоде несколько фаз, при чем особое внимание уделяют так называемой «негативной» (отрицательной) фазе и следующей за ней фазе мечтательности.

Поведение в течение негативной фазы характеризуется, как чрезвычайно пассивное и в то же время беспокойное. Пассивность сказывается в трех направлениях: понижение интереса к окружающему, стремление к уединению и понижение продуктивности в работе; начатое дело или плохо выполняется, или не доводится до конца.

Интересные данные приводит Хетцер (Hildehard Hetzer) в статье «Систематические наблюдения за подростками во время негативной фазы». Автор вел наблюдения в Германии над группой девочек в исправительном приюте. Кроме длительного наблюдения за поведением, были использованы дневники, классные сочинения и др. письменные проявления исследуемых.

Негативная фаза проявлялась у 70 проц. девочек в возрасте от 11 л. 8 мес. до 13 лет. Случаи более раннего и более позднего ее наступления встречались только у лиц, с явным уклоном в развитии, в смысле общей отсталости или, наоборот, преждевременности развития. Продолжительность негативной фазы отмечалась от 2 до 9 месяцев; менструации появлялись в продолжение или в конце этой фазы.

Благоприятным условием для наблюдений за поведением девочек у немецкого автора была их недисциплинированность, невоздержанность и отсутствие стыдливости, что не позволяло им скрывать того, что застенчивые девочки обычно подавляют.

Каждая девочка, когда наступала ее негативная фаза, становилась необщительной, избегала как воспитательниц, так и подруг, начинала уклоняться от обязанностей, которые до тех пор несла, всякая попытка воздействия воспитателей встречала с ее стороны резкий отпор. Реже, чем пассивность наблюдалась склонность к разрушительным действиям, явная враждебность к окружающим, желание нанести вред при каждом удобном случае.

Если до негативной фазы велся дневник, то в этот период он забрасывался.

Первым признаком заканчивания негативной фазы является повышение продуктивности в работе; вскоре затем дети делаются более общительными, берутся за свои обязанности, возобновляют ведение дневника, начинают писать письма и обнаруживают особое стремление так или иначе излить свои переживания: в стихах, в письмах, в дневниках и т. п.

Содержание дневника после негативной фазы резко меняется; вместо спокойного описания внешних событий, как делалось раньше, преобладает описание своих внутренних переживаний большей частью тревожного или грустного характера.

К. Корнилов в статье «Летопись дет. жизни» (написанной еще в 1917 г., когда к вопросам изучения переходного периода делали только первые шаги) приводит выписку из дневников двух девочек, в возрасте от 11 до 15 лет (Условия семейной жизни у девочек были различны: у одной хорошие, у другой чрезвычайно плохие).

В обоих дневниках на всем протяжении ярко звучит стремление любить и быть любимой; в первую половину переходного периода это стремление выливалось в форму обожания учительниц и подруг, а во вторую половину в форму характерного для полового созревания тяготения к лицам другого пола и кокетливости. Одна девочка в 12 л. 6 мес. описывает свою любовь к гимназисту Толе и вскоре пишет: «Я встретила Толю; увидев его, я отвернулась, чтобы не кланяться».

Внимание к своей внешности, к костюмам проявляется ярко не только у девочек, но и у мальчиков. Проф. Лазурский в характеристике мальчика Борисова, 14 лет, отмечает: «В последнее время замечается склонность франтить: сузил брюки (над чем сам раньше смеялся), любит приодеться, прихорашивается».

К. Корнилов не выделяет негативной фазы в состоянии девочек, но упоминает о двухмесячном перерыве в ведении дневника и о резком изменении содержания в записях после перерыва.

Всего чаще, по данным всех авторов, писание дневника возобновляется с таких выражений: «Давно не писала, не хотелось» или — «Мне было грустно, сама не знаю, почему».

При использовании дневников необходимо учитывать—велось ли записывание в дневник, как действительное излияние своих переживаний, или же при этом была рисовка и шаблонное подражание чужим дневникам.

Мне удалось достать дневник знакомой мне талантливой женщины М. А. В детстве она перенесла много болезней и физически развивалась медленно.

Ее дневник носит отпечаток искренности и потому представляет интерес:

В 16 лет она пишет: «Давно не записывала ничего, т. к. не могла: думаешь одно, а на бумаге выходит совсем другое, что-то противоречивое, лживое, сентиментальное».

Повидимому негативная фаза у этой девушки протекала очень резко. Из ее записей около того же времени видно, что одна из учительниц была поражена переменой в поведении и во всем облике девочки: «Я шла по коридору, она меня остановила и говорит: «Что это стало с вами, Маня, я совсем не узнаю вас? То ли дело прежде—жизнерадостная, веселая, молодость была ключом, а теперь придавленная какая-то».

У другой, физически тоже слабо развивающейся девушки А. И. мрачное настроение ярко сказалось в ее письме ко мне за год до окончания ею средней школы, где она пишет: «Мысль, что я буду лишним человеком на свете, меня угнетает. Я стараюсь ободрить себя, что я все могу сделать, что при желании все возможно; но мои усилия напрасны. Иногда у меня и является желание работать, трудиться, но такой порыв продолжается недолго. Большею частью мне ничего не хочется делать. В начале учения нынче я была полна веры в себя, в свои силы, но так как за этот год я ничего не сделала в смысле душевного развития и поэтому была большею частью недовольна собой; но теперь уже не имею никакой веры и ни к чему сильно не стремлюсь».

После негативной фазы, по наблюдениям немецких авторов, наступает более активный период мечтательности и порывов. Стремление к чему-то новому, необычному, часто к нереальному характеризует этот новый этап развития: «Хочется чего-то огромного, безграничного».

В. Смирнов в книге «Рабочий подросток» приводит характерный отрывок из дневника одной девушки: «Уйти куда-нибудь! Ах, кабы своя воля. Сейчас бы отпра-вилась туда, куда сама не знаю, где-то, где должна остановиться дорога. Кажется, нигде... Всегда бы шла, шла, шла».

При благоприятных социальных влияниях эти смутные порывы могут легко переключаться на стремления к высоким идеалам, к героическим подвигам, давать яркий расцвет здорового романтизма социального характера.

При узком будничном строе жизни те же порывы выливаются в преждевременные, уродливые формы полового поведения или же, при наличии религиозного воздействия, появляется экзальтированная набожность или же, особенно часто у мальчишек, тяга к бродяжничеству.

Отто Рюле в книге «Психика пролетарского ребенка» говорит, что чаще всего причиной бродяжничества служат предшествовавшие или предстоящие кары. Ребенок так же сильно боится унижения, как и боли. «Погоди, уже придешь домой!»—говорит рассерженная мать или взбешенный отец. Тогда ребенку кажется самым лучшим совсем не приходить домой. В тех семьях, где царит отцовский деспотизм, неизбежны более или менее явные конфликты между старым и молодым поколением. Обычный тип реплик отца: «Этакий молокосос хочет учить меня! Вот когда сам начнешь зарабатывать, тогда и действуй, как знаешь. Пока же изволь слушаться отца, и ни слова больше!».

Родители, обычно, не учитывают, чем резче гнет, тем сильнее сопротивление. Если не сейчас, то потом, при первой возможности, ребенок выступает против родителей и поражает их своей неблагодарностью».

Гораздо реже встречаются родители, которые во-время умеют установить товарищеские отношения со своими подрастающими детьми, уважают их стремление к самостоятельности и этим сохраняют хорошие отношения.

Газеты часто содержат публикации родителей об неизвестно куда ушедших детях. Особенно часто бегут из дома мальчики, — то из-за стремления попасть в Америку, то из-за желания пожить на свободе, без родительской опеки.

У пролетарского ребенка, по Отто Рюле, протест против авторитетов выступает с особой силой и приобретает утрированные формы. Униженный со всех сторон, юный пролетарий стремится не тем, так другим способом утвердить свою позицию в обществе: начинает пить, курить, показывает свою силу в драках, в грубых, хулиганских выходах и т. п.

Тот же автор приводит статистику самоубийств в детском возрасте, из которой видно, что большинство лишает себя жизни в возрасте 13-15 лет.

При благоприятных условиях жизни подростков обычно не получается никаких трагических исходов, но всегда в течение переходного периода заметна неустойчивость характера, смена под'ема и упадка энергии и противоречивость настроений. В одном из дневников, цитируемых Корниловым, девочка в 12 лет 10 мес. пишет: «Зачем жить? Умереть бы, умереть! Если я умру, хуже никому не будет», и тут же наряду — страстное желание жить, нравиться, быть любимой.

Стенли Холл приводит длинный перечень противоречий, уживающихся в характере юноши-подростка, как, напр.: огромное самомнение и застенчивость, высокие идеальные стремления и низкие побуждения, жажда быть в обществе и нелюдимость и т. д. Как-будто идет борьба двух личностей: одна с примитивными, непосредственными потребностями, другая — с более сложными социально-культурными стремлениями.

В имеющемся у меня дневнике М. А. девушка дает себе такую характеристику: «Два человека живут во мне. Один злой, чувственный, продающий себя за бесценок, другой чуткий, восприимчивый и более или менее благородный. Необходимо погубить первого. Но возможно ли это?».

Из всех данных видно, что в течение переходного периода ярко развивается способность к обобщению накопленного опыта, к образованию идеала жизни и к установке на далекую цель.

Учащиеся второй ступени всегда горячо отзываются на отвлеченные вопросы о смысле, о цели жизни и т. п. Необходимо в педагогическом процессе учесть эти стремления и направить их в социально желательное русло.

При отсутствии идеальных стремлений, энергия направляется в сторону полового любопытства, и подростки делаются особенно податливыми к дурным влияниям; тяга к запретному, к необычному заставляет их подпадать под влияние тех, кто обещает удовлетворить половое любопытство какой бы то ни было ценой.

Статистика проституции в Берлине показывает, что самый большой процент соприкоснувшихся падает на возраст в 13 лет.

У мальчиков развитие пубертатного периода протекает более разнообразно и более растянуто, чем у девочек, тем не менее, и у них наблюдается чередование аналогичных фаз.

Хетцер приводит наблюдение за мальчиком К. Л. в возрасте от 13½ до 15½ лет. Сопоставляя свои наблюдения с другими, автор считает возможным выделить у мальчиков 4 фазы:

- 1) спокойный период накопления сил;
- 2) возрастающее сознание своей силы;
- 3) отрицательная фаза;
- 4) под'ем энергии. Возобновление дружбы с прежними товарищами и т. п.

У мальчика К. Л. первая фаза наблюдалась с 13 лет в продолжение 7 месяцев. За это время К. Л. обнаруживал особую продуктивность в работе: хорошо занимался в школе, в свободное время столярничал, учился играть на скрипке, проявлял интерес ко всему окружающему.

Во второй фазе появилась перемена в отношениях с окружающими. Стал задорным, беспечным, затевал драки по дороге в школу, хвастливо рассказывал о своих «героических» поступках. В 13 л. 8 мес. особенно вызывающе держал себя с мальчишками; в то же время начал восставать против своих родителей. В разговоре о них часто слышался раздраженный тон: «Пусть они только попробуют! Я им покажу!» и т. п.

Такое же отношение проявлялось и к учителям в школе.

В 13 л. 10 мес. у К. Л. появилось желание убежать из дома, перестал заниматься столярничеством, ищет книг о приключениях, отказывается от всякого дела по домашности, чего раньше не было.

При таких условиях требуется большая осторожность в обращении: каждое наказание, каждый грубый подход могут вызвать катастрофу. Доброжелательное, хорошее руководство особенно необходимо в этот смутный период, но его, в большинстве случаев, нельзя оказать ни со стороны родителей, ни со стороны воспитателей, т. к. прежде всего от их влияния стремится оградить себя подросток. Его нарождающаяся личность жаждет независимости, самостоятельности и освобождения от той опеки, которая ему напоминает, что он еще не взрослый. Как бы ни были логичны доводы родителей, они бессильны изменить настроение детей. Только посторонний человек или какая-нибудь организация сверстников могут импонировать и влиять на подростка, особенно, если перед ним при этом открываются какие-то новые горизонты.

Варендонк, французский исследователь детских сообществ, на основании богатых материалов, собранных им, делает вывод, что детские организации, даже в форме банд, тайных сообществ и т. п. являются настоящей школой общественности: дети в этих сообществах ведут себя иначе, чем тогда, когда они изолированы. По выражению Варендонка: «Это есть система воспитания общественности, в которой влияние родителей и др. органов власти ничтожно».

В наших условиях пионердвижение, как организация с высокой социальной целеустремленностью, несомненно должно оказывать огромное и благотворное влияние на подростков при условии правильной его организации. А. Б. Залкинд в только что изданной книге «Половое воспитание» глубоко и всесторонне освещает методы воздействия на детей в области полового воспитания и в главе XVI говорит: «Все пожелания в отношении к переходному возрасту принципиально находят свое идеальное воплощение в пионердвижении: оно создает огромные по шире и необычайно яркие по конечным целям горизонты для развития героического воображения детей». «Любое педагогическое задание, любой учебный материал могут быть включены в форму пионерработы; установка на борьбу за интересы трудовых масс дает моральный подъем и стимулы для закалки и тренировки». Половое отношение между мальчиками и девочками, по данным Залкинда, сглаживается под влиянием мягкой иронии к «флиртерам» и «кокеткам».

Отдельная личность в воспитании молодежи также может играть большую роль. По литературным данным и из личного опыта мы знаем, что в школах II ступени и в детдомах достаточно появления среди педагогов личности, которая в глазах детей стояла бы выше обыденного уровня, и к ней, как к магниту, будут привлекаться взоры детей: начнется подражание манерам, словам, поступкам, и при таких условиях чрезвычайно легко дать то или иное направление детским интересам и стремлениям.

В статье немецкого автора мальчик К. Л. получил хорошее влияние от молодого соседа по квартире, который сумел подстрекнуть его самолюбие, указывая на возможность многого достичь путем самообразования. Вследствие этого, угрозы мальчика по отношению к родителям приняли новый характер: «Я им покажу, на что я способен!». Прилив сил в это время давал ему иллюзию, что он может завоевать весь мир.

Негативная фаза началась у К. Л. в возрасте 14 л. 7 мес. Появилось недовольство всеми, потерял интерес к работе; хозяин, у которого мальчик до того был на хорошем счету, стал жаловаться на его леность, небрежность в работе («что-то иное у него в голове»); товарищей К. Л. стал избегать; по праздникам оставался дома и предпочитал лежать на кровати. В разговоре с автором высказывал, что «жизнь ужасна», «нет ниче-

го хорошего в жизни». Перешел на работу к другому мастеру, но и там не ужился. Ушел из дому и скитался без дела по улицам, пока не был задержан, как бродяга.

Негативная фаза длилась у него 7 месяцев.

В 15 л. 2 мес. произошел перелом; стал спокойнее, вернулся к прежнему мастеру, усердно принялся за работу. Вскоре вступил в кружок товарищей для совместных экскурсий. Начал писать письма прежним друзьям; возобновил дружбу с соседом, перестал курить и стал хорошо относиться к родителям.

У многих мальчиков черты негативной фазы менее резки, но рассеяны на более продолжительное время.

Борьба с родителями часто принимает у мальчиков более острую, чем у девочек, форму, так как мальчики, по словам проф. Гофмана, «считают грубоватый способ обращения признаком мужественности и пользуются им, как необходимым средством для самоутверждения и защиты своей личности».

При благоприятной обстановке окружающей среды и при умелом обращении с детьми, беспокойные черты переходного периода могут быть значительно сглажены.

Хетцер приводит случаи, когда организация интересных занятий в приюте создавала общее оживление, и у девочек, находящихся в негативной фазе, исчезали, благодаря этому, отрицательные формы поведения.

В школе напряженные занятия всего класса могут маскировать пассивность отдельных детей.

Тем не менее, мы знаем, что педагоги особенно часто жалуются на подростков.

Неустойчивость настроений, склонность к негативизму, к борьбе против авторитетов делает занятия с детьми переходного возраста очень трудными, особенно для тех педагогов, которые стремятся водворить свой авторитет путем шаблонных требований и взысканий.

В современной литературе имеется «Дневник Кости Рябцова»—Н. Огнева, где ярко вскрывается бурная жизнь коллектива школы II ступ. 1923-24 уч. г. Достаточно учительнице сделать обращение в классе—«Дети», чтобы за этим вспыхнула мятежная реакция оскорбленных самолюбий: «С нами не имеют права обращаться, как с детьми или с пешками». На всем протяжении дневника идет борьба, то против Далтон-плана, то против легального школьного самоуправления за свой «Союз» и т. п. При этом автор дневника, описывая начавшуюся борьбу со «шкрабами», отмечает: «Мне сразу стало жить очень весело».

Тут же наряду—волнения и конфликты на почве пробудившихся половых стремлений. Наличие социально-культурных тенденций заставляет юношу-подростка бороться с примитивным тяготением к лицам другого пола; но эта борьба не всегда идет успешно.

Так, напр. 18 февр. в дневнике записано: «Все-таки я должен найти какое-то решение. половому вопросу, п. ч. он измучил меня вконец. Дошел до того, что сегодня на репетиции, когда девчата все были в костюмах и причесаны по-другому, и было страшно тесно на сцене, я нарочно стал их затаскивать в угол, не из озорства, а из-за другого...»

Хорошо, что Никлетож (учитель) и никто не заметил, что это было не из простого озорства. А если бы они знали!».

Тот же автор дневника рассказывает об эксцессах в половом отношении в форме организации тайных пирушек—«капустников».

Опасность таких оргий для молодежи, в смысле физического истощения и социальной распущенности, требует, конечно, энергичных мер борьбы; но карательные меры здесь менее действительны, чем лечебно-педагогические. Затормозить страхом какое-то стремление еще не значит дать ему новое направление.

Все то, что создает под'ем энергии для достижения какой-либо яркой цели: интересные экскурсии, полные неожиданных приключений, какие-либо ответственные задания

и т. п. могут более надежно переключить половую энергию на новые рельсы и дать здоровый уклон поведению подростков, в общей их массе всегда склонных ко всему героическому и к шумным приключениям.

При индивидуальном подходе к отдельным детям мы найдем бесконечно разнообразные варианты поведения в зависимости от условий жизни и наследственных особенностей организма.

Влияние социальных условий на поведение детей и взрослых бесспорно, и это нужно учитывать в первую очередь, но полезно при этом иметь в виду и наследственные факторы.

При одних и тех же внешних условиях поведение отдельных подростков будет, не вполне аналогичным, в силу различия их конституции, т. е. в силу особенностей строения их организма.

Вопросы конституции вызывают в настоящее время большой интерес в научных сферах и предложено несколько классификаций для деления людей по типам конституции.

Наиболее широкую известность и применение в жизни получило учение германского психиатра Кречмера, изложенное в его книге «Строение тела и характер». Устанавливая соответствие между строением тела и темпераментом, Кречмер по социальным установкам (по характеру) делит всех людей на две основные группы: 1) шизотимики и 2) циклотимики.

1) Шизотимики—люди замкнутые, необщительные, скептически настроенные к окружающему, склонные настойчиво добиваться далеких целей, чрезмерно серьезные, неспособные к юмору.

2) Циклотимики—жизнерадостны, общительны, приветливы, склонны к юмору, легко удовлетворяются окружающей средой, легко поддаются чужим влияниям и отсюда—неустойчивы в собственных целевых установках.

В переходный период шизотимические черты подростков должны особенно резко проявляться в негативной фазе и, наоборот, циклотимические черты могут ее маскировать.

В статье Топоровой: «К вопросу о взаимоотношении конституциональных особенностей и психических задатков» приводится результат исследования ленинградских детей в возрасте от 15 до 18 лет. Девушка-циклотимик говорит о себе: «Я всегда в веселом настроении. Было время, когда девочки в детдоме так были разочарованы в жизни, что хотели топить себя. Мне казалось, что топить себя я бы ни за что не стала, пусть все будет еще гораздо тяжелее».

Юноша-шизотимик высказывается так: «Люблю быть один. Мне часто бывает грустно:—Тяжело об этом говорить—горе всегда оставляет большой след и вспоминается с прежней полной яркостью».

Преобладающее настроение у различных типов может сохраняться на всю жизнь. Меня лично вопрос о склонности к светлым или мрачным настроениям у молодежи заинтересовал еще в 1922 г. Преподавание психологии в старшей группе II ступени дало мне возможность провести некоторые опыты. Проф. Шнейерсон в книге «Психология интимной жизни ребенка» предлагает выявлять настроение детей по работе фантазии, так как она всегда соответствует настроению. Учащимся старшего класса было предложено закончить начатый мною сказочный рассказ, такого содержания: «Молодая девушка заблудилась в дремучем лесу; долго блуждала она, не находя дороги, и была в отчаянии. Наконец, среди деревьев показалось большое, странного вида здание. Девушка вошла в темный коридор и робко подвигалась вперед. Вдруг перед ней распахнулась дверь и...». Учащиеся должны были немедленно записать, что нарисовала их фантазия о судьбе девушки.

Из 38 человек 16 дали светлую картину увиденного девушкой. 20 человек дали чрезвычайно мрачную картину.

Только две подали записки необремененного по настроению содержания.

В следующие годы в Иркутском университете в аудитории студентов 1 курса я повторила этот опыт и получила следующие результаты:

Учебный год	Количество участвовав. в опыте	Дали мрачные образы	Светлые образы	Неопределенные
1924/25	115	37,4%	35,6%	27%
1925/26	125	43,7 »	47,3 »	9 »
1926/27	93	48,7 »	41,8 »	9,5 »
1927/28	122	45 »	48 »	7 »

Конечно, настроение отдельных лиц могло случайно быть мрачным или веселым, но думаю, что закономерно повторяющееся деление аудитории на приблизительно равные группы светло и мрачно настроенных, нельзя считать случайным*).

Во всех опытах при подсчете тем преобладающее место занимала тема встречи с молодым человеком. Были и революционные темы: напр., «В доме оказались бело-бандиты» или «Там было собрание революционеров» и т. п.

Разнообразие типов людей вызывает особенно большой интерес, когда имеешь перед собой коллектив учащихся. Переходный возраст, наиболее трудный, является вместе с тем и наиболее ярким по своим проявлениям.

Вспоминается образное выражение одного молодого педагога, который сравнивал школьников с бутылками крепкого кваса: «того и гляди закипит, и вылетит пробка».

Меньше всего для этого возраста подходит холодный, бездушный формализм в школе и мертвечина применения программ и методов, не оживленных интересом к живым личностям учащихся, со всеми их особенностями.

В дополнение к сказанному необходимо хотя бы бегло остановиться на физиологической стороне вопроса.

Чем же обуславливается резкое изменение форм поведения детей при достижении ими переходного возраста?

На детях этого возраста особенно ярко подтверждается современный взгляд, что проблема психики есть в то же время проблема тела.

Педология учит нас не только выяснять поведение, но и охватывать жизнь ребенка в целом, вникать в физиологические основы и в механизмы поведения.

Средневековье, с его презрительным отношением к телу, оставило глубокий след, и до сих пор отголоски этого мы встречаем даже у образованных людей, которые считают процессы, происходящие в организме, чем-то низменным, а подход к изучению психики со стороны физиологии — унижительным для человека.

Между тем новейшие достижения физиологии и рефлексологии заполнили пропасть между физическим и психическим.

Новорожденный ребенок имеет простые врожденные формы поведения (движение, крик, сосание и т. п.), и мы говорим только о физическом состоянии ребенка. По мере развития и приспособления к условиям окружающей среды появляются сложные проявления, которые мы называем психическими.

Поведение школьника 1 ступени сложнее поведения дошкольника и значительно проще, чем поведение юноши-подростка. В переходный период строение и деятельность

*) Опыт этот, рассчитанный на свободное выявление настроения, требует особой подготовки в смысле спокойного, доверчивого отношения к экспериментатору и потому не может проводиться незнакомым лицом, пришедшим в класс только для опыта.

нервной системы достигают большого совершенства, что дает возможность самокритики, самоконтроля, некоторого предвидения будущего и т. п.

Но не только в усложнении строения мозга лежат особенности переходного возраста.

Мы судим о половом созревании по внешним признакам. Замечается усиленный рост в длину, особенно ног; при этом у длинноногого подростка появляются так называемые, вторичные половые признаки: у мальчиков «ломается голос» (вследствие удлинения голосовых связок), начинает пробиваться пушок над губой; у девочек обрисовывается женская форма груди, появляются месячные; у тех и других образуется характерная волосистость на лобке и подмышках. Быстро на наших глазах происходит чудесная метаморфоза—превращение ребенка в юношу.

Бросающиеся в глаза наружные изменения обусловлены большими пертурбациями во внутренних органах, особенно в области желез внутренней секреции. Деятельность этих желез чрезвычайно сложна и интересна: в настоящее время известно, что они посылают в кровь вырабатываемые ими вещества, так называемые, гормоны или возбудители. Все ткани и органы, весь организм в целом нуждается в этих гормонах для своего развития и для деятельности. Не вдаваясь глубоко в сложную область эндокринологии, бросим взгляд только на некоторые данные, имеющие близкое отношение к переходному возрасту.

В раннем детстве большое влияние на жизнь организма оказывают две железы: так называемая вилочковая или загрудная, лежащая позади грудной кости, и шишковидная железа, представляющая собою маленький придаток ствoda головного мозга, прикрытый мозговыми полусферами. Обе эти железы, по образному выражению физиолога Парна, «стоят на страже детства»: пока проявляется их усиленная деятельность, тормозится развитие половых желез, и этим удлиняется детство. В случаях болезненного их изменения, могут в раннем детстве появиться признаки полового созревания. Так, напр., в медицине известны случаи, когда при заболевании шишковидной железы у мальчиков и девочек, в возрасте четырех-пяти лет появлялись вторичные половые признаки и соответственно изменялось поведение.

Нормально эти железы постепенно прекращают свою работу; сначала к 7-8 годам шишковидная железа выбывает из строя, а затем к 13-15 годам—загрудная, и тогда вступают в силу половые железы.

Прежде думали, что яички и яичники предназначены только для половой деятельности в виде выработки половых клеток; теперь известно, что они наряду с другими железами вырабатывают особые гормоны, нужные для всего организма. Поступая в кровь, эти гормоны влияют не только на внутренние процессы, но и на характер, темперамент и на все проявления человека.

Благодаря присутствию их в крови, человек чувствует особый прилив сил, стремление к деятельности; избыток энергии как бы ищет выхода и побуждает к тем или иным, часто бурным проявлениям.

В первую половину периода полового созревания, пока функция половых желез еще не вполне наладилась, а деятельность загрудной железы резко ослабела, эта пертурбация, по видимому, обуславливает проявление негативной фазы, с ее отрицательными признаками в поведении подростка и в его самочувствии.

Имеются данные о изменениях в кровеносной системе в эту пору. Кровяное давление, т. е. напор крови, повышается вследствие увеличения размеров и силы сердца, при относительно узком просвете кровеносных сосудов. По одним взглядам узость кровяного русла обуславливается отставанием роста кровеносных сосудов от роста сердца (Лесгафт); по другим, более новым взглядам, сосуды находятся в сжатом состоянии под влиянием гормонов желез. Цвет лица подростка часто кажется бледным, как бы малокровным, вследствие сжатия поверхностных капилляров; но не редки случаи, когда в этот период развивается настоящее малокровие, с резким уменьшением количества кровяных шариков в крови.

Не вдаваясь в другие детали, мы видим, что состояние организма в переходный период подвергается большим пертурбациям, чем и можно объяснить неустойчивость поведения и др. явления, делающие этот возраст тяжелым в воспитательном отношении.

Все это говорит за то, что в деле переустройства школы **особенно ответственным является вопрос о наиболее благоприятной организации среды для детей переходного возраста.**

Этот возраст в смысле поведения изучен меньше, чем остальные. Если имеются некоторые данные относительно городских детей, то о крестьянских детях мы почти ничего не знаем. Как меняется их поведение в критический переходный период? Может быть, в сравнительно простых условиях крестьянской жизни нет бурных проявлений и борьбы с авторитетами, как в городе, или, может быть, эти процессы протекают там в иной форме?

Второй чрезвычайно интересный вопрос—как проявляются черты различных фаз полового развития в условиях пионерской жизни в городе и в деревне? Не наблюдается ли выход из организации в связи с негативной фазой? Какие перемены в отношениях к товарищам и к общественной работе наблюдаются у подростков в возрасте 12-15 лет.

Трудность исследования заключается в том, что здесь нельзя ограничиться сравнительно легким методом анкет, требуются длительные наблюдения, использование дневников, сочинений на свободные и на заданные темы и т. п.

Желательно было бы объединить материалы, имеющиеся у работников соцвеса и пионерского движения как по этому, так и по другим вопросам изучения детства. Думается, что наиболее удобным центром для объединения и обработки материалов мог бы служить кабинет педологии педфака Иркутского университета, куда можно направлять все запросы и материалы.

В. Агапов.

Организация помощи детям бедноты.

Вопрос о помощи беднейшим учащимся был поставлен перед учительством и соответствующими организациями еще с осени (на конференциях).

Наиболее полное осуществление он получил в Кауракском районе, где по инициативе Кузьмина и Степаненко был проведен школами во всех селах района двухнедельник, давший сбора около 600 рублей. Не останавливаясь на содержании кампании с ее сборами, лотереями, аукционами и проч., я задержу внимание лишь на проведении этой работы отдельными школами.

Особого внимания по четкости постановки работы, думается, заслуживает Лебедевская школа, Кауракского района. Проведя беседу и ряд обследований беднейших учащихся, учителя и детский школьный коллектив разработали довольно подробную программу действий. Рядом докладов, воззваний, выступлений в стенгазетах веколыхнули общественное мнение, организовали его и... начали работать среди населения и с населением.

Устроили сбор пожертвований по подписным листам, при чем собирали настойчиво и брали все, что давали. У ребят-сборщиков чувствовался особый энтузиазм. Собрали 15 рублей и 5 фунтов шерсти.

Устроили силами школы вечер, лотерею, аукцион и снова получили 20 рублей. Учащиеся и учащие обратились с просьбой к сельККОВ'у и еще получили 10 рублей, 10 рублей получили от РИК'а и 3 рубля прочих. На эти деньги **хозяйственным способом** скатали 9 пар пимов. Одежду шили **бесплатно** делегатки. И здесь—выгода! А потом школа и учащиеся переживали момент великой радости—прекрасного выполнения взятой на себя обязанности.

О детях бедноты и их родителях не стоит и говорить: они представляли собою воплощенную благодарность.

И все это сделано в порядке учебы, в самом лучшем понимании смысла этого слова, в связи с проработкой программного материала.

И сделано не в одной школе, а в целом ряде, в большинстве школ района.

В целом ряде школ таким же путем организован подвоз учащихся к школе.

Сейчас маленькая передышка, а потом новый нажим, новое напряжение, новые победы.

Где этот вопрос был упущен—надо внести, продумать, провести в жизнь!

О помощи детям бедноты.

Опыт работы Лебедевской школы в деле оказания помощи беднейшим учащимся не должен быть единственным. Я дальше хотел бы развить те возможности, которые имеются у ряда школ в этом направлении, а возможности есть немалые. Началом работы должна быть —

Организация мнения учащихся.

Прежде всего необходимо максимально заострить внимание ребенка на материальных условиях бедноты, отличающих ее от обеспеченных слоев деревни (жилище плохое, обстановка убогая, одежда и обувь плохая и на всех нехватает, запас ее ограничен, дети иногда сидят полуголые дома: им не в чем выйти на улицу; питаются плохо и впроголодь; доход или заработок мал и нет возможностей при одиночном хозяйствовании его увеличить—нет материальной базы. Следствие этого—крайняя нужда. Выход—единственное условие—помощь).

Лучшей формой работы явятся экскурсии-обследования, основанные на сопоставлении резких противоположностей; бедняк—кулак. Здесь часто даже внешность людей (сытый, упитанный—с одной стороны и истощенный, бескровный—с другой) играет большое значение. Важно только педагогически подобрать объекты и организовать их изучение. На образцах художественной литературы углубить душевные переживания ребенка. Закончить популярным ознакомлением с заботами соввласти и партии о бедноте и намечкой практических задач по организации помощи детям бедноты, проводимых по инициативе школы.

Привлечь на помощь цифры и факты.

По всем указанным выше материалам заручиться цифрами и фактами, отнюдь не надуманными, а привлеченными обследованием из жизни. Их может быть слишком много, но брать их все без разбору нет смысла. Здоровый смысл учителя, если он политически грамотен, подскажет, что именно нужно взять из всего обследования. Однако, можно и нужно заручиться цифрами о грамотности (если грамотен, то продолжительность обучения), о болезнях, о смертности, о досуге и проч. Все эти подобные сведения еще резче оттенят тяжелое материальное и бытовое положение бедноты. А такие сведения, как сведения об одежде, обуви, учебнике, о расстоянии от школы (кулак обычно в центре села, бедняк на окраине), об отсутствии в семье грамотных, о плохом питании и проч. помогут ребятам наметить и ряд практических мер по улучшению положения своих беднейших соотечественников.

Организовать общественное мнение в пользу этого вопроса.

Дело не из легких. Придется ученикам и учителю выступать с обоснованными, продуманными докладами сперва на заседаниях сельККОВ'а, культурно-просветительной секции сельсовета, затем на заседании сельсовета, школьного совета, родительских собраниях, общих собраниях и т. д.

Начав работать одна (где есть пионеры и комсомольцы, понятно, вместе с ними), школа постепенно, через заседания и собрания, привлекает себе в помощь все новые и новые силы и заканчивает свою работу привлечением всего населения.

Взвесить свои возможности.

Нужно это сделать прежде, чем приступать к организации общественного мнения. Перечислю некоторые возможности:

1. Выделение особого броне-фонда из учебников и письменных принадлежностей для снабжения беднейших учащихся (до этого—если это и делалось, то механически, самим учителем, без сознательного участия детей, развивая часто тем самым нездоровый антагонизм среди детей).

2. Организация кружков товарищеской учебной взаимопомощи неуспевающим и отстающим детям бедноты в школе и на-дому (ребенку не в чем идти в школу, оставили домовничать и пр.).

3. Сговор о подвозе по очереди своих беднейших дальноживущих соотечественников к школе.

4. Помощь в улучшении питания путем организации горячих завтраков (о получении на них средств смотри ниже) и чая.

5. Добиться выделения и засева гектара беднейшего ученика на школьном участке силами КОВ'а, культ.-просв. секции сельсовета и населения.

6. Для организации горячих завтраков добиться засева огорода картофелем, морковью, луком, свеклой и т. д. (хотя бы для удовлетворения потребностей на часть года).

Здесь уместно заметить, что постановлением 14 школьных советов Карпысакского района (совместно с председателями сельсоветов) принято решение об организации таких огородов. Усть-Каменская, Карпысакская, Чемская и Агафоновская школы готовятся к засеву гектара беднейшего ученика. На всех январско-февральских подрай'ездах эта идея встретила самый живой отклик.

7. Организовать дни (вернее—неделю) коллективной помощи, на которых попытаться достичь возможно большей суммы материальных эффектов, например:

а) ребята переплетчики выполняют платные заказы, ранее собранные (сбор в пользу бедного ученика);

б) столярный кружок делает линейки, метры, сумки и проч., сдавая их в школьный кооператив для сбыта;

в) кружок рукоделия вяжет чулки, носки, перчатки для детей бедноты и на сбыт;

г) часть детей готовит постановку пьесы, вечер (платный);

д) другая—лотерею, аукцион, бочку счастья;

ж) третья—рисует программы вечера;

з) четвертая—мастерит специальный номер стенгазеты, пишет статьи в газету взрослых;

и) пятая—готовит обращение к сельКОВ'у;

к) шестая—готовит материалы к сбору пожертвований среди населения.

8. Втянуть взрослое население в организацию субботников, воскресников и пр. Таких возможностей много.

Помощь должна быть систематической.

От кампанейской работы—к системе. Огород, гектар беднейшего ученика и другие мероприятия—только отдельные звенья системы, только первые веки по пути улучшения быта беднейших детей—ОДД, СПОН укажут и ряд других путей.

Работу надо начать сейчас же.

Н. Хильченко.

О производственном плане в сельской школе 1 ступени.

К построению производственных планов и к организации работы по ним сельские школы 1 ст. впервые приступили в 1927-28 уч. г. Работа эта проводилась без достаточной подготовки. Многие учащие не усвоили значения производственного плана и принципов построения его и, быть может, поэтому некоторые из них к составлению планов относились чисто формально. Некоторые школы совершенно не имеют производственных планов. Так, из 18 обследованных школ Ужанихинского района производственный план имеют только 13 школ. Общими для всех планов недостатками являются следующие:

1. Значительное опоздание в составлении планов (все 13 планов составлены после начала учебного года).
2. Составление планов самими учащими или одними педагогическими коллективами школ без привлечения к этой работе местных организаций и населения.
3. Все производственные планы, за исключением трех, не выносились на обсуждение родительских собраний и на утверждение школьных советов.
4. Отсутствие у всех школ, за исключением одной Алабугинской, описания производственного и культурно-бытового окружения школы.
5. Отбор задач, непосильных для школы, и отсутствие распределения их по группам.

При построении производственных планов на будущий учебный год эти недочеты необходимо иметь в виду.

Придавая производственному плану важное значение в организации школьной работы и учитывая отсутствие у работников опыта в построении их, я выдвигаю на обсуждение один из наиболее удачных производственных планов. Привожу его полностью и без изменений.

«ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПЛАН АЛАБУГИНСКОЙ ШКОЛЫ, УЖАНИХИНСКОГО РАЙОНА, НОВОСИБИРСКОГО ОКРУГА».

1. ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

Занятия начать в школе с 6 октября и закончить 15 июня с зимним перерывом на 2 недели, т. е. на 12 учебных дней. Принимая во внимание все праздники как общественно-революционные, так и бытовые, учебный год будет иметь 195 учебных дней, из них 12 дней могут быть изъяты по различным причинам; следовательно, фактических учебных дней предполагается 183.

Согласно записи и протокола приемочной комиссии, к началу года числится учеников:

I гр.	— 29 мальчиков,	20 девочек,	всего 49.
II »	— 34 »	8 »	» 32.
III »	— 15 »	2 »	» 17.
IV »	— 10 »	1 »	» 11.

Итого — 88 мальчиков, 31 девочка. Всего 119.

По группе переростков — 17 мальч., 24 дев. Всего — 41.
И всего в школе 105 мальч., 55 девочек. Всего — 160.

В дальнейшем убыль учеников не допускать всеми возможными средствами, действуя через собрания родителей, школьный совет, общие собрания групп и т. д. Поддерживать посещаемость в среднем не менее 92 проц. Учительского персонала, согласно извещения РИК'а, числится 4 человека, между которыми работу и обязанности распределить следующим образом:

1. Архангельская, А. М.—занимается с группой переростков и руководит школьной стенгазетой.

2. Козловская, Л. И.—занимается с I гр. и руководит школьной библиотекой.

3. Козловская, А. А.—занимается со II гр.—следит за учебниками, письменными принадлежностями и руководит кружком рукоделия.

4. Козловский, П. П.—занимается с III и IV гр., заведует школой, осуществляет общее руководство в методико-педагогической работе и руководит метеорологической станцией.

Время занятий установить следующее:

Для I группы в большом классе начало занятий ровно в 8 час. Делать ежедневно по 4 урока, длительностью по 35 м., и две перемены по 10 мин. и одну после третьего урока 30 мин., кончать в 11 ч. 10 м. С 11 ч. 10 м. до 11 ч. 30 м.—уборка помещения. С 11 ч. 30 м. до 15 час.—занятия II гр. по 4 урока, из расчета 40 м. каждый. Перемены те же, что и в I гр. С 15 час. до 15 час. 30 мин.—опять уборка помещения, а с 15 час. 30 мин. до 18 час. 50 мин.—занятия с группой переростков по 4 урока, 40 мин. каждый. В маленьком же классе производить занятия III и IV гр. III гр. занятия начинают с 8 час. 30 мин. и кончат в 13 час. 10 мин. 5 уроков по 45 мин. каждый, перемены по 10 мин., а третья перемена—25 мин. Последние два урока III гр. совмещать с 1 и 2 уроками IV гр., а остальные 3 урока IV гр.—с 13 ч. 20 м. до 16 час. 10 мин. Следовательно, и IV гр. также делать по 5 уроков с теми же переменами, что и в III гр.

Для неклассных работ отвести время после занятий, из расчета в среднем на ученика I гр.—½ часа в день, II гр.—¼ ч., III гр.—1 час и IV гр.—1½ час. Проработку заданий с III и IV гр. по желанию учеников проводить в школе по вечерам с 18 час. до 19½. Для руководства этой подготовкой установить ежедневные дежурства всех учащихся школы.

Производственное и культурно-бытовое окружение школы.

Школа находится в с. Алабуге, расположенном в 40 км. от районного центра с. Ужанихи; от ст. Чулымской в 55 км.; от хозяйственного центра—места сбыта и покупки—ст. Каргата в 75 км.; от речной пристани Кирзы в 70 км. Село лежит на юго-западной границе Ужанихинского района и граничит с землями: с. Сорокамышки, пос. Петровского (выселок из Алабуги), с. Жуланки, Озерок и с. Суминского.

Село состоит из 312 домохозяев, или из 1686 едоков; из них 842 мужч. и 844 женщ. Население—преимущественно переселенцы из Черниговской, Орловской и Минской губ. Село расположено на возвышенности и растянулось на 4-4½ км. с востока на запад. Почва самого села, да и всего алабугинского поля, разнообразна, но преобладают солончаки; попадают подзоны, супесь и тучный чернозем. Поле Алабуги представляет лесостепь с кустарниками тальника, акаций, шиповника. Попадают довольно часто кусты черной смородины, и ягоду клубники и земляники. По всему полю разбросаны болота и ляги. Самые большие из них около нашего села, так наз., Алабугинское и Афанасьевское озера. В 3 км. от Афанасьевского озера—Горелая ляга. Эти озера летом пересыхают или так загрязняются и зарастают травой, что не могут служить даже водопоем для скота. Несмотря на это, крестьяне пользуются ими, как местом водопоя. Земля в Алабуге поделена еще в 1924 г. По данным землеустройства, село имеет всей земли 18.645,98 дес., из коей удобной 8.184,24 дес. и неудобной—10.461 дес. Удобная земля распределяется по угодьям следующим образом: усадьбы—162,23 дес., пашни—4048,62 дес., сенокос—1.150,70 дес., солонцовые степи—2.213,51 дес. и займища—609,18 дес. В общем на каждого гражданина зем. общ. всей земли приходится по 11,05 дес., а удобной—по 4,85 дес.

В селе имеется сельсовет, состоящий из 18 член., из числа которых избран президиум сельского комитета в составе 3 человек; имеется потребительское о-во, которое, кроме данного села, обслуживает еще пос. Петровский. Кооперировано населения к числу дворов 94 проц. На первое октября имеется пайщиков 335, из числа которых с полным паем 180 чел. Работа о-ва заключается не только в снабжении своих пайщиков товаром, но ведутся заготовки крупного

рогатого скота, овец, шерсти и пр. Общий оборот о-ва выражается в 51 тыс. руб., при чем товарный—15 тыс. руб. и заготовительный—36 тыс. руб. Товар закупается исключительно в Обьсоюзе. Кооператив организован в конце 1924 г. и начал свою работу с 53 руб. За прочное состояние кооператива говорит то, что в 25-26 г. об-во имело прибыли 960 рублей, а в 26-27 г.—1278 рублей.

Кроме потребительского общества, в селе имеется маслоартель. Маслоартель начала создаваться в 1917 г. Сначала здесь было отделение Суминской артели, а с 1924 г. артель стала существовать самостоятельно. В настоящее время артель обслуживает два села: Алабугу и пос. Петровский. Кооперированы в маслоартель все 100 проц.; артель имеет 466 членов, с числом коров у них 1323. Артель из года в год увеличивает свое производство. Так, например, в 1925-26 г. было собрано молока 46.774 п., из него выработано 2.264 п. масла, при среднем выходе 21 п. 20 ф., в 1926-27 г. переработано уже 68.873 п. молока и выработано масла 3.409 пуд. при среднем выходе 20 п. 8 ф. В редких случаях артель авансирует сдатчиков под молоко, как, например, на покупку коров. На 1 октября 1927 г. артелью выдано авансом населению 1.865 руб.

Крупнейшей работой, проводимой артелью, необходимо считать постройку типового кирпичного завода—пионер № 2. Вся постройка завода стоит 18 тыс. руб., 8 тысяч рублей уже уплачены. Важно то, что уплата 8 тысяч рублей прошла совершенно безболезненно и не понизила расчет за молоко; в 25-26 г. средний расчет за пуд молока равнялся 54 коп., а в 26-27 г. при постройке—81 коп. Согласно плану работы, маслоартель в этом году должна распределить между населением 14.000 сильных кормов и приобрести на племя чистосортных иоркширских свиней.

Население с. Алабуги в большинстве своем занимается полеводством: но за последние годы неурожай, вследствие засухи, заморозков и истощения почвы, побуждают население к быстрому переходу от полеводства к животноводству. Пока полеводством занимается все население; сеют преимущественно пшеницу, овес, ячмень; значительно меньше сеют: озимую и яровую рожь, гречиху, просо, лен. Урожай за последнее время все падают; в нынешнем году урожай пал до 10-15 пудов с десятины.

Система земледелия—общинная с выделенными участками, а система земледелия—залежная. Орудия обработки постепенно улучшаются: старые плуги заменяются новыми, вводятся железные бороны, молотилки и т. д. По переписи 1927 г. в селе числится плугов⁸ железных—214, борон деревянных—310, сеялок—1, самосбросок—97, сноповязок—1, сенокосилок—82, конных граблей—67, молотилок—26, веялок—41, куколетборников—1.

Лошади здесь обыкновенной мелкой сибирской породы; кое у кого из крестьян есть «бегунцы», довольно быстрые, но нечистокровные. Вследствие недорода, за последний год количество лошадей сократилось на 51 голову.

Наиболее доходная, но в то же время и самая отсталая отрасль с. х. у местных крестьян—животноводство. Крестьяне держат по 3-4 и даже до 10 дойных коров. Содержат коров самым примитивным образом: в холодных пригонах, корм ваяют на землю, поят холодной водой, молоко содержат очень грязно и т. д. Скот держат маломолочный: корова дает от 3 до 12 ф. в день. В стаде выпускают мелких простых бычков от тех же коров-тосканок. В 1927 г. по сслу числилось 1759 голов скота, а в 1926 г. было 1676 голов; следовательно, за год произошло увеличение на 83 головы. Это говорит о повышении интереса у крестьян к животноводству. При всем неумелом и примитивном уходе, крестьяне за год получили за молоко 55.794 руб. 42 коп.

Кроме коров, разводят овец и свиней. Большого значения этот скот в условиях нашего села не имеет.

Птицеводство в селе развито плохо: водят кур, гусей, уток и в двух хозяйствах—индеек.

Кустарничество не имеет большого значения, хотя по селу имеется 7 ветряных мельниц, со средней производительностью 35 пуд. в день, 3 шеретобитки, 2 сапожника, 2 пимоката, 4 портных и 2 кузнеца. На отхожие промыслы население не уходит, а если иногда и зарабатывает, так только на отвозе масла и привозе товаров для о-ва потребителей.

Село Алабугу можно назвать селом разгула и пьянства: почти повсеместно гонят самогон, очень часто можно встретить пьяных на улицах, в избах, по пьянке не редки и драки. Об улучшении быта здесь ничего и не слышали. Бывают случаи, что даже местные служащие, напившись пьяными, избивают своих жен и детей. Положение женщины несколько не улучшилось: она здесь—слуга и раба мужа. В избах грязь, вонь, помои выливаются или около крыльца.

или прямо на улицу. Навоз переделывают в кизяки здесь же, на улицах, а остатки сваливают почти в селе, около самых изб. Павший скот редко вывозится на скотское кладбище, хотя оно отведено не так далеко от села. Общественных культурных учреждений, которые вели бы работу за улучшение быта, здесь до сих пор не было; только в 1927 г. осенью открыт красный уголок. Не смотря на культурную отсталость, население все же выписывает 25 экз. газет, любит слушать различные беседы, доклады. Пожарного инвентаря, кроме 5-6 багров, в селе совершенно нет.

Из учета и анализа с. х. видно, что перед населением стоят следующие очередные задачи:

1. Постройка теплых скотных дворов и рационализация животноводства.
 2. Введение кормления сильными кормами.
 3. Введение учета в хозяйстве.
 4. Подбор молочного скота через приобретение хороших быков-производителей и кастрирование мелких.
 5. Организация животноводческих товариществ, как-то: бычьих, контрольного союза и т. д.
 6. Правильная выпойка телят.
 7. Улучшение системы полеводства, а, главным образом, введение посева кормовых трав и корнеплодов.
 8. Улучшение свиноводства путем скрещивания и улучшения ухода за ними.
 9. Удобрение земли золой, костяной мукой и навозом.
 10. Улучшение огородничества и введение новых сортов огородных овощей.
 11. Посадка около изб деревьев, уборка навоза с улиц, очистка озера.
 12. Ремонт мостов и пожарного инвентаря.
 13. Привитие навыков личной и общественной санитарии и гигиены.
 14. Улучшение быта, борьба с винокурением, пьянством, хулиганством, с религиозными предрассудками, с уродливым семейным укладом и т. д.
 15. Продвижение книг, газет и журналов в крестьянскую семью.
- Ниже указывается, какие из поименованных задач школа берет для осуществления в этом году.

II. УЧЕБНО-ПРОГРАММНАЯ ЧАСТЬ.

Темы, указанные в Сибварианте, оставить без изменения для всех групп, изменив лишь время проработки их, согласно рабочего плана. Во II гр. в 4 теме вставить подтему: «Сельские кустари и условия их труда», взамен подтемы «Охотничьи и рыболовные промыслы», исходя из тех соображений, что в нашей местности охота развита плохо, а рыболовства совсем нет. По 2 теме сделать лишь перестановку подтем: начать с 3 подтемы «Осенние игры и занятия детей», затем проработать 1, 2 и 4 подтемы, исходя из тех соображений, что материал игр и развлечений ясен и понятен для детей; после чего легко можно перейти к серьезным осенним работам первой подтемы, где указывается, что природные явления обуславливают не только игры и занятия детей, но и хозяйственную работу взрослых. По III гр. из 4 темы снять подтему «Пасека» и заменить ее подтемой «Огород», т. к. пчеловодством здесь не занимаются, а огороды обрабатываются кое-как. По 4 гр. в первой теме первую подтему «Земля, как шар», проработать после подтемы «Описание СССР», а тему начать с подтемы «Сельское хозяйство», т. к. этим путем работа будет идти по принципу от близкого к далекому, от известного к неизвестному.

Основами и доминирующими методами работы большинства тем принять экскурсионный, исследовательский и трудовой, тем самым предоставлять больше самостоятельности ученикам, а учителю только регулировать, помогать как в распределении, так и в проведении самой работы. Занятия с учениками не должны носить формально-учебного характера, а являть собой разнообразную и интересную работу учеников. Формальные знания прорабатывать в тесной увязке с комплексным материалом и только изредка проводить особые уроки для закрепления неподдающихся детям формальных знаний и навыков.

Обучение грамоте в I гр. вести по методу целых слов, для чего необходимо более тщательно проработать этот метод на заседании учвоса.

Письмо вести преимущественно чернилами во всех группах, в I гр. начать при переходе на письменный шрифт. Во всех группах избегать сухой проработки арифметического материала.

Улучшение орфографии вести путем различных письменных упражнений, диктовок, коллективных сочинений и т. д. Этот вопрос также проработать на учвосе. Особое внимание уделить письму лозунгов, плакатов, и вывешивать работы, написанные правильно и по возможности художественно. Вести планирование работы с учениками с тем расчетом, чтобы к 1-15 декабря они уже самостоятельно могли составить простенький план своей работы. В первую половину учебного года с 1 гр. планирование вести устно, а во второй половине начать запись плана.

Физическому труду уделить больше внимания тем более, что некоторые темы будут прорабатываться почти целиком на трудовом методе, как, например, «Утепление жилищ, весенние работы». Широко применять работы по моделированию из дерева, картона, материи и т. д., для чего приобрести соответствующие инструменты. Кроме этого, организовать вечерние ученические кружки: столярный, переплетный и кружок рукоделия. Для руководства столярным кружком договориться со столярами Соловьевым и Занковичем. В кружок рукоделия, кроме уч-ся, вовлекать взрослых женщин-крестьянок и постепенно вводить в кружок элементы культурной работы.

На художественное воспитание обратить серьезное внимание и начать его с 1 гр. Сначала четкое письмо, правильные буквы, рисование красивых лозунгов, рисование в тетради и т. д. В старших группах черчение художественных диаграмм, графиков, исполнение плакатов с рисунками, рисунки в стенгазету. В III и IV группах для улучшения и закрепления навыков рисования проводить отдельные уроки один раз в неделю, числа с 15 декабря; на этих уроках проработать черчение геометрических фигур, контуры, рисование с натуры простейших предметов, свет и тени, композиция и перспектива и пр. Ввести декламацию как индивидуальную, так и коллективную, ставить инсценировки с включением простых песенок.

Из намеченных выше очередных задач в текущем году школой осуществить следующее:

1. Продолжать выпуск прошлогодней газеты и после прочтения в школе вывешивать ее в красном уголке. Кроме этого, школе принять участие в межшкольном детском журнале.

2. Установить дежурство учеников старших групп в красном уголке для проведения читок, бесед.

3. Ученикам 3 и 4 гр. провести общий учет в двух хозяйствах, предварительно разъяснив значение учета самим родителям; учетные записи использовать для составления диаграмм, график и вывешивать их в красном уголке.

4. Провести школой показательное кормление 4 коров, особенно выделив необходимость теплого хлева, поения и кормления по нормам сильными кормами.

5. Сделать модель глинобитного скотного двора, приложить к нему расчеты стоимости постройки его и поместить в красном уголке при с.-х. кружке.

6. Зимой организовать артель огородников, которая с весны должна занять устройством показательного огорода с посевом корнеплодов и кормовых трав.

7. В конце февраля устроить парники, в которых выгонять раннюю рассаду помидор, капусты, табаку для снабжения населения.

III. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЧАСТЬ.

Школьный совет до 15 декабря оставить в прежнем составе; после пятнадцатого сделать перевыборы. В течение года провести 8 заседаний школьного совета, на которых разрешить следующие вопросы: 1) об аккуратной посещаемости учеников; 2) об экскурсии в Ужаниху; 3) утверждение производственного плана; 4) знакомство с уставом; 5) об удлинении учебного года; 6) результаты медицинского осмотра; 7) о снабжении топливом; 8) помощь беднейшим ученикам; 9) отчет зав. школой; 10) доклад самоуправления; 11) отчет руководителей кружков; 12) подготовка к предстоящему учебному году; 13) организация хоз. комиссии; 14) подготовка к летней школе; 15) отчет о показательном кормлении; 16) о досрочном выбытии учеников; 17) доклад хоз. комиссии о подготовке к новому учебному году; 18) установление весенних каникул; 19) подготовка к окончанию учебного года; 20) итоги работы школьного совета за год; 21) выпуск учащихся.

Заседания учвоса проводить один раз в неделю. Кроме проработки материала по повышению квалификации, на учвосе разрешить следующие вопросы: 1) математика и родной язык в школе; 2) естествознание в школе и методы проработки его; 3) каллиграфия и орфография; 4) переход на письменный шрифт в 1 гр.; 5) увязка математики с комплексом; 6) письменные работы по теме; 7) пользование счетами; 8) художественное воспитание в I и II группах; 9) самоуправление в школе; 10) работа с газетой; 11) учет успеваемости учащихся по письму, что

нию и математике; 12) основы педологии детского возраста; 13) достижения за 10 лет соввласти; 14) переборы советов; 15) политика партии в деревне и рас-слоение крестьянства; 16) потребкооперация и маслоартель; 17) неделя траура; 18) как надо строить хозяйство в нашем районе; 19) способы поднятия животно-водства; 20) религиозные праздники и антирелигиозная работа; 21) цели кружка рукоделия; 22) естествоведческие экскурсии и организация живого уголка; 23) подготовка к работе на огороде; 24) праздник 1 мая.

Родительских собраний провести 4; на них разрешить следующие вопросы: 1) о приеме учащихся и знакомство с планом работы на 1 тр.; 2) о топливе; 3) об аккуратной посещаемости школы учащимися; 4) отчет о работе школы за полгода; 5) о причинах, мешающих правильному воспитанию; 6) знакомство с планом работы на 2 тр.; 7) о летней школе; 8) о посещаемости весной и о продлении учебного года до 15 июня; 9) отчет за год.

Самоуправление в школе организовать по звеньевой системе с таким расчетом, чтобы в звене было не больше 5-6 человек. Совет вожатых созывать один раз в неделю. Общие же собрания учеников проводить не реже одного раза в месяц.

IV. ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЧАСТЬ.

Перед началом занятий необходимо поправить сени, исправить и переставить стену, переложить две печи, поправить пол в маленьком классе, сделать 8 ученических столов, 9 скамеек, 2 табурета и 1 шкаф. Приобретение инвентаря и ремонт на сумму 170 рублей. Приобрести следующие учебные пособия: компас—2 руб. 50 коп.; часы—4 руб. 50 коп.; магнит—1 руб. 50 коп.; глобус—8 руб.; спиртовой термометр—4 руб. 50 коп.; барометр—8 руб.; 2 колбы—2 руб. 20 коп.; пробирок—4 руб.; карту СССР—1 руб. 50 коп.; карту Сибкрая—1 руб. 50 коп.; линейки—10 шт.—1 руб. 50 коп.; транспортиров 4—1 руб.; 4 циркуля—1 руб.; картону на 1 год 30 лист.—9 руб.; цветной толстой бумаги 30 лист.—9 руб.; 9 дюжин разноцветных карандашей—3 руб. 60 коп.; 3 набора акварельных красок—2 руб. 50 к.; 2 ножниц—5 руб.; 5 угольников—75 коп.; 10 л. слоновой бумаги—5 руб.; 10 шт. кисточек—1 р. 50 коп.; 1 шерхебель—75 коп.; одинарный рубанок—75 коп.; двойной рубанок—2 руб.; фуганок—2 руб. 50 коп.; продольную пилу—1 руб.; поперечную пилу—1 руб.; пилу-ножовку—1 р.; 4 стамески—2 руб.; 2 долота—1 руб. 50 коп.; 3 молотка—1 р. 80 к.; коловорот—5 руб.; 6 перок—2 рубля; клеи—1 р. 20 коп.; брусок—40 коп.; напильник—50 коп.; угольник—50 коп. Итого нч 101 рубль 15 коп.

На топливо по смете сельсовета имеется 110 руб.; при поддержке населения этой суммы на зиму для школы хватит. На освещение по смете отпущено 14 руб. При вечерних занятиях группы переростков и учеников старших групп, когда ежедневно должно гореть 6 ламп, на освещение потребуется 28 руб. На канцелярские расходы, отпущенных сельсоветом 18 руб. будет достаточно. Хватит также 25 рублей и на мелкие расходы. Страховка здания—6 руб.; квартирные учащим—156 руб. Расходы по учебной части—320 руб. Итого всех расходов—934 руб. 15 коп. По смете сельсовета заприходовано—787 руб. 30 коп. Дополнительно к ним необходимо изыскать на месте 146 руб. 85 коп.

Зав. школой Козловский.

Из всех 13 планов по Ужанихияскому району производственный план Алабугинской школы является наиболее удачным. В нем достаточно полно отражены все стороны школьной работы. В противоположность другим планам недостатком плана Алабугинской школы является лишняя «полнота», большие подробности. Так, например, мне думается не следовало бы вносить в производственный план подробное расписание уроков; здесь достаточно было установить продолжительность рабочего времени для каждой группы, а все остальное изложить в правилах внутреннего распорядка. В описании производственного и культурно-бытового окружения с успехом можно было опустить описание местоположения Алабути, почвы, растительности, распределения земель по угодьям, историю развития кооперативов, их работу. Достаточно было указать, какие имеются кооперативы и процент кооперированного населения по каждому виду кооператива. Можно было также ограничиться общим замечанием о состоянии полеводства, не вдаваясь в подробности перечисления с.-х. машин и орудий. Едва ли нужно было

вносить в производственный план полный перечень вопросов, подлежащих проработке на школьном совете, учвосе, родительском собрании. Целесообразно было бы иметь отдельный план работы школьного совета с отдельными частями для учвоса и родительского собрания, а в производственном плане—ограничиться указаниями количества заседаний школьного совета, учвоса и родительского собрания.

В общем же план говорит о достаточной продуманности школьной работы. Описание производственного и культурно-бытового окружения школы вскрывает очередные задачи, часть которых школа берет для разрешения. По-моему, это самая ответственная и интересная часть производственного плана любой школы. Эта часть должна отразить все специфическое данной школы, но этой части производственные планы должны отличаться один от другого,—но как раз этой-то части у многих планов и нет.

Нужно ли ежегодно при построении плана повторять это описание? Мне кажется, не нужно. Достаточно в конце года указать, что школой сделано по тем задачам, которые она ставила перед собой, а в начале следующего года, исходя из того же, уже имеющегося описания, поставить вновь возможно конкретные задачи: например, завербовать 20 подписчиков на газету, втянуть 15 чел. в члены кооператива, провести правильную выпойку 3 телят и т. д. Таким образом, по-моему, к плану необходимо добавить еще одну часть—учетную, которая должна заполняться в конце учебного года. В ней отмечается, что школа выполнила из того, что было намечено по плану.

Я надеюсь, что просвещенцы, говоря о плане Алабугинской школы, поделятся также и своим опытом.

М. Елкин.

Вывихи в работе изб-читален и нардомов.

Приглядываясь к работе изб-читален, приходится констатировать один печальный факт—взрослое население или вовсе не посещает изб-читальню, или посещение ее насчитывается единицами. Невольно встает вопрос: не виновны ли в этом методы и формы работы самих изб-читален? Нет ли здесь каких-нибудь вывихов, уродливостей, отталкивающих взрослое население деревни от работы избы-читальни?

Указанный факт нужно считать главным дефектом в работе избы-читальни. Но, кроме него, имеется и еще не мало других, например: слабая, с перебоями, работа кружков, нередко вовсе числящихся только на бумаге; зачастую слабое вовлечение в подписку на газеты; недостаточная, часто крайне незначительная, посещаемость местным населением библиотеки; вошедшие в привычку, «скондачка»—с двух-трех, а то и с одной репетиции—постановки спектаклей, с непрямым в данном случае «спартачианием» таковых; неудовлетворительная постановка вечеров и т. д.

Конечно, слабая посещаемость взрослыми избы-читальни имеет некоторые корни в плохой оборудованности самих изб-читален, а то и в слабой подготовке избача. Но это не главное.

Главную и основную причину, без сомнения, нужно искать в методах и формах работы самой избы-читальни. Как-будто бы азбучная истина: задачи избы-читальни—популяризировать среди населения мероприятия партии и советской власти, разъяснять задачи и цели социалистического строительства, втягивать широкие массы крестьянства в практическую работу по поднятию хозяйственного и культурного уровня деревни, разрешать повседневные нужды местного населения.

Уже сам перечень задач говорит о необходимости ведения массовой работы избы-читальней. Через доклады, постановки, читки газет, беседы, вечера, радио, кино—широ-

кие слои деревни вовлекаются в общественную работу, в работу по строительству социализма.

Немного истории. В первые годы советской власти массовая политико-просветительная работа носила, главным образом, агитационный характер. Нужно было воодушевить трудящееся население, пробудить нередко дремавшее классовое самосознание, подвять массы на борьбу с наседавшим врагом, победить голод, разруху. О длительной углубленной работе тогда некогда было думать—на первом месте стояла агитация. Теперь времена переменялись: враг отбит, остатки разрухи добиваются, голода нет. Хозяйственные и культурные задачи, вопросы военной опасности сейчас стоят на первом плане. Необходимость вовлечения самых широких масс трудящихся в строительство социализма—задача совласти и партии, и массовая работа избы-читальни в связи с этим приобретает крупное значение.

Между тем, в избах-читальнях наряду с засиднем молодежи наблюдается в формах работы засилье кружковщины. Спросите любого избача о работе избы-читальни, и вы в первую очередь услышите о кружках: есть кружок драматический, хоровой, военных знаний, сельско-хозяйственный—иногда около, а то и весь десяток. Не спрашивай, как кружки работают, а то получишь ответ, что один кружок числится на бумаге, другой—имеет неподготовленного руководителя, третий—за полгода провел два занятия, в четвертом—члены кружка сами почему-то перестали ходить, пятый—работал бы, да условий или материалов подходящих не имеется, шестой—собирался, да теперь руководителю некогда. Что это нередко так и есть—возьмите «Просвещение Сибири» № 12 за 1927 г., ст. Изметьева и Устиновщикова, на стр. 56 прочтете: «Прежде всего страдает плановость всех кружков вообще. Систематической, регулярной работы кружков почти нет». Что характерно для Маслянинского района, можно считать характерным и для большинства других районов.

Но о кружках несколько позже.

Теперь спросите о массовой работе и услышите об одном-двух вечерах молодежи, о порядочном, часто, количестве спектаклей, где большая половина артистов играла с одной репетиции (всего репетиций было две—больше устроить «некогда было»), изредка бывают читки газет, случайные беседы с 7-6 зашедшими людьми—в общем конгломерат всей политико-просветительной работы; действительно «систематической, регулярной работы» среди масс нет. А между тем, как-раз массовая работа даже в наших условиях может быть широко развернута.

Во многих селах, где имеются избы-читальни, имеются также и нардома. В подавляющем большинстве случаев, это—бывший амбар, дом попа или бывшего торговца; в одном конце устроена сцена, в другом—скамейки, висят два-три лозунга, покрытые пылью; несколько портретов. Часто такой народный дом стоит нетопленный; собираются в нем время от времени общегражданские, кооперативные и другие собрания, ставят пятактные пьесы—под силу только драматическим театрам городов,—проводят вечера молодежи, собрания по поводу того или иного революционного праздника. Вот приблизительно и все.

А можно ведь и еще кое-что провести, да и имеющееся упорядочить.

Мы как-то оставляем в стороне беседу, беседу не с 6-7 людьми, случайно зашедшими, а массовую, в наполненном людьми нардоме.

Раздел семьи, сельхозналог, работа местных органов власти и всех видов кооперации, государственные займы, военная опасность, территориальные сборы и призыв в Красную армию, недостаток товаров на рынке, вопросы религии, международное и внутреннее положение («что делается на белом свете») и много других, подчас мелких и незаметных явлений и вопросов волнуют деревню, деревня силится их разрешить и, не получая поддержки, детолковывают вкрявь и вкось так, что часто не доберешься и до истины.

Но прежде всего крестьянин ждет практических указаний в своей работе. Такие указания ему можно дать в беседе. Беседа привлекает население, оно не может, как

иногда случается на собраниях, скучать во время беседы, взрослое население само принимает активное участие в беседе.

Возьмем, к примеру, беседу о сельхозналоге. Стоит только объявить, что на такое-то число назначается беседа о сельхозналоге, и бородачей в нардоме или избе-читальне будет полно. Активность забьет мощным фонтаном; для каждого это—родное, кровное дело.

Или о работе нарсуда. Сколько вопросов, выступлений можно услышать о хулиганстве, семейном разделе, алиментах, пьянке, сколько практических предложений можно получить от населения! На местных, близких населению примерах всю сумму общественных отношений, задачи, стоящие перед страной и перед партией, в понятной форме можно осветить в таких беседах, можно лучше познать интересы деревни, постепенно приучать этот сырой материал—крестьянскую массу—жить интересами общества, всего государства. Этот вид беседы—широкая беседа—у нас как-то не привился. Нередко в деревнях встречаются школы, где по вечерам «яблоку негде упасть»—полно взрослых.

Чем привлекает население учитель? Читкой книжек, газет, беседой по прочитанному, а, главным образом, самой обыкновенной беседой на волнующие крестьян темы.

Почему же в нардоме или избе-читальне нельзя устраивать таких бесед? Ведь тот же учитель, кооператор, сельсоветчик, судья, агроном и другие культурные силы села могут и будут вести беседы—задача избача—только организовать такие беседы, проводить их систематически, включив в план работы избы-читальни. Помимо уже сказанного, такие беседы облегчат работу справочных столов, т. е. крестьяне получают нужные разъяснения во время бесед.

Заседания секций сельсовета и райисполкома, как правило, у нас проводятся в зданиях соответствующих учреждений (сельсовет, РИК), или в школе (если руководителем является учитель). Можно заседания секций перенести в нардом, тогда в обсуждении вопросов примут участие присутствующие. Не всегда, но можно изредка, практиковать заседания потребобществ, маслоартели в избе-читальне или нардоме—население примет живое участие в обсуждении вопросов, будет ближе стоять к работе наших общественных организаций.

Теперь о постановках и вечерах. Постановки (спектакли) служат заключительным аккордом каждого собрания в нардоме; без постановки считается как-то «неприличным» и собрание открывать. «Всякому овощу свое время». Если артисты не подготовились как следует, спектакля не будет—едва ли что потеряет собрание, в особенности, когда оно затянется до поздней ночи. В практике же бывает и так, что распорядители торопят скорее кончать собрание, так как «артисты уже заgrimировались».

Немного о подготовке к спектаклю. Репетиции начинаются за полторы-две недели до постановки, но не так уж редки случаи и за 4-5 дней. Первая читка и распределение ролей происходит в избе-читальне, нардоме или школе. На следующем занятии уже один-два артиста отсутствуют. Их заменяют новые «войны». Обычно замена происходит очень просто: из попавших на глаза тут же присутствующих посторонних, не участвующих в пьесе людей, приглашается необходимое количество человек для заполнения вакантных мест, и «линия выправлена». Если новоиспеченный артист отказывается, то ему резонно говорят, что его роль очень небольшая, «плевое дело», как-нибудь сыграешь, помоги нашему горю, а то ведь—«хана»,—не успеем подготовить. Роли, в большинстве случаев, не выписываются, и их никто не учит; сценарий выписывается и поручается одному лицу почти всегда (отрадное явление). На следующих репетициях иногда приходит отсутствующий товарищ; его заместитель—«скалиф на час»—в таком случае уступает место. Бывает, что артист и заместитель на репетициях чередуются, так что в конце-концов никто не может определить, кто же из них будет выступать на спектакле. Но такое большое количество репетиций бывает не часто; не-

редко артисты надеются «пленить своим искусством» с двух, а то и с одной репетиции. Постоянного суфлера редко встретишь—берут первого попавшегося из грамотных, изъявивших желание; за время репетиции часто перебивает в должности суфлера несколько человек.

Наконец, день спектакля. Артисты подготавливаются к выступлению. Вот тут-то и началась горячка. Одного артиста нет—посылают за ним. Оказывается, он уехал. Носылают за заместителем или просто совершенно нового человека подбирают. Смотришь, чего-нибудь из костюмов нет или грим с париком старика находится у тако-го-то на-дому. «Летят гонцы во все концы». Доносят, что грим передан такому-то не-делу тому назад, а парик он и в глаза не видел. Розыски, бег—в общем «физкуль-тура».

Здесь уместно сказать и о гримировании. Гримируют в деревне вполне сносно, гримировка в общем поставлена по-деревенски удовлетворительно, но бывают случаи, что зритель никак не может понять, что же это за тип на сцене: нето отъявленный мо-нархист, нето стопроцентный революционер, нето рабочий, нето капиталист, «нето стар-ый голубь, нето молодой медведь».

Во время действия за кулисами посторонняя публика устраивает шум, артисты, не зная ролей, смотрят в суфлерскую будку, отрубая в каждую минуту по три слова; у одного ус отскочил, у другого—борода набоку или держится на одном волоске, одна кулиса упала—часто наблюдаемая картина на наших постановках.

Броме отмеченной уже неряшливой подготовки, наши спектакли страдают еще одной болезнью—постановки больших 4-5-6-ти актных пьес. Какой-нибудь деревуш-ке Ивановке или Николаевке «стыдно» ставить инсценировку, где и слов-то всех «кот заплакал», «раз-два, и обчелся»; уж поставить так, чтобы «чертям тошно стало». И ставят пьесы на пять часов так, что не чертям, а зрителям действительно «тошно становится». Инсценировки, одноактные пьески изредка ставятся, но почетом не поль-зуются. Между тем, постановки маленьких пьес всегда будут просты, требуют меньшей за-траты времени на их подготовку, если они современные,—то удовлетворительно вы-держаны в идеологическом отношении и, что самое главное, местная молодежь охотно берет роли в них, т. к., без надлежащего навыка, она сама очень часто боится взять роль в многоактной пьесе.

Декламация у нас осталась только при постановке спектаклей в дни революцион-ных событий. При том чаще всего декламируют учащиеся, пионеры.

Декламация—путь привлечения самых заурядных деревенских парней и деву-шек на подмостки деревенского театра, это наиболее доступный вид драматического ис-кусства для широких народных масс; декламация—первая ступень драматического искусства. Ею нужно пользоваться чаще, через декламацию возможно сколотить из местного населения вполне приличную труппу, а не «труп», как сейчас часто бывает.

Вечера молодежи представляют пример полной бессистемности и безалаберности. Приведу на этот счет рассуждения одного политпросветчика, высказанные им в частной беседе:

— Вечера проходят у нас и неумело, и стихийно: если вечера раньше не практи-ковались, то на первые два-три вечера молодежь идет, а потом приходят на них те, кому надоело шататься на улице; песни—кто-что выдумает, тот то и поет; вот в сборке работа есть—народ ходит, а к нам заходят по пути, потолкаются, семечки погрызут, погреться да и опять на улицу.

К таким словам и добавлять нечего—работа налицо. В чем загвоздка? Где ко-рень зла?

Большое место до сих пор на вечерах отводится докладам, аудитория пассивна—ей нужны подвижные, живые и простые формы, где бы она вся могла принять участие. Игры, песни, декламация, маленькая, но яркая инсценировка—должны занять домини-рующее положение на вечерах молодежи. Домашние деревенские вечерки, несмотря на целый ряд отрицательных моментов в их проведении, привлекают деревенскую моло-

дежь своею массивностью действий, непринужденностью, чего нельзя сказать про наши вечера, где зачастую в организации и проведении вечера участвуют только актив в 4-5 человек, а для остальных—это место, где можно погреться и семечки пощелкать.

Отсутствием массовости, малым удельным весом подвижных живых моментов, наконец, неумелой и неаккуратной организацией и объясняется наш неуспех в проведении вечеров молодежи.

В кружках, помимо отмеченной выше многочисленности их при каждой избе-читальне, поражает их (кружков) внезапность появления и исчезновения. Как метеор, кружок появляется на горизонте избы-читальни и в непродолжительном времени исчезает, оставив один или несколько протоколов своих постановлений. Никто толком не знает, да и не интересуется скоропостижной смертью кружков. Кружок—не обязывающий своих членов решительно никакой дисциплиной, так что отсутствие на занятиях без малейшей на то причины—обычное явление; кружок—проходная комната с широко открытым входом и выходом—часто наблюдаемая картина. Кружок можно сравнить с пассажирским поездом, принимающим и высаживающим на каждой станции людей.

Наши кружки теряют свою основную цель—дать своим членам углубленные познания по какому-нибудь вполне ясно намеченному вопросу. Корень зла—в насаждении кружков сверху, тогда как они должны идти снизу, объединяя собой небольшое число человек, стремящихся основательно проработать какой-нибудь один определенный вопрос. Часто избач создает кружок лишь только потому, что «во всех уже избах-читальнях имеется, а мы все еще спим». При создании кружка необходимо иметь налицо назревшую потребность в нем и хотя небольшой, но крепкий актив, на который в дальнейшем можно было бы опереться.

Выводы.

Необходимо избам-читальням взять курс в своей работе на привлечение взрослого населения деревни, для чего в первую очередь наладить плановую, систематическую, массовую работу, в которой обратить самое серьезное внимание на массовые беседы и читки газет.

Для этой цели привлечь все культурные силы данного села. Все проводимые кампании, все мероприятия соввласти и партии, все животрепещущие вопросы местной жизни в беседах, докладах, читках газет широко освещать перед населением. Тогда население увидит пользу, пойдет в избы-читальню, создастся актив, можно будет наладить и работу кружков, являющихся дальнейшей ступенью массовой работы. Избачу, как организатору, нужно твердо помнить, что население ждет от избы-читальни прежде всего массовой работы; кружки и другие более узкие формы и методы работы для большинства населения по многим причинам недоступны и всегда при том обслуживают более зажиточную часть села; простейшие виды массовой работы должны занять доминирующее положение в избе-читальне—их необходимо широко развернуть и популяризировать. Нашей низовой инспектуре необходимо на это обратить самое серьезное внимание.

В. Гайдученко.

Сельско-хозяйственный кружок села Тропино.

Сельско-хозяйственный кружок организован учителем местной школы в декабре 1924 года.

Вначале кружок состоял исключительно из молодежи, не вполне заинтересованной в вопросах сельского хозяйства. Работа пошла плохо и кружок вскоре распался. 1 апреля 1925 г. кружок организовывается вновь и на этот раз в него вливаются крестьяне пожилого возраста. Дело пошло вперед. Всего в кружке насчитывалось 7 человек членов. Благодаря поддержке окриолитпросвета, райизбы-читальни, сельизбы-читальни, агроучастка и особенно ячейки ВКП (б) кружок скоро оформился в постоянную организацию, получившую к данному моменту некоторую твердую стойкость как в смысле ее качественной работы, так и общественного значения. В первый период существования кружок занялся теоретической работой по поднятию производительности сельского хозяйства, взяв уклон по полеводству. Литературой кружок пользуется из «сельско-хозяйственной библиотечки» избы-читальни. Основной и руководящей литературой являются журналы—«В Помощь Земледельцу», «Новая Деревня», и газета «Сельская Правда». Работа кружка идет по плану. Методы-доклады, беседы, лекции и постановка членами кружка опытов в своем хозяйстве по плановому заданию характер и проект которых утверждается кружком.

Вначале был организован специальный опытный участок, где кружок производил свои посевы-опыты коллективно. Но такой метод коллективной обработки вызвал помеху для членов кружка по той причине, что уборка коллективного участка отрывала время на переезд со своих участков, которые были далеко расположены.

Всякий удавшийся опыт практиковался затем в последующие годы; положительные результаты опыта объявлялись населению.

Последний год кружок, не прерывая работу по полеводству, взял уклон в своей работе по животноводству. Вот часть кружковых работ, давших положительный результат и теперь практически применяющихся населением для повышения производительности сельского хозяйства:

По полеводству: 1) семена картофеля, сохраненные зимой в подполье, дают урожай на 30 проц. больше, чем семена, сохраненные в ямах в открытом поле; 2) по борьбе с коноплей нужна ранняя бороньба весной паров и средний сев пшеницы; после ранней бороньбы коноплинки сразу прорастают, но, производя посев после этого, борона губит большинство растения коноплинок; 3) ряд опытов показал, что в лесистых участках района деревни пшеница «НОЭ» дает урожай на 20 проц. выше, чем местная, и натура ее тяжелее; 4) овес «краузе» дает урожай на 15 проц. больше местного и к почве менее прихотлив.

По животноводству—в январе 1927 года кружок приобрел на средства добровольных взносов быка-производителя за 100 рублей, одобренного агроучастковым животноводом. Теперь в деревне уже имеются породистые телята. Для использования в деревне грубых кормов, кружок на вырученные от случек деньги купил соломорезку. Для улучшения свиноводства кружок заключил с Кольванской маслоартелью условие, по которому она обещается отпустить в Тропино для кружка пару породистых поро-

сят,—чистокровных иоркширов,—для размножения их в деревне, и учредить с 1 мая в селе свиной случной пункт, для которого будет привезен иоркширской английской породы боров для улучшения местной свиньи.

Проработав все эти вопросы, кружок вынес их на общее собрание. Собрание одобрило их и постановило провести в жизнь в этом же году: кастрировать быков, выделить в особое стадо молодняк рогатого скота, выделить в особое стадо овец и выделить для них особое от коров пастбище.

Кружок помогает в проведении конкурса по выпойке молодняка-телят в данное время. Помимо непосредственной работы, кружок дает населению советы вплоть до черчения планов на постройку теплых дворов. Сдвиг в деревне есть. Есть теперь теплые дворы, много многопольцев. В начале существования крестьяне встретили кружок критически. Теперь в кружке 27 домохозяев и взгляды на него крестьян изменились, в кружок записываются. Ежегодно кружок проводит в деревне «День урожая» и отчитывается в своей работе перед населением, делясь с ним своими опытами и достижениями по повышению производительности с. х. Члены кружка любят свое дело. Так, при проведении подрайонной выставки кружковцы дали ценные экспонаты в смысле их качества и производительности. Благодаря такому отношению членов кружка к своему делу и хорошему руководству работой кружка со стороны учителя, любящего хозяйство, кружок выпрямился и встал на правильный путь. В перспективе кружок ставит задачи по коллективизации хозяйства села.

Ст. Тропино Колыванского района, Новосибир. окр.

Л. Кочконаков и Е. Новохацкий.

Некоторые итоги работы по ликвидации неграмотности прошлых лет.

Благодаря невыполнению плана полной ликвидации неграмотности среди неграмотного взрослого населения в возрасте от 16 до 35 лет к 10-ти летию Октябрьской революции, у ряда работников, организаторов просвещения, а также и в некоторых кругах нашей общественности появляются пессимистические настроения в работе по л. н.

Последнее время довольно часто начинают раздаваться разговоры о ненужности и бесполезности этой работы, некоторые т.т., с энергией, достойной лучшего применения, доказывают, что у нас громадный размер рецидива неграмотности у обученных грамоте граждан и договариваются даже до «ликвидации» работы по ликвидации неграмотности.

Это естественно понижает внимание общественности к работе по л. н. и имеет известное влияние на снижение ассигнований на эту работу, которое последнее время начинает принимать явление повсеместное.

Нам кажется, что такого рода разговоры и выводы о работе имеют место, главным образом, потому, что мы до сих пор не учли и не учитываем эффективность работы по л. н. прошлых лет.

Правда, необходимо отметить, что в нашей политпросветской литературе обсуждался вопрос о размере рецидива (возврата—повторения) неграмотности у лиц, окончивших ликпункты. Однако, к сожалению, необходимо отметить, что единой точки зрения на этот вопрос у нас пока нет. Учитывая, что изучение этого вопроса у нас поставлено чрезвычайно слабо, Рубцовский округ Сибкрая по предложению Сибкрай-ОНО в нынешнем 27-28 году произвел обследование результатов работы по ликвидации неграмотности прошлых лет.

Целью предпринятого обследования было:

1. На массовом учете и обследовании состояния грамотности у обученных в 1923-26 г. грамоте неграмотных граждан вывести возможно верные цифры о размерах рецидива и изучить причины этого явления.

2. Выяснить и сделать вывод—является ли рецидив явлением повсеместным или частичным, зависящим исключительно от местных условий (экономики, быта, плохой постановки работы на ликпунктах, отсутствия работы с окончившими л. п. и проч.).

3. Выявить, какие возрасты и какие слои населения подвержены рецидиву (мужчины, женщины, бедняки, батраки и т. д.).

4. Выявить результаты работы по л. н. прошлых лет и на основе этого сделать вывод—является ли работа по л. н. работой, дающей известный эффект в смысле приобщения обученных на л. п. граждан к газете, книге и т. д., и дает ли эта работа толчок к дальнейшему общественному развитию обучившихся.

Обследованием предполагалось охватить до 600 человек, обученных грамоте в прошлые годы, из них обученных в 23-24 г.—не менее 10 проц., в 24-25 г.—не менее 35 проц., в 25-26 г.—не более 40 проц. и в 26-27 г.—не более 15 проц.; при чем предполагалось обследование производить только среди лиц, имеющих возраст не ниже 16 лет.

К работе по обследованию привлекались районные инспектора просвещения и райликвидаторы, т.-е. лица, вполне компетентные в вопросах л. н.

В письме окрОНО и инструкции по обследованию, разосланной всем райинспекторам, было уделено особое внимание вопросу представления **безусловно верных цифр и выводов**, которые районы должны были представить в результате своей работы. Пунктами где должно было проводиться обследование, районы должны были выбрать такие села, где до сего времени работают учителя, работавшие в 24-26 г. на ликпунктах этих сел (с тем расчетом, чтобы они могли указать граждан, обученных ими на ликпунктах, а также и с тем, чтобы этих учителей возможно было привлечь к совместному обследованию обученных). Однако, в ряде районов таких сел найти не удалось, и поэтому списки обученных грамоте приходилось восстанавливать или по архивам сельсовета, или же через самих обученных.

Для производства обследования и получения наиболее точных сведений и цифр, окрОНО предлагал личное посещение райинспектором или райликвидатором каждого обученного на-дому.

Основными моментами обследования должны были являться:

— Изучение по имеющимся архивным материалам, а также и со слов учителя, постановки работы в прошлое время на тех ликпунктах, выпуски которых обследуются

— Политическая и общественная жизнь села, в котором производится обследование (с точки зрения влияния ее на дальнейший рост окончивших л. п.).

— Постановка работы с окончившими ликпункты в политпросветучреждениях, находящихся в обследуемых селах.

— Лица, окончившие ликпункты.

О каждом обученном на ликпункте лице предлагалось сделать соответствующую запись, примерно, по следующей схеме:

1. Пошел на ликпункт добровольно или по воздействию членов семьи (отца, брата, матери и т. д.).

2. Пошел на ликпункт зная буквы, малограмотным или совсем неграмотным.

3. Что наиболее интересовало его на ликпункте—письмо, счет, чтение; что поправилось и что оттолкнуло (не заинтересовало) в работе л. п.

4. Состояние грамотности в момент обследования (читает, пишет, считает плохо, удовлетворительно, хорошо и т. д.).

5. Берет ли по окончании ликпункта книжки, какие (название, характер, содержание), где, как часто, ходит ли в читальню читать газеты, журналы, какие, как часто.

6. Выписывает ли за свой счет какие-нибудь газеты и журналы. Название их. Приобретает ли книги, какие.

7. По окончании ликпункта приходилось ли делать какие-нибудь записи по хозяйству, писать письма, заявления и т. д., как часто.

8. По окончании ликпункта ведет ли какую-нибудь общественную работу (член сельсовета, делегатка женотдела, член ОДН, Авиахима, член сельхозкружка и т. д.). Как часто посещает собрания.

9. По окончании ликпункта не вступил ли в члены кооператива, ВЛКСМ, ВКП (б) и т. д.

10. Способ ведения хозяйства до ликпункта и после.

11. Желает ли учиться дальше, не занимается ли самообразованием, не посещает ли школы малограмотных и т. д.

По окончании обследования весь материал поступал в районы, где он тщательно разрабатывался, составлялась соответствующая сводка, райметодкомиссия делала свои предварительные выводы, и они вместе с обследовательским материалом направлялись уже в окрОНО.

Итоги обследования. Выше мы уже сказали, что обследованием намечалось охватить не менее 600 человек. Однако, в силу разного рода условий и причин, работа по обследованию была произведена только над 337 гражданами обученными в разное время на ликпунктах округа. Из этого количества обследовано: обученных в 1923-24 уч. году—19 человек, в 1924-25 уч. году—110 человек, в 1925-26 уч. году—134 чел. и в 1926-27 уч. году—74 человека. Мужчин—231 чел., женщины—106 чел. По возрастам: от 16 до 20 лет—188 чел. и свыше 20 лет—149 человек.

Работа ликпунктов, выпуски которых подвергались обследованию как с методической, так и с организационной стороны, была поставлена несомненно слабо. Особенно это относится к ликпунктам, работавшим в 1923-24 и в 1924-25 уч. годах, когда целый ряд ликпунктов (если не сказать все) работали по «звучковке», страдали отсутствием литературы, учебных пособий, керосину, ламп и т. д. Сроки обучения на ликпунктах в эти годы в лучшем случае не превышали трех месяцев, как правило же, срок обучения равнялся двум—двум с половиной месяцам.

Политическая и общественная жизнь сел, в которых производилось обследование, не представляет какого-либо исключения против сибирских сел и деревень вообще.

Сетевых политпросветучреждений, за редким исключением, в обследованных селах не было (хотя в большинстве их имелись несетевые избы-читальни и красные уголки, обследованием с несомненной очевидностью установлено, что никакой работы среди неграмотных, обученных в прошлое время на ликпунктах, они не вели и не ведут, литературы для малограмотных в них не имеется, за исключением разве нескольких десятков книг из серии, так называемой, «популярной» литературы для деревни, рассчитанной, безусловно, на грамотного, а не на малограмотного читателя).

Вывод из вышесказанного один: низкое количество работы ликпунктов, отсутствие работы в политпросветучреждениях с окончившими ликпункты гражданами, отсутствие соответствующей для них литературы, а также и общие повседневные условия в которых живет, должен развиваться и расти неграмотный, обученный на ликпункте, весьма не приглядны и несомненно влияют (в отрицательную сторону) на его культурное развитие.

Обратимся теперь к цифрам рецидива, которые дало просвещение обученных на дому, их спрос и проверка.

Из 19 человек, обученных в 1923-24 г., рецидивистов не оказалось. Из числа обученных в 1924-25 г. 110 граждан—рецидивистов оказалось 15 чел.; из 134 человек, обученных в 1925-26 году, рецидив дали 7 человек. В числе 74 человек, обученных в 1926-27 году, оказалось рецидивистов 9 человек. Всего же из 337 обследованных обученных на ликпунктах в разное время оказалось рецидивистов 31 человек, что составляет 9,2 проц. к общему количеству обследованных.

Из кого же состоят эти рецидивисты?

В социальном отношении все они бедняки, за исключением одной женщины—среднячки. По полу и возрасту рецидивисты распределяются следующим образом: мужчин—18 человек, женщин—13 человек, до 20 лет—24 человека и свыше 20 лет—7 человек.

Вышеприведенные цифры, а также и обследовательский материал с несомненностью свидетельствуют о том, что рецидив преимущественно имеет место среди экономически отсталых слоев населения и, главным образом, среди женщин (на 231 чел. обследованных мужчин рецидивистов всего 18 человек, или 7,66 проц., а на 108 человек обследованных женщин—рецидивистов 13 человек (или 12,04 проц.).

Вот несколько фактов из обследовательского материала, подтверждающих эти положения:

1. Кожевяткин Г.—22-х лет, бедняк, беспартийный. Живет в крайней нужде. Большую часть года работает батраком. Мордвин. Ликпункт посещал в 25-26 уч. году, на ликпункт пришел совершенно неграмотным. После проверки его знаний в области чтения, письма и счета, оказалось, что Кожевяткин с трудом читает, писать разучился, счет знает очень плохо, цифры записать не может. На вопрос—почему забыл грамоту.—Кожевяткин отвечает, что ни разу после окончания ликпункта он не брал в руки книги и газеты, писать ничего не приходилось, так же, как и считать. Пользы от грамоты никакой не видит, т. к., по его словам, богаче от этого он не стал (!!!) (Материалы Угловского района).

2. Сердякова Ульяна—крестьянка 25 лет. Училась на л/п. в 24-25 уч. году. По окончании ликпункта умела читать, считать, писать. Сейчас знает только буквы и с трудом их складывает. Причины рецидива—семья из мужа и нескольких человек маленьких ребят, которые не позволяли ни разу ей брать книжки или карандаш в руки (Материалы Угловского района).

3. Петров Петр,—20 лет. Бедняк. Пошел на ликпункт, буквы не знал. Хотелось научиться грамоте (особенно читать), но сейчас грамоту забыл, т. к. читать и писать дома не приходится. Газет не выписывает, в избучитальню не ходит. Дальше учиться некогда (Материалы Пospelихинского района).

Характерен также следующий момент: обследование рецидива было произведено по 27 селениям округа, при чем рецидив был обнаружен не во всех селениях, а только в 10 из них. Судя по материалам, ликпункты в этих селах работали чрезвычайно слабо, а это обстоятельство лишний раз подтверждает уже выше высказанный вывод, что качество работы ликпунктов играет решающую роль в возврате неграмотности у лиц, окончивших таковые.

Вторая группа, и группа наиболее многочисленная, это лица, которые по окончании ликпункта навыков, полученных на нем, не забыли, умеют читать, писать, знают счет, но все же свои дальнейшие познания расширяют довольно медленно. К этой группе мы относим также лиц, принимающих участие в общественной жизни села в виде посещения собраний, участия в добровольных обществах (ОДН, Авиахим и т. д.), членов кооперативов, делегатов женотдела, членов сельсоветов, нарзаседателей и пр. Эта группа составляет 211 человек (62,6 проц. к общему количеству обследованных) и является, как мы уже сказали, наиболее многочисленной. Из числа этих 211 чел. 60,6 проц. (128 чел.) читают (правда, не всегда регулярно) книги и газеты и посещают местные сетевые, несетевые политехпросветучреждения. Членами сельсоветов, делегатками женотдела, членами ОДН, Авиахима и т. д. состоят 25 проц. (57 чел.).

Эта группа в своем большинстве без сомнения растет как за счет повышения своих формальных навыков (33 проц. читают газеты, журналы, книги), так и в своем общественном развитии (25 проц. являются членами различных общественных организаций на селе). Однако, этот рост идет (по нашему мнению) недостаточно интенсивно и без сомнения при той постановке работы с окончившими ликпункты гражданами, которую ведут наши политпросветучреждения, и при том количестве литературы для малограмотных, какая у нас есть, из числа этой группы впоследствии тоже окажутся рецидивисты.

Каковы же причины, замедляющие общественный рост этой группы тормозящие дальнейшее расширение их познаний.

Главные из них мы уже назвали.

Это—экономическая и бытовая обстановка нашей сибирской деревни, не всегда способствующая и толкающая окончившего ликпункт к продолжению своего образования. Кроме того, слабая сеть политпросветучреждений, слабая постановка работы в них и с окончившими ликпункт гражданами, отсутствие литературы для малограмотного читателя и низкое качество прошлой работы наших ликпунктов.

К названному считаем лишь совершенно необходимым добавить чрезвычайно незначительную сеть школ и групп для малограмотных и отсутствие постановки самообразовательной работы с окончившими ликпункт гражданами (кружки для малограмотных).

Три нижеприведенных факта, взятых нами из обследовательского материала, нам кажется, вполне наши выводы подтвердят.

1. При обследовании рецидивы в с. 1-е Коростели, Угловского района, было обнаружено, что в нескольких домах, расположенных по соседству, все обученные на ликпунктах в разное время граждане читают значительно лучше своих соклассников.

Товарищ, производивший обследование, заинтересовавшись этим фактом стал доискиваться причины этого выявления и обнаружил, что все обследованные с увлечением читают лубочное издание старого времени в 40 книжках (типа «Нат Пинкертона» и Шерлока Холмса) «Пещера Лихтвиса» (или что-то в этом роде). На вопрос почему не читают советских книжек ему ответили, что их негде достать (в селе нет ни избы-читальни, ни красного уголка), да кроме этого, таких «занятных» книжек теперь и не выпускают (Материалы Угловского района).

2. Берестов Михаил, 22 года. Обучался на ликпункте в 25-26 уч. году. Когда мы с председателем сельсовета тов. Шербаковым пришли к нему во двор, он задавал корм скотине. Зашли в избу. Зажгли огонь. Дали ему букварь—берет охотно, без стеснения. Вся семья с любопытством окружила стол. Читает и пишет удовлетворительно. После окончания л/п. читал несколько книг, но по его собственному признанию мало. Газет для себя не выписывает, хотя читает у своих соседей. Учиться дальше охота есть, но нет времени, а главное нет в селе школы или кружка, где бы можно поучиться дальше (Материалы Курьинского района).

3. Шапошников Андрей, крестьянин, батрак 38 лет, окончил л/п. в 1924-25 г. Пошел на л/п. по своему желанию, на ликпункте заинтересовался главным образом письмом. В настоящее время читает удовлетворительно, но пишет плохо. Член сельсовета, посещает регулярно собрания и красный уголок, откуда берет книги. Беда в том, что красный уголок открывается редко—раз в неделю по воскресеньям (Материалы Чарынского района).

К третьей группе мы относим лиц, безусловно прогрессирующих в своем развитии, принимающих активное участие в общественной жизни села, стремящихся почерпнуть дальнейшие знания в газете и книге. Эта группа не многочисленна—всего 95 человек (28,2 проц. к общему количеству обследованных), но материалы представленные о ней, свидетельствуют о их несомненном и очень быстром росте.

К этой группе мы относим только лиц, выписывающих за свой счет газеты и журналы (а таких 58 человек, или 17,2 проц. к общему числу обследованных), по окончании вступивших членами партийных и комсомольских организаций (таких 19 человек, или 5,6 проц. к общему числу обследованных), а также активно работающих над поднятием своего общеобразовательного уровня, иначе говоря—обучающихся в настоя-

щее время в школах и группах для малограмотных или аккуратно занимающихся самообразованием (т.-е. продолжающих систематически углублять полученные на ликпункте знания у себя на-дому путем упражнений в письме, счете, чтении).

Вот наиболее характерные материалы о них:

1. **Мельникова Евдокия**, 22 лет, обучалась на л/п. в 26-27 уч. году. Обучалась на 4-х месячном л/п. Сейчас хорошо читает и пишет. После окончания л-п. вступила в ВКП(б), избрана делегаткой, представитель от делегатов в кред. т-во член ОДН, МОПР'а, ОСОавиахима. Выписывает журнал «Работница». Регулярно берет книги в библиотеке избы-читальни (Материалы Рубцовского района).

2. **Нечунаев Степан**, 21 года. Крестьянин, бедняк. Учился на л/п. в 1924-25 уч. году. Зашли к нему во двор. Он убирает стайки. Сказали ему за чаем пришли. Обрадовался.—«Давно бы так. Ну, что же пойдемте в мою «горницу». Зашли в избу.—Зажег огочь. Взял книгу, выбрал статью, начал читать. Читает и пишет хорошо. Берет книги в избе-читальне для чтения. Особенно по своей специальности (он кустарь-колесник). Ведет записи по своему хозяйству: «Сколько кто должен, кому, что нужно сделать, что купить. Очень рад, что стал грамотным (Материалы Рубцовского района).

3. **Глотов Григорий**, 39 лет, бедняк. Окончил л/п. в 24-25 уч. году. Пошел на л-п. по своему желанию. Интересовался больше арифметикой. В настоящее время пишет и читает, выписывает газету «Батрак». Выбран членом сельсовета, подал заявление в ВКП(б) и зачислен кандидатом. Посещает красный уголок, но книг понятных для чтения мало. Обработку земли ведет по переложенной системе. В настоящее время агитирует за организацию машинного товарищества в своем селе (Материалы Чарынского района).

4. **Зубков Павел**, 24 г. Крестьянин. Бедняк. Обучался на л/п. в 1924-25 уч. году. До л/п. был совершенно неграмотный. Сейчас хорошо читает, пишет, знает сложение и вычитание чисел любой величины, умножение и деление чисел до 100. Выписывает «Крестьянскую Газету». После окончания л/п. в 1926 г. был избран председателем сел. ККОВ. Принимает участие в общественной жизни села (Материалы Локтевского района).

Какие же выводы можно сделать из произведенного обследования?

Не останавливаясь на факторах, понижающих качество нашей работы до л. и. и способствующих рецидиву как-то: экономическая и культурная отсталость деревни, слабая сеть политпросветучреждений, отсутствие литературы и т. д., поскольку этих вопросов уже касались,—мы должны сделать следующие общие выводы:

1. Ведущаяся нами работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, работа не бесполезная, а дающая известный эффект и безусловно способствующая тому культурному росту, который имеет место в нашей деревне.

2. Широкая обследовательская работа по учету результатов работы по ликвидации неграмотности прошлых лет в Рубцовском округе может служить очевидным доказательством того, что мнение некоторых работников по л. и., доводящих размер рецидива до 25-30 проц., ошибочно и, пожалуй, даже поспешно. Материалы обследования наличия рецидива, конечно, не отрицают, но он значительно ниже и в среднем (судя по приведенным цифрам) в нашем округе равняется не более, чем 10 проц. Поскольку Рубцовский округ по постановке своей работы по л. и. не является чем-то особенным от других округов Сибири, эта цифра может быть принята и как за средне-сибирскую.

3. Одновременно с безусловными достижениями, имеющимися в работе по л. и., необходимо также указать, что наиболее многочисленная группа обследованных граждан, ранее обучавшихся на ликпункте, растет как в своем общественном развитии, так и в повышении своих навыков в письме, чтении и счете значительно медленнее того, чем этого бы нам хотелось. Это положение обязывает нашу общественность в лице о-ва «Долой Неграмотность», а также и органы народного образования принять ряд срочных мер к дальнейшему повышению качества работы наших ликпунктов, а также и

к улучшению постановки работы в политпросветучреждениях с оканчивающими ликпункты гражданами. В противном случае это будет угрожать некоторым ростом рецидива в течение ближайших лет.

Меры борьбы с рецидивом непосредственно вытекают из данных выводов.

По нашему мнению, они должны быть в первую очередь направлены:

1. На удлинение срока фактического обучения на ликпунктах не менее, чем до 5-6 месяцев и на дальнейшее повышение качества методической и организационной работы в них.

2. На принятие мер к быстрейшему улучшению качества работы по индивидуально-групповому обучению, поскольку эта система с каждым годом приобретает все больший и больший размер в Сибири.

3. На расширение сети школ и групп малограмотных с таким расчетом, чтобы эти школы в ближайшие 3 года довели охват малограмотных, оканчивающих ликпункты, не менее чем до 50 проц.

4. На расширение самообразовательной работы с оканчивающими ликпункты взрослыми с таким расчетом, чтобы кружки для малограмотных были при каждом политпросветучреждении села.

5. Необходимо заставить наши политико-просветительные учреждения деревни обратить серьезное внимание на работу с неграмотными и малограмотными. Работа изб-читален и библиотек в большей своей части (особенно в кружковой работе), направленная на обслуживание культурных запросов грамотного крестьянства, должна быть пересмотрена. Неграмотные и малограмотные должны быть включены в поле зрения их работы. Нельзя делать разрыв между грамотной частью населения, которую по преимуществу политпросветучреждения обслуживают, и неграмотными и малограмотными, которые остаются в тени. Ведь получается такого рода явление, что грамотная часть уходит вперед, а малограмотная и неграмотная топчется на месте.

6. Необходимо удешевить выпуск литературы для малограмотного читателя. Ведущаяся в этом отношении работа ВЧК л.-б. и издательства «Долой Неграмотность» чрезвычайно ценна, но благодаря незначительному тиражу их изданий и высокой цене, книга малограмотному в деревню попадает редко. За издательство книг для малограмотных должны также взяться наши краевые организации—«Сибкрайиздат» и «Сибсовет ОДН».

7. Наконец, вся работа наших ликпунктов должна быть построена таким образом, чтобы борьба с рецидивом была теснейшим образом связана со всей постановкой дела на ликпункте, входить в его программу, составлять его сущность. С этой целью при обучении грамоте неграмотных необходимо практиковать с первых же шагов обучения газету, книгу и журнал, а когда учащиеся будут достаточно приучены к газете и осознают необходимость пользоваться ею, на ликпункте должна быть проведена кампания по коллективной и индивидуальной выписке газет и журналов. Одна деталь: ВЧК л.-б. прекратила с 27-28 уч. года издание газеты для учащихся на ликпунктах «Долой Неграмотность». Нам кажется, что это издание должно быть во что бы то ни стало возобновлено. Местами необходимо со всей серьезностью этот вопрос перед ВЧК л.-б. поставить вновь.

В заключение необходимо сказать, что так как вопрос о рецидиве теснейшим образом связан также с экономикой и бытом нашей деревни, то нет никакого сомнения, что наравне с ростом экономического благосостояния деревни, а также и с ломкой устоев старого быта, печальное явление нашей работы—рецидив—будет постепенно сходить на-нет.

Настоящая работа, конечно, не претендует на полноту освещения такого большого вопроса, как вопрос о эффективности нашей работы по л. н. взрослого населения в деревне. Эта лишь слабая и может быть не вполне совершенная попытка с цифрами

в руках доказать всем «усумнившимся», что работа по ликвидации неграмотности есть работа не бесполезная, а дающая известный результат и безусловно влияющая на тот культурный рост деревни, который так замечен особенно в последнее время.

Было бы очень ценно если бы эта работа приняла более широкий характер, чем она имеет место до сих пор.

Рубцовский округ.

От редакции. Статья г. т. Кочконова и Новохацкого наряду с описанием результатов изучения итогов работ по л/н. дает указания и о том, как изучение это проводилось. В практике работ по л/н. до сих пор не было такой широкой постановки вопроса—изучались, главным образом, размеры рецидива.

Опыт Рубцовского окрОНО был произведен, кроме того, и в отношении изучения результативности работ по л/н. за прошлые годы. Изучение результативности имеет то положительное значение, что дает возможность вскрывать не только отрицательные, но и положительные стороны работы. Выявление положительных сторон работы у нас до сих пор отодвигалось как-то на задний план. Получалось впечатление крайне безотрадной картины. Результаты Рубцовского изучения показывают, что дело далеко не так уже плохо, как кажется.

Выводы Рубцовского окрОНО о размерах рецидива, может быть, будут и не совсем характерны, однако, показывают некоторое благополучие в этой работе.

Опыт Рубцовского окрОНО необходимо в нынешнем году широко применить и в других округах.

Редакция выражает уверенность, что просвещенцы широко осветят практику своей работы по л/н. на страницах «Просвещ. Сибири».

* * *

Борьба за кадры.

Надо «усилить внимание делу создания новых и поднятия квалификации наличных кадров сельской интеллигенции, создавая из них активных и сознательных деятелей социалистического преобразования деревни».

Из решений XV съезда ВКП(б).

I.

Как понимать „стабилизацию кадров политпросвет-работников“.

Рядом статей в разделе «Борьба за кадры» «Просвещение Сибири» открыло обсуждение очень жгучего и злободневного вопроса политпросветработы—о **сохранении, закреплении и расширении кадров**. Здесь нет нужды доказывать важность работы с кадрами политпросветработников. Необходимо лишь остановиться на крупнейшем, резко выпирающем противоречии: в то время, как культурная активность рабочих и крестьян и их запросы на политико-просветительное обслуживание изо дня в день возрастают, количество подготовленных работников, обладающих знаниями и умением работать в политпросветучреждениях, не только не растет, но обнаруживает тенденцию к сокращению. Достаточно сказать, что несколько лет назад в Сибири было несколько политпросветительных отделений при педтехникумах и при многих школах-девятилетках существовали политпросветуклоны. Но где они? Постепенно уничтожились. Только Омскому округу удалось кое-как сохранить некое подобие политпросветотделения. И в этом надо видеть его заслугу.

Но дело не только в **количестве**, а также и в **качестве** работников. У нас нет достаточного материала, который позволил бы сделать безошибочный вывод о пониже-

нии подготовленности теперешнего кадра политпросветработников по сравнению с тем, что было в 1923-24 году. Такую работу следовало бы все же провести. Однако, есть целый ряд ярких наблюдений и фактов, которые наталкивают на такой именно вывод. В самом деле: в 1923-24 году работали те, кто нес эту работу еще в рядах Красной армии во время гражданской войны. Кадры политпросветчиков, выходящих из недр Красной армии, сейчас неизмеримо уже. Далее—тяжелое положение с заработной платой, перегрузка общественной работой и отсутствие какой-либо перспективы на выдвижение по линии политпросвета вынуждают многих и многих, даже очень преданных делу политпросветчиков, «искать, где лучше» и соглашаться на переход в кооперацию, в хозорганы, в РИК—всюду, где можно кормиться по-человечески. Этим именно объясняется часто наблюдающееся явление: вчера был хороший избач, а сегодня он уже какой-нибудь зав. мельницей или кооперативным магазином...

В этом кроется одна из главных причин поразительной **текучести** деревенского кадра избачей. На краевом совещании инспекторов политпросвета мы пытались в процентах подсчитать сменяемость избачей. Получились чудовищные цифры—200-250%! Это значит, что в течение года кадр избачей успевает смениться не раз, а два или три раза.

Можно ли при этих условиях говорить о какой-либо подготовленности и квалификации? А ведь без квалификации трудно ожидать повышения качества работы. Подготовленность и закрепление на работе избачей (как и других работников) есть основное звено, за которое можно и должно ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь недостатков политпросвета. Агитпросвещение при ЦК очень удачно вскрыло это основное противоречие, «противоречие между растущей сложностью, множественностью задач, встающих перед политпросветами и низкой квалификацией основного кадра политпросветработников как в смысле общей, так и в смысле политической и специальной политпросветской подготовки».

Если же добавить сюда огромную текучесть кадров, то мы получаем «**периодическую потерю опыта и преемственности**» (из той же резолюции) в работе, непродвинутое растрату человеческих сил и материальных ценностей.

Вопрос «о борьбе за кадры» поставлен весьма своевременно. Особого внимания в статьях № 5 заслуживают справки и предложения тов. **Куприянова**. Его «сведения об избачах» лишний раз подтверждают высказанное нами предположение о **рассеивании**, растрате кадров, ибо и, по мнению тов. Куприянова, «исполнение идет за счет новых кадров, случайно попавших на курсы по переподготовке (а для них подготовки), иногда не имеющих призвания к работе».

Замечание тов. Куприянова о том, что «профессии политпросветработника», как таковой, у нас нет, можно принять с поправкой: как разновидность работников просвещения, политпросветчики—профессия, но у нас нет совершенно представления **об избаче, как работнике просвещения**. А между тем, избач, это тип работника просвещения—политпросветчика. Ведь избач—**учитель взрослых** и организатор культурной работы на селе. С тов. Куприяновым можно согласиться в том, что «в данных условиях» (подчеркивает в данных условиях **П. З.**) мы не можем предъявить такие требования, какие, примерно, предъявляются к работникам соцвеса». Но какие-то требования мы предъявить должны.

Какие это требования? Сейчас в Главполитпросвете готовятся «Правила приема политпросветработников в политпросветучреждения», где в первом пункте можно прочесть следующее:

«Избачами волостных и штатных сельских изб-читален могут быть лица, имеющие подготовку не ниже совпартшколы или политпросветотделения педтехникума». Аналогичные требования предъявляются к библиотекарям, ликвидаторам и др. работникам политпросвета с той разницей, что на последние должности могут быть приняты также и окончившие уклоны школ 2 ступени.

Можно по-разному расценивать эти «правила». Например, можно сомневаться в том, что совпартшкола в состоянии выпускать, в качестве массового производства, **учителей взрослого населения**. Скорее всего к этому можно привлечь только лучшие подготовленных. Есть возражения и о роли педтехникумов. Говорят, что педтехникумы не в состоянии готовить организаторов культурной и общественной работы. Но несомненно следующее:

Первое—подготовка избача должна строиться на базе педагогического образования.

Второе—нормальным типом учебного заведения, готовящего избачей и других работников среднего звена (районного), может и должен быть педагогический техникум, при чем в зависимости от характера специальности (избач, учитель по ликвидации неграмотности, учитель на одногодичных курсах и пр.), эту подготовку могут осуществить или школьное отделение, или отделение политпросвета (вернее—«отделение массовой политпросветработы»).

Это надо иметь в виду отделам народного образования при построении пятилетних планов культурного строительства и подготовки работников просвещения. В данных же условиях необходимо всемерное использование сети совпартшкол в целях пополнения кадра политпросветработников.

Однако, беда наших учреждений в том, что по причине низкого уровня зарплаты, на эту работу не идут даже окончившие совпартшколу. В этом отношении характерны цифры по Москве и Ленинграду. Так, из числа 167 окончивших в прошлом году московские совпартшколы, пошло на политпросветработу только 16 человек, или 10 проц. То же и по Ленинградской областной совпартшколе.

Значительно больше устроилось на политпросветработу окончивших Московский педтехникум им. Профинтерна (66 проц.). Это еще лишний раз говорит о том, что, при известном внимании ОНО и политпросветов, **педтехникумы могут и должны стать базой педагогического образования политпросветчиков.**

Итак, равнение на педтехникум! И в подготовке, и в переподготовке, и в обычном приеме на работу надо помнить, чем должен быть избач. Допустим некоторое снижение на общеобразовательную подготовку (положим, до семилетки), но в общественно-политическом смысле ниже педтехникума снижать требований нельзя.

Наконец, пора уже предъявлять и требования о специальной квалификации и стаже. Такой стаж каждый будущий избач имеет возможность получить на работе в красном уголке, где, кстати, может определиться и его призвание.

Все эти требования должны быть сведены в одно целое и предъявлены к поступающему на работу в качестве «минимума общеобразовательных, общественно-политических и специальных знаний». При отсутствии данных документального характера, необходимо проверять подготовленность через экспертизу при окрОНО или отделе труда.

Если удастся повсеместно и решительно провести эти мероприятия, можно ожидать следующих положительных результатов:

- 1) **В избачество и вообще на политпросветработу придут только более подготовленные и любящие дело работники.** А такие есть, главным образом, в рядах молодежи.
- 2) **Уравнивание в политпросветподготовке с учителями даст возможность уравнивать их и по уровню зарплаты и по другим правам и преимуществам (квалификация, пенсионное обеспечение и др.).**
- 3) **Частые перебежки, ненужные «выдвижения» и прочие явления текучести кадров будут изжиты, в результате чего можно будет требовать повышения качества, ответственности и плановости в работе.**
- 4) **«Стабилизация» кадров позволит реформировать переподготовку и превратить ее в текущую тематическую переподготовку, когда в определенной последовательности собираются курсы по категориям работников и по определенным темам, по-**

звolyяющим расширить кругозор и общественно-политическую и деловую ориентацию работников.

К стабилизации кадров должны быть направлены усилия парткомов, ОНО и политпросветучреждений. При этом не надо понимать стабилизацию, как простое **закрепление данных кадров** (они совершенно недостаточны и по количеству, и по качеству), но можно сказать—«расширенное воспроизводство» новой силы, вовлечение ее в наши ряды и постоянное содействие ее росту и воспитанию.

П. Запорожский.

г. Новосибирск.

II.

Планы курсов по повышению квалификации*).

Если поставить требованием к учительству—марксистскую подготовку его, если считать необходимой достаточную ориентировку его в краеведческих вопросах, если, наконец, признать, что методическая подготовка не должна занять самодовлеющего места в разного рода формах повышения квалификации, то в соответствии с этими требованиями и нужно строить планы курсов и конференций.

Очевидно, эти требования не признаны. Планы остаются такими же, какими они были на курсах в 1926 и 27 году. В них вы найдете планирование, учет работы, неизменно встретите методику родного языка, математики и весьма общий вопрос «о самоуправлении». Вопрос «О программе ГУС'а и Сибварианте», также неизменно встречающийся в плане курсов, захватывается лишь частично и ни в коем случае не является детальным изучением сущности программ.

А разве можем мы, не марксисты, работать по марксистским программам?

Конечно, нет. Не можем. Мы коверкаем их сущность, даем суррогат программ. Неслучайное явление в советской школе—распущенность учащихся. Факты уже накопились, они сами просятся на бумагу. Школа Вознесенского (в г. Томске), полная распущенность учеников 10 школы гор. Новосибирска и т. п.

Значит, в советской школе, работающей по программе ГУС'а, нет основного элемента программ-воспитания, но зато в ней есть вся формальная часть программ, часть второстепенная.

Проект учебного плана окр. курсов, принятый на 3 сессии Крайметодсовета, тоже страдает отсутствием указанных выше требований.

Проект имеет 3 цикла: оуредные задачи партии и соввласти—12 ч., естественно-технический цикл—24 ч. и цикл методико-педагогический—124 часа. По количеству часов, отведенных на методико-педагогический цикл, видно, что на него перенесен и центр тяжести плана.

Что же вносится в этот раздел? Вот вопросы:

1. Доклады двух райинспекторов, которые должны отразить действительное состояние дела (по материалам выставки);
2. Методика родного языка;
3. Методика математики;
4. Вопросы педологии;
5. Сибвариант. Особенности его нового издания;
6. Вопросы труда, художественного и физического воспитания в школе.

Таким образом, первый вопрос третьего цикла предполагает проведение анализа практики прошлого года. Несомненно, эта задача—подведение итогов годовой работы—

*) См. статью «Культурная революция и наша культурность» в № 6 «Просвещение Сибири» за 1928 год.

задача благодарная. Но для анализа этой работы необходимы точные и определенные критерии, установки. Большинство же слушателей наших курсов этих критериев (я подразумеваю марксистскую подготовку) не имеет. Создается «внтание в воздухе», повторение избитых фраз, фраз, порой неверно сформулированных. Так, у нас есть хвлячая фраза:

— Насытить программу ГУС'а краеведческим материалом.

Фраза перековеркивает сущность советских программ. Мы изучаем действительность, а не программы, лишь начиненные ею.

Второй и третий вопросы того же цикла мало имеют значения в наших сибирских условиях. Хороших методистов у нас почти нет, а так называемые «доморощенные» лишь повторяют уже известные в литературе истины. Наконец, если бы все дело заключалось в знании метода (по литературе или со слов лектора), то мы уже имели бы крупные кадры сильных работников. Оказывается, осуществление трудовой школы не зависит (а если зависит, то очень мало) от знания отдельных методик.

4, 5 и 6 вопросы по существу не отличаются от предыдущих, и вывод может быть тот же.

Подводя итоги такому беглому рассмотрению плана, следует указать, что главным препятствием на пути к новым направлениям переподготовки служит в первую очередь уже утвердившаяся традиция, и не более. При разговоре на эту тему встретились ссылки на направление переподготовки в 1923 и 1924 г. г., когда была необходимость в проработке общих вопросов. Кроме этого, существенных возражений и замечаний я не слышал.

Планы по подготовке новых учителей ничем от вышеуказанного плана не отличаются, и на них я останавливаться не буду. Скажу только, что сказанное выше целиком оправдывается и в отношении курсов подготовки. Порой задаются также вопросы, высказываются такие мнения, что можно безошибочно определить полное незнание основных элементов программ.

Какowymi же, по нашему уразумению, должны быть элементы планов по повышению квалификации?

(Если я ошибусь в определениях, да простят меня читатели. Ведь и я—результат вышеуказанных программ, а поэтому—плохой марксист).

I цикл. **Марксизм в школе.** Диалектический материализм. Политэкономия. Исторический материализм. Диалектика в комплексе. Определение сущности программ ГУС'а с точки зрения марксизма.

II цикл. **Программа ГУС'а и локализации ее.** Рассмотрение частных элементов программы. Методика краеведения в школе. Примерное изучение района. Составление программ на основе местных материалов. Элементы программ: труд, антирелиг., физическое и художественное воспитание.

III цикл. **Педагогика, частные методики.**

Вот тот материал, который необходимо дать **всем** нашим работникам школы.

Дать нам в руки марксизм—это значит справиться со строительством новой школы. Вооруженный марксизмом пролетариат справился с царизмом и внутренней контрреволюцией в России, теперь он применяет это же оружие и в мирном социалистическом строительстве.

Мы знаем марксизм лишь понаслышке и использовать его, как прекрасное оружие в классовой борьбе той или иной формы, мы не можем.

Резюмирую все сказанное выше.

— Нам, культурным работникам нужно напрячь все усилия, воодушевиться в борьбе за советскую культуру.

— Вначале все внимание уделить изжитию мелких дурных и незаметных привычек, постепенно перенося исправление на массу, на учреждения, организации.

— Рассмотреть вопрос о повышении квалификации, о формах, направлениях и целях курсовой работы.

— Перенести центр тяжести переподготовки на общие вопросы; они—большое место в наших познаниях.

— Учитывать мнения нас, низовых работников, считаться с нашими требованиями и запросами, вооружить нас испытанным оружием—марксизмом.

— Мы—большое звено в армии борцов за культуру. Мы должны быть передовыми борцами. Нам больше внимания, больше подготовки.

— Подготавливать свои силы, перестраивать свой быт, свое давнишнее, привычное, укреплять новые навыки, бороться с отсталостью и собственным обесценением—вот наша задача!

Бросим свои силы на фронт культурной революции!

Ив. Устиновщиков.

с. Ояш, Новосибирского окр.

III.

Надо пересмотреть.

Вопрос о кадрах упирается одним концом в подготовку новых работников и другим—в повышение квалификации существующих.

Я останавлиюсь на второй половине вопроса и в частности на недостатках курсовой работы.

К числу таковых надо отнести:

1. Недостаточную продуманность руководящими органами учебных планов.

В то время, как вопросы планирования и учета общественно-практической работы и школьного самоуправления повторяются из года в год, такие вопросы, как административно-хозяйственная часть, куда относится—школьное хозяйство и благоустройство, школьная статистика, делопроизводство, бюджет и т. п. (часть школоведения)—в работе курсов и конференций отражения не находят. Не находит отражения и вопрос школьной гигиены и ряд других.

А ведь от того, насколько школа хозяйственно укрепилась и насколько сумела создать нормальные и здоровые условия, эффективность работы, пожалуй, зависит не меньше, чем от методов работы.

2. Незаконное использование времени.

Подтверждением этого может явиться хотя бы то обстоятельство, что нас из года в год пичкают надоевшей вчуждой из таких вопросов, как учет и планирование, общественно-полезный труд и самоуправление в школе. Надоели эти вопросы, понятно, не потому, что они не нужны (это слишком большие вопросы!), а потому, что старым работникам из-за них приходится топтаться на одном месте: каждый год вместе с новичками начинать проработку этих вопросов с азов и не иметь возможности двинуться дальше.

Выйдем ли мы когда-нибудь из приготовительного отделения? Поднимаемся ли на следующую ступень к более четким научным обоснованиям преподаваемых на курсах дисциплин, с точки зрения педолого-педагогической, социологической и со стороны их научной организации?

3. Искривление идеи собирательности опыта и неверный подход к собирательности.

Мы за последнее время буквально варимся в собственном соку и по какой-то случайности называем эту работу «анализом опыта мест». Анализировать—это значит уткнувшись небольшим коллективом людей какой-либо территориальной единицы (хотя бы подрайона) в кучку чаще всего случайных, скороспелых, не всегда удачных рукописей и не слышать, не думать, не хотеть знать того, что происходит там, за пределами данной тер. посекотины.

Больше этого: мы абсолютно выгнали с наших курсов и конференций (даже окружных) книгу. Мы забыли, что в книге, кроме теоретических обоснований (которые нам дозарезу нужны), отражены зачастую и опыты работ лучших в СССР школ, от которых многое можно было бы позаимствовать. Мы не умеем использовать и нашего краевого журнала «Просвещение Сибири», и мало того, мы не используем даже своего собственного материала за минувшие годы. Стало быть, мы не собираем, а ежегодно переоткрываем одни и те же истины.

И только поэтому, эффективность курсовой работы весьма мала...

4. У нас до сего времени не создано более или менее приличных условий для курсовой работы. Их не имеет даже такой центр, как Новосибирск—резиденция нашего генштаба—СибкрайОНО. Мы не имеем курсовой библиотеки, нет методкабинета. Нет педагогического кабинета, нет даже кабинета по обществоведению, нет ни одной сколько-нибудь приличной мастерской... Нет сговоренности между различными наробразовскими курсами (а их только в данном году проводится на территории города Новосибирска, свыше 6). Нет совместных координированных действий. А ведь можно было бы на те средства, которые отпускаются на все эти курсы, горы своротить. Умножилась бы эффективность работы и возросла бы экономия в средствах.

Позаботиться об этом надо.

В короткой журнальной заметке всех недостатков и теневых сторон нет, конечно, возможности перечислить.

Здесь нуждаются в пересмотре и организация работы, и формы, и методы, и руководство, и многое другое.

Практически наши предложения сводятся к следующему:

I. В отношении учебных планов.

1. Пересмотреть учебные планы местных курсов, дополнив их той частью школоведения и школьной гигиены, на которую я указывал выше.
2. Дифференцировать заключающийся в них материал в порядке возрастающей сложности с таким расчетом, чтобы этим обеспечить свободное продвижение вперед для тех, кто уже прошел азбучные истины по тем или иным вопросам.
3. Не включать одних и тех же вопросов одной и той же сложности ежегодно.
4. Дать точные установки в вопросе, что именно и как анализировать и в каких разделах. Наиболее важно и необходимо выявить опыт мест.
5. Установить для каждого вопроса какую-то шкалу или систему собирательности опыта (хотя бы наподобие десятичной системы Кеттера для классифик. книг).
6. Построить работу так, чтобы каждый последующий год работы опирался бы на предыдущий, из него бы вырастал, являлся бы его монолитным продолжением. Чтобы сумму работы ряда лет можно было бы сравнить со статуей, которая есть кусок массы с отсеченными лишними частями.

II. Формы работы.

В соответствии с изложенным выше, изменять постепенно и формы курсовой работы, если не по всем, то по ряду разделов.

Первое—это индивидуализация форм работы там, где она явится единственно целесообразной, единственно экономной.

Пример:

На предстоящих в августе месяце Корпусакских райкурсах в числе других разделов работы предположено проработать и административно-хозяйственную часть (азбуку).

Цель и задача этого отделения—научить работника: 1) порядку приема, сдачи и исключения пришедшего в негодность имущества и способам его оценки; 2) ведению

школьного делопроизводства, школьной статистики и отчетности; 3) технике исполнения руководящих бумаг, циркуляров, газетно-журнальных вырезок, их хранению; 4) правилам использования, хранения, передачи школьного архива; 5) способам пользования, хранения и передачи школьных библиотек (ученических, учительских, общих); 6) заготовке учебников, учебных пособий и канц. принадлежностей и правилам их наилучшего использования и экономного использования (техника использований); 7) существующим требованиям о классной мебели, об инвентаризации, о возможной замене, реконструкции нетиповой, бесстандартной; 8) составлению конкретных планов, смет, расчетов на постройку новых, ремонт и расширение существующих школьных зданий и служб; привлечению местной инициативы; 9) работе по школьному благоустройству; 10) составлению календарного расписания хозяйственных дел на предстоящий год и перспективного плана на ближайшую трехлетку и т. д.

Для проработки этой части оборудуется особое отделение-лаборатория. Оборудована она: а) из лучших работ мест, б) из соответствующей литературы, в) из соответствующих распоряжений и указаний органов по НО за последние годы. Разработан путеводитель по отделению (указывающий конкретно, где и что найти и как проработать) и задания по каждому отдельному вопросу.

Особенности такой постановки работы заключаются в том, что каждый работник (или группа) может:

а) В любой момент (на курсах, до или после них) проработать вполне самостоятельно данный раздел работы.

б) Выбрать из всего отделения только то, что его интересует, в чем он нуждается, не повторяя уже усвоенного.

в) Может даже из одного вопроса проработать только одну часть его.

г) Проработать в полном соответствии с особенностями своей школы и для своей школы (опять экономия времени и сил).

д) Этой системой достигается и возможность индивидуального учета проработки данного раздела (кем, что и как проработано).

е) Эта система является лучшим видом консультации, ибо она включает в себя наибольшую самостоятельность, чем всякая иная форма консультации.

ж) Она упрощает руководство, но она же, сводя руководство к консультации, требует от руководителей наибольших компетентности, знаний и ответственности.

з) Только эта система дает возможность индивидуализации форм курсовой работы и, только следуя ей, можно продолжать работу с учителями в любое время.

Элементы коллективизма здесь не вытесняются: они приобретают только наиболее сложные, наиболее организованные формы.

Таким же способом можно организовать работу и по другим разделам учебного плана.

III. Условия.

Если примитивное оборудование курсо-лаборатории можно создать на селе, то несомненно и с большим успехом это можно сделать в городе. Вопрос об организации условий надо поставить на очередь и добиться положительного его разрешения.

Основные пожелания таковы.

Если сумели зажечь в просвещенце жажду знаний, наэлектризовать его, воодушевить, то и дайте ему и большие возможности, чем те, которые он имеет, уберите с пути рогатки, мешающие беспринципно двигаться вперед.

Вениамин Агапов.

IV.

Об учете работы местных курсов.

При организации летних курсов по повышению квалификации учителей места каждый раз сталкиваются с вопросом **об учете работы курсов**. Этот вопрос в практике мест до настоящего времени не получил еще вполне конкретного содержания. Да и установка его еще не совсем ясна. В отношении учета курсовой работы, пожалуй, в качестве общего явления до сего времени мы имеем: а) учет посещаемости курсов—общий и индивидуальный; б) протоколы заседаний курсовых пленумов, групповых собраний; в) доклады отдельных курсантов (далеко не всех), выполняющих на курсах, так называемые, ответственные работы (практика бывших глубокурс); г) внимательные руководители курсов о работе того или иного курсанта, не всегда основанные на системе фактов, а потому часто по своему характеру общие, расплывчатые; д) отзывы инспектора о последующей работе курсантов, иногда представляющие собой также общую оценку и т. п.

Рассматривая все эти формы или виды учета курсовой работы под углом зрения целостной системы учета, надо признать, что существующий учет прежде всего страдает своей общностью и неточностью, во всяком случае очень бледно отражает успеваемость отдельных курсантов и (что всего важнее) фактическое влияние курсовой работы учителя на качество его непосредственной производственной работы.

От курсов, имевших целью дать толчок, общую зарядку в работе просвещенца, мы сейчас переходим к системе отдельных дифференциальных мероприятий, где ставим уже более сложную задачу—дать отдельным группам работников сообразно с их подготовкой и производственными задачами соответствующие знания, и в таком объеме, чтобы эти знания могли послужить реальной и содержательной основой в дальнейшей производственной и самообразовательной работе учителя. Передвижение работы по повышению квалификации в плоскость более конкретных требований говорит за полную своевременность постановки вопроса об изучении действительных результатов курсовой работы, точного учета в этой области. К учету курсовой работы в данных условиях нужно предъявить ряд определенных требований, вытекающих из самого характера проводимой сейчас работы по повышению квалификации.

Учет работы курсов должен быть по возможности точным и во всяком случае должен давать вполне вещественный материал для выводов. Необходимо курсы разгрузить от ненужного протокольного балласта с записями всего, что каждым курсантом говорилось на курсах. Здесь много несущественного, мелочей, многое искажается или упускается из виду. Весь, так называемый, формальный учет нужно сделать, во-первых, кратким и, во-вторых, статистическим, выбросив из него все лишнее, не имеющее ценности. Протокольные записи курсовых работ должны содержать только самые необходимые для дела сведения: посещаемость отдельных занятий (пленарных, семинарских), число лиц (или фамилии), принимавших участие в обсуждении каждого вопроса, время начала, окончания работы и т. п. Все эти данные можно использовать при учете посещаемости курсов в целом, отдельных занятий, степени заинтересованности в каждом отдельном вопросе со стороны курсантов. С известными дополнительными данными (не статистического характера) эти сведения будут нужны и для определения успеваемости отдельных курсантов. Протоколы курсовых занятий должны иметь точную и не сложную форму. Этим самым будет экономиться время и энергия курсантов, затрачиваемые часто написание, переделку, отделку... протоколов в ущерб наиболее важному и полезному—работе в вечернее время в курсовой библиотеке-читальне и т. п.

Учебной частью курсов должны размножаться по количеству курсантов тезисы или конспекты вступительных лекций или докладов, а также карточки заданий семинарских работ, представляемые каждым руководителем. Все документы коллективной курсовой работы (планы, тезисы, конспекты, списки...), являющиеся результатом

групповой (семинарской) проработки, также должны учебной частью размножаться для каждого курсанта. Каждый курсант по окончании курсов должен иметь на руках все документы курсовой работы для руководства в текущей школьной и самообразовательной работе.

Формой учета курсовой работы в целом могут быть и анкеты, только с небольшим количеством вопросов и их конкретной постановкой, касающейся отдельных и определенных моментов работы (а не того, «хороши» или «плохи» курсы). Лучше, если анкеты будут не общекурсовыми, а цикловыми или даже предметными. Имея вполне точные вещественные ответы курсантов по отдельным деталям курсовой работы, для ОНО вполне возможно будет сделать и сравнительно безошибочные выводы о том, как прошла проработка каждого раздела курсов, какие в ней выявились хорошие стороны и недостатки.

Гораздо важнее для дела другая сторона учета курсовой работы—учет качественный, производственный. Учет работы курсов нужно поставить в производственном разрезе. Насколько и в чем, именно, курсовая работа отразилась в лучшую сторону на производственной практике курсанта-учителя в школе—вот вопрос, на который нужен ответ. И не «вообще» курсантов, а каждого данного курсанта в отдельности. Наличие таких данных предоставит ОНО полную возможность выявить действительную производственную ценность курсов и, главное, их приспособленность к запросам и силам отдельных групп работников, далеко неодинаковых по своей подготовке. Кроме того, это позволит и в дальнейшем вести планомерную работу по повышению квалификации отдельных групп работников. Конечно, введение производственного индивидуального учета не должно иметь ничего общего с реставрацией «проверкомок». По самому существу этот учет—не проверка, а изучение работы. И изучение это в центре своей задачи ставит не отдельных работников, а отдельные группы их. Последние же могут быть определены только через изучение работы курсантов. Всякий же иной метод, идущий «с высот общих предположений», будет абстрактным и лишенным нужной объективности.

Формой производственного учета курсовой работы может быть инспекторское обследование работы того учреждения, где работает курсант. Совсем не нужно здесь делать специального обследования. При плановом обычном обследовании учреждений инспектору должно быть поручено задание по определенной схеме изучить—насколько курсы помогли данному работнику улучшить работу в учреждении, облегчили ему работу. Органам же профсоюза нужно изучить, насколько курсы послужили стимулом к самообразованию данного работника. Все данные по изучению работы курсанта, конечно, должны представлять собою сумму определенных фактов, свидетельствующих о росте производственной и самообразовательной работы учителя.

Другой путь определения производственной реализации курсов—выполнение каждым курсантом по окончании курсов в процессе непосредственной работы в учреждении или на селе конкретного методического задания. Такой учет, может быть, примерно, построен в следующем виде. Перед окончанием курсов учебная часть публикует для сведения курсантов перечень заданий тем, намеченных предварительно советом курсов совместно с лекторами и представителями ОНО и союза. Темы по своему характеру должны вытекать из содержания курсовой работы и, во-вторых, должны отвечать задачам методической работы в данном округе. Темы могут быть общепедагогические, по частной методике, по общественной работе на селе и т. д. Выполнение задания ограничивается приблизительно трехмесячным сроком (до зимней конференции). Учет выполненного задания может быть осуществлен или через доклад учителя на конференции, или через освещение своей работы в педагогической прессе, или, в крайнем случае, через представление материалов работы в ближайший методический орган.

Необходимо, чтобы работники отдельных округов по данному вопросу осветили свой местный опыт и свои соображения на страницах «Провещения Сибири». И, кроме того, затронутый здесь вопрос должен получить разрешение в Крайметодсовете.

V.

Нужны ли практикумы при опорных школах?

Для совершенствования работы массового учителя в настоящее время создалась уже довольно полезная сеть вспомогательных учреждений и мероприятий. Педуклон школ II ступени, заочные курсы, курсы самообразования, периодические курсы с выездом в места курсов, учительские конференции, кустовые объединения, опорные школы для работы в районах, методбюро и меткомиссии, центральная консультация, с'езды, собрания, совещания и, наконец, практикумы. Эти 10-11 дополнительных мер или полумер свидетельствуют о том, что в деле подготовки кадров просвещенцев нами где-то и что-то сделано или неладно, или недоделано.

Нам сдается, что дело не настолько уж сложно, и разрешить его раз навсегда или на долгое время не представится затруднений.

Что имеют в виду наши хотя бы конференции—развитие ли общественности и общительности в учителе, или поднятие его квалификации?

Если имеется в виду первая цель, то она совершенно не достигается, т. к. ни для коллективного труда, ни для «общественности» на конференциях, созываемых раз, много—два в год, не дается ни времени, ни места, ни условий.

Если имеется вторая цель, то она достигается весьма отдаленно и частично, в совершенно гомеопатической дозе, ради которой выбросить 600-800 руб. на организацию конференции—затрата, необъяснимая никакими соображениями.

Если бы эти средства тратились не на разрешение 5-6 вопросов, разрешаемых или неразрешаемых на конференциях, а на выписку педагогической литературы для школ, то польза от такой меры была бы неизмеримо существеннее целого ряда конференций.

Но недостаточность конференций в деле просвещения просвещенцев, очевидно, сознается Наркомпросом не менее, чем и самими массовыми работниками. Поэтому, в дополнение к конференциям создаются курсы в округах и заочные курсы, плюс к этому практикумы при опорных школах.

Но прежде, чем толковать о пользе практикумов, разрешим себе привести несколько общих соображений о подготовке педработников.

Вся вышепоименованная сеть дополнительных мероприятий по поднятию квалификации педагогов вызвана недостатками постановки дела в школах II ступени.

Почему все те требования, предъявляемые просвещенцу в отношении его квалификации в разных местах и в разное время, нельзя предъявить ему в одном месте и в одно время, например, в педагогическом уклоне школ II ст.? Нехватит времени? Дайте еще один лишний год для педуклона.

В самом деле: чего добивается педагогическая мысль в своих требованиях, предъявляемых специалисту-педагогу?

Как и во всякой другой профессии, педагог должен знать, во-первых, теорию своего дела и, во-вторых, уметь практически эту теорию приложить к делу. Если просвещенец овладел теорией на 20 проц., от него нужно требовать 80 проц. практики, так как никакое знание теории без практики не может создать специалиста. Если это, вполне обоснованное житейским опытом положение, предъявляемое к специалисту любой профессии, приложить к учащемуся в школе II ст. (а эту школу проходят все), к 8 и 9 ее группе, реорганизовать самую постановку дела в педуклоне, то мы этим на 80 проц. выполним задачу воспитания просвещенца, остальное дополнит педлитература и его личный опыт, без которого он, если бы мы даже затрепали его до полного истощения его сил по разным курсам, конференциям, практикумам и проч. институтам,—все равно никогда не будет знатоком, мастером своего дела.

Педагогу нужен личный опыт.

Что значит—научиться преподавать, учить других?

Всякий навык в мастерстве, напр., в игре на скрипке, в сапожном, столярном деле берется путем механических повторений отдельных моментов или деталей процесса работы.

Сапожник обрезает подошву, загибает перед, вбивает шпильки и т. д., и эти детали работы у него **всегда постоянны**, неизменны, настолько постоянны, что их уже теперь механизуют (вернее механизуют), т.-е., вместо живого мастера, работу выполняет машина. В педагогическом мастерстве, вместо живого мастера, машину подставить нельзя: здесь объект воздействия—живой организм с его психикой, физиологией, интеллектом и прочими атрибутами живого организма, так или иначе реагирующими на всякое внешнее влияние и сплошь и рядом противодействующими педагогическому влиянию в форме небрежности, невнимательности, лени, болезненности и т. д. Словом, объекты педагогического мастерства бесконечно разнообразны. Из миллионов учащихся детей едва ли найдется пара тождественных физически и психически субъектов. Очевидно, что механические однообразные, типические, шаблонные приемы воздействия к такой среде неприменимы.

Педагог должен знать **общие приемы** и методы преподавания, и это дает ему теория в тех учебных заведениях, в которых он учится, а приобретение умения практически применять эту теорию—это уже его **личная обязанность**, его личный (шкурный) и общественный долг. С этой точки зрения никакие показательные «наблюдательские» уроки на курсах или практикумах ему не помогут, так как обстановка и условия, среди которых он наблюдал урок, данный другим лицом, никогда уже не повторятся, это во-первых, а во-вторых, каким бы хорошим актером ни был наблюдающий, он не сможет буквально воспроизвести ход чужого урока, в условиях своей школы, он не сможет создать ту же обстановку данного урока, не говоря о всем прочем—у него и состав детей будет другой, а к ним и подход нужен другой. Таким образом, прекрасный прием в одних условиях может оказаться скверным при других. Итак, никакие курсы и практикумы, если в них будет работать **не сам**, нуждающийся в практике работник, а **показывающий**, как надо работать, не сделают учителя мастером своего дела. Допустим, я наблюдаю урок талантливого учителя, но как же я сам также «талантливо» дам урок, если у меня нет «таланта»? Ведь это значит, что я при взгляде на работу таланта, будучи средним человеком,—вдруг преобразусь в талант? Нам скажут, что никто ни от кого не требует талантливости. Тогда термин «талант» заменим термином «образцовый» и переделаем наш вопрос, как я, будучи средним или плохим работником, при наблюдении образцового урока, преобразусь в образцового работника?

Для того, чтобы человек со средними способностями мог обратиться в среднего квалифицированного работоспособного педагога, нужно, чтобы он теорию воспитания и обучения практически смог приложить к делу, а это возможно сделать лишь единственно путем **личной** практики и **личного** опыта,—и чем дольше будет эта практика, тем квалифицированнее будет работник. Не это ли же самое положение применяется и ко всем другим профессиям? Если же, несмотря на свой многолетний стаж, работник все же плохо работает, то это доказывает лишь то, что работник не годен для того дела.

Роль практикумов при опорных школах, таким образом, с нашей точки зрения, определяется так: приезжающий на практикум дает уроки сам, под наблюдением членов методбюро, которые и дают ему по окончании урока указания на промахи и достоинства его урока.

Институт практикумов, конечно, не есть рациональная мера для излечения дефектов. Это лишь паллиатив, суррогат работы, да еще и нездоровый суррогат, т. к. сопряжен с большими неудобствами (отрыв от занятий в своей школе, материальные затраты, проблематичность результатов, т. к. от 6-10 дней практики нельзя ждать большой пользы). Единственная радикальная мера ликвидировать эти паллиативы—это рационализировать дело подготовки учителей в педуклоне школ II ст.

Устраняя теперь практикумы, т.-е. практические занятия для учителей, мы тем самым сознаемся в том, что чего-то не дали учителю, что надо бы ему дать. И делаем мы эту поправку (практикумы), выпустив уже работника на работу,—так, почему бы не дать ему этой недостающей, по нашему мнению, практики до начала его деятельности, т.-е. в педульоне?

Д. Чирнов.

г. Кузнецк.

VI.

Об организации методической консультации.

(В порядке постановки вопроса).

В условиях Сибири, где чрезвычайно быстро разворачивается сеть массовых школ и на работу посылаются масса новых малоопытных работников, уже в данный момент накопилось такая громадная армия просвещенцев, нуждающихся в постоянной методической помощи, что всех их никакими стационарными курсами в одно лето не охватишь.

Как же быть?

Выходом из данного положения является надлежащая организация самопереподготовки просвещенцев, в частности четкая **постановка методической консультации**, которая даст возможность широко индивидуализировать повышение квалификации и в то же время при минимальной затрате средств обеспечит методическую помощь всем нуждающимся в этом просвещенцам.

Значительный интерес представляет в этом отношении теория и практика организации методической консультации в Ленинградской области.

Оставляя периодические курсы для переподготовки особо отстающих, не могущих самостоятельно работать над собой просвещенцев, а также для изучения особотрудных вопросов, которые не могут быть проработаны путем консультации, ленинградцы выдвигают, как массовую форму методической помощи, организацию методической консультации. Ими намечаются следующие формы этой работы:

1. Индивидуальная методическая консультация как устная, так и письменная.
2. Коллективная консультация путем организации консультационных докладов отдельным группам просвещенцев, заинтересованным определенным вопросом.
3. Консультация через опорные школы, педтехникумы, ВУЗ'ы.
4. По принципиальным методическим вопросам консультация непосредственно через метод. бюро.
5. Во главе консультационной работы мыслится организационное бюро по методической консультации.
6. Организация и ответственное руководство методической консультацией должны находиться в непосредственном ведении ОНО.

В данный момент практически эта система не выдержана, и в основном консультационная работа сосредоточена в областном ленинградском доме работников просвещения.

При ДРП имеется консультационное бюро из лучших сил Ленинграда, которое ведет систематическую групповую и индивидуальную консультацию по особо сложным методическим вопросам. Бюро содержится облОНО совместно с облпросом.

Помимо консультационного бюро консультирует еще справочный стол, дающий ответы на все мелкие, затронутые просвещенцами, вопросы.

Большого внимания заслуживает практика применения анонимных вопросов. По заключению заведывающего справочным столом, это значительно повысило количество особенно простых несложных методических вопросов. Объясняется тем, что в анонимно

просвещенец начал спрашивать о всем, в чем он действительно затрудняется и о чем в подписанной бумажке из-за ложного стыда («как это я буду задавать такой простой вопрос—засмеют или «начальство» плохого мнения будет»), не решался раньше спрашивать.

Техника дачи справок такова. Справочный стол дает устные ответы на устные индивидуальные или групповые вопросы. Если вопрос труден для немедленного ответа, то он записывается, и на него ответ дается в условленный срок на щите ответов. Так практикуется для просвещенцев, посещающих ДРП. На запросы с мест справочный стол отвечает спрашивающему по почте через опорную школу или непосредственно (через опорную школу ответ дается в том случае, когда требуется детализация методического ответа на основе местной практики).

Конечно, сотрудники справочного стола не могут справиться с ответами на все чрезвычайно разнообразные вопросы, которые поступают в справочный стол. В таких затруднительных случаях они просят дать ответ или работников консультационного бюро, или профессоров и специалистов. Последние, как члены союза, бесплатно прорабатывают вопрос и отвечают справочному столу, а тот отвечает своему клиенту. Сотрудник отмечает, что случаев, когда бы профессор запросил оплату за дачу ответа в практике еще не было.

До последнего времени в организационном отношении справочный стол был самостоятельной единицей. Сейчас справочный стол и консультационное бюро объединяются, при чем первый (2 сотрудника) входит в консультационное бюро, как оперативная часть, с правом непосредственной консультации по несложным вопросам. Вопросы же, требующие компетентной длительной проработки (2-3 беседы, 2-3 письма), проводятся консультационным бюро. Члены бюро консультируют преимущественно по метод. вопросам, интересным не одному, а определенной группе просвещенцев, по, так называемым, типовым методическим вопросам.

Групповая устная методическая консультация организуется, примерно, таким образом. Перед собравшейся в аудитории группой консультант или выдвинутый консультационным бюро работник-специалист делает вступительное слово на определенную тему, затем отвечает на те недоуменные вопросы, которые у консультируемых имеются в затронутой области, обобщает, делает выводы и указывает необходимую литературу для самостоятельной проработки, а также те учреждения, где прорабатываемый метод применяется.

В районах консультационную работу проводят опорные школы. При этом они консультируют не по всем методическим вопросам, а только по тем видам работы, которые лучше той или иной школой освоены и применены в практике своей работы (труд в школе, самоорганизация учащихся, общественно-полезный труд, работа на пришкольном участке и др.). Консультационная метод. работа с целью ее углубления и повышения качества как бы специализирована. Так, эту работу проводят опытно-показательные школы облОНО (21 шк.), по этому же типу организуется методическая консультация и в округах. Например, Троицкая районная опорная школа хорошо поставила краеведную работу. Этой школой детально, обоснованно проработан вопрос создания районного краеведческого справочника, одобренного обл. методсоветом, в силу чего, на ее обязанности лежит консультация других школ и районов по методам краеведной работы.

Непосильные для опорной школы методические вопросы передаются в окр. метод. бюро, а то, в случае затруднения, запрашивает обл. метод. совет.

Ответы окр. метод. бюро и обл. метод. совета или публикуются в педагогическом журнале, или суммируются в районе и приурочиваются к районным конференциям просвещенцев, где и доводится до сведения всех участников. Если же конференций нет, то ответы суммируются и рассылаются опорной школой во все школы района в письменной форме.

Опорные учреждения консультируют только по метод. вопросам, примененным у себя в практике и одобренным вышестоящими методическими инстанциями. Консультация же по вопросам, требующим научной проработки, производится обл. метод. советом.

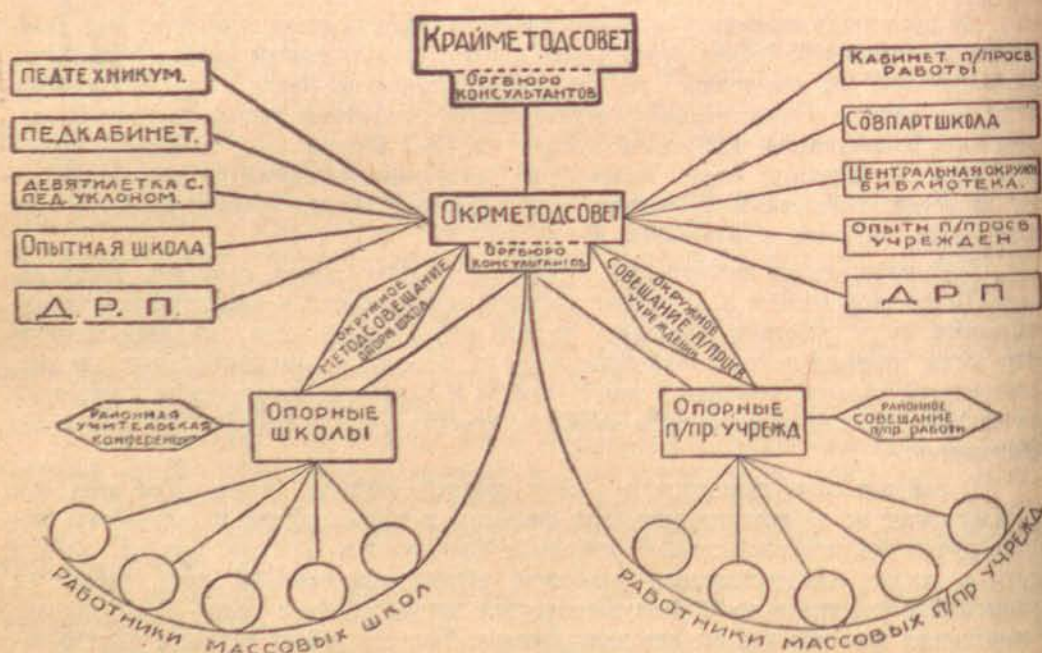
В округе организатором и руководителем методической консультации, как указано в основных положениях, является окр. метод. бюро.

Такова в основном практика организации методической консультации в Ленинграде.

К организации этой работы Ленинградская область приступила очень недавно и, несмотря на ряд практических достижений в этой области в самом Ленинграде, на местах, в большинстве случаев, четкой организационной структуры консультационной работы ленинградцам установить еще не удалось.

Но уже и та небольшая практика, те формы и принципы, которые ими вложены в эту новую для нас работу, должны быть учтены при более широкой организации методической консультации в наших сибирских условиях.

Проект схемы организации консультационной работы в округе.

Пояснения к проекту схемы организации консультационной работе в округе.

1. Организация и руководство методической консультацией сосредоточено целиком в окр. метод. бюро.

2. Оперативная работа по методической консультации сосредоточивается в орг. бюро консультантов, в состав которого включаются все лучшие методисты округа.

3. В своей работе бюро консультантов опирается на ряд учреждений (помечены сбоку схемы), напр., педтехникум и др., которые выполняют задания орг. бюро консультантов.

4. Орг. бюро консультантов проводит основную консультационную работу в округе, организует эту работу под руководством окр. метод. бюро и держит связь с краевым бюро консультантов.

5. Во главе бюро консультантов стоит ученый секретарь окр. метод. бюро, в сильных же округах может быть выделен специальный работник.

Вся техническая работа по консультации выполняется канцелярией окрОНО, а где есть возможность для этого, может быть, выделен специальный технический работник.

6. Опорные учреждения консультируют массовые просветучреждения по методическим вопросам, которые ими оп. уч. проработаны и в применении на практике дали хорошие результаты.

7. Работники массовых учреждений могут обращаться с методическими вопросами как в опорные учреждения, так и непосредственно в окр бюро консультантов при окрОНО и при КрайОНО.

8. Живое руководство консультационной работой проводится через окружные совещания опорных учреждений.

9. Районные учительские конференции учителей и совещания политпросветработн. используются опорными учреждениями и окр. бюро консультантов для групповой устной метод. консультации.

ПРИМЕЧАНИЕ: Намеченная схема является сугубо ориентировочной. Она не может быть взята за шаблон. При составлении ее я старался только организационно оформить опыт по консультационной работе в Ленинградской области, применяя с соответствующими организац. дополнениями этот опыт к нашим сибирским условиям. Если эта схема вызовет суждения, критику и ее исправление, а тем паче новые проекты организации методической консультации, то ее назначение будет вполне оправдано.

А. Богатков.

г. Минусинск.

УП.

Живем без связи.

Мало, сравнительно, наши педтехникумы выпускают новых педагогов, если иметь в виду массовое открытие новых школ. А деревня вполне законно ждет их, потому что имеющийся кадр работников далеко не всегда может считаться удовлетворительным. Число педтехникумцев в школах I ступени заметно растет, но достаточным это увеличение считать нельзя. Кроме того, нередко надежды, возлагаемые на новичков, подкованных современными методами, не оправдываются, и тогда всю вину взваливают исключительно на только что окончивших.

В чем она заключается?

В том, что не смогли правильно оценить проводимые советской властью мероприятия, оказались позади общественной жизни. Отсюда последствия, подчас не ахти приятные. А ведь из молодого просвещенца, только что оставившего школьную скамью, можно сделать дельного работника. Ругая без разбора, мы отбиваем всякую охоту доискаться причин, тормозящих занятия. Конечно, ругать нужно, иногда полезно, но как и за что — вот вопрос, на который необходимо ответить.

Полагаю, что всякому, кто сталкивается с просвещением, известно, в какие условия поставлен будущий учитель. Они ненормальны. Благодаря этому, при всем старании выходишь несовершенно. Да и нелепо было бы сразу получить законченного работника по той простой причине, что жизнь ежечасно ставит одну за другой задачи. Разрешить их можно только при некоторых предварительных предпосылках.

Одной из таких предпосылок я считаю прежде всего связь окончившего с педучреждением, откуда он вышел. Необходимость ее настойчиво диктуется такими соображениями. На первом году деятельности встречается масса методических неясностей. От них зависит работа. Какая-нибудь мелочь ставит в тупик. Вместо того, чтобы получить быстро нужные указания, устранить эти недостатки, приходится ощупью, порой с большим трудом, находить ответы. На просьбы дать разъяснения обычно техникум в целом отделяется молчанием, считая, очевидно, свою роль по отношению к выпущенным выполненной.

На месте, при наличии слабой работы методических совещаний и отсутствии педагогической литературы, не удастся молодому просвещенцу безболезненно, без ошибок выйти из положения.

Установление связи — и письменной, и живой (путем созыва осенних или летних конференций) — безусловно будет иметь колоссальное значение при построении программы, выпускных работ, отменяющих непроизводительно чрезвычайно много времени.

Своевременная помощь облегчит совершенствование молодых советских просвещенцев. Педагогам в целом, располагающим в этих случаях большими возможностями, могут сделать то, в чем мы нуждаемся.

П. Бурдовичин.

Ст. Итат, Ачинского окр.

VIII.

К вопросу о подготовке преподавателей естествознания.

Далеко не новый вопрос о подготовке преподавателей естествознания школы II степени все же еще не решен окончательно.

До революции главный кадр естественников поставлялся физико-математическими факультетами. Планы этих факультетов не преследовали целей педагогической подготовки и потому не имели педагогических и методических дисциплин. Специальные науки, как зоология, ботаника и проч., при достаточном количестве практических занятий, давали знания и навыки, мало пригодные для школьных целей и более соответствующие задачам высшей школы.

Окончивший физико-математической факультет студент волей судеб попадал в то или иное среднее учебное заведение и чувствовал себя, как в дремучем лесу, не видя не только дороги, но и мало-мальски протоптанной тропинки для чрезвычайно ответственного пути. Если это был человек, преданный педагогическому делу, то пора неудовлетворенности, охватившая на первых порах молодого педагога, выливалась в искания, перестройку университетских знаний, приобретение навыков, нужных педагогу средней школы. Человек, вступивший на педагогическое поприще только ради заработка, тянул лямку до выслути пенсия, задавая по учебнику отсюда и досюда, не показывая учащимся ни одного опыта, не говоря уже о самостоятельных практических занятиях учащихся. А сколько педагогических ошибок, галечаний ребенка, сколько разочарований?! Число лиц, вступивших на педагогическое поприще и бросивших его через год-два, исчислялось не малыми десятками. После пяти-шести лет практики, при усилении педагогическом самообразовании, дело далеко не у всех налаживалось, и учащиеся были глубоко благодарны тем натуралистам, которые в скучное, пассивное преподавание естествознания гимназий, реальных училищ и др. средне-учебных заведений внесли живую струю и яркость самостоятельности.

Положение естествознания в школе было совсем непрочное. В гимназиях оно не пользовалось благосклонностью, в реальных и коммерческих училищах ему более повезло, но программы последних были построены таким образом, что преследовали исключительную цель давать побольше фактов, избегая обобщений.

Фактическая сторона каждой дисциплины, оторванная от жизни, не позволяла юнше, окончившему школу, ориентироваться в окружающей обстановке и, в силу этого, не могла влиять на выработку правильного, основанного на выводах точных наук, миропонимания. Все мы хорошо помним, как за попытку ввести в курс естествознания элементы эволюционного учения преподаватель получал в лучшем случае выговор, а то и увольнение из школы.

Среди ряда завоеваний, характерных для современной нам школы, одним из крупных и в высокой степени ценных является устойчивость естествознания— вполне определенное место, отводимое изучению его в современных программах. Шатания то в сторону расширения изучения окружающей природы, то низведение почти на-нет ознакомления с естественными явлениями, а иногда и полное игнорирование и запрет, столь характерные для дореволюционной школы, изжиты. Исключительная теоретичность курса, полная оторванность от жизни также отошли в область предания. Поставлена строго определенная задача: тесно увязать знакомство с природой и ее законами с трудом как самих учащихся, так и взрослых. Важно также уяснить естественно-производительные силы и с точки зрения краеведческой.

Подход к изучению природных объектов должен быть по возможности активным. Из методов изучения наиболее приемлемым является исследовательский.

Каков же современный нам преподаватель естествознания, которому поручено претворить в дело идеи, вложенные в программы ГУС'а? Не касаясь его педагогической и общественной подготовки, хочется поделиться о его багаже по специальности и методических навыках.

Педвузы—новые учебные заведения, им отводится в настоящее время значительная доля внимания. Не раз пересматривавшиеся планы преподавания этих высших учебных заведений, наконец, стабилизированы на три года, что значительно должно способствовать успеху дела. Шаткость учебного плана и чуть ли не ежегодные предложения о пересмотре его создавали неуверенность программ тех или иных курсов, а отсюда и пониженные знания и слабые навыки студентов. Отсутствие подготовки на первом общем курсе к специальности на дальнейших на много процентов понижало усвояемость естественно-научных дисциплин и серьезный подход к практическим занятиям. Многопредметность мало-по-малу изживается, срок обучения удлинен до 5 лет. Все ведет к благополучию, и мы должны через 2-3 года получить хорошего активного педагога-исследователя, эволюциониста, знакомого с производственными задачами, способного дать учащимся знания, чтобы они могли принести долю полезного в жизнь, усвоившего, что естествознание в школе должно создать у учащихся правильное миропонимание на основе точных наук—материалистическое понимание.

Такова ли действительность, и можем ли мы спокойно ожидать правильной постановки преподавания естествознания в трудовой школе силами самих педагогов-естественников, а не исключительным руководством сверху?

Просматривая последние планы педагогических факультетов, введенные с прошлого учебного года, необходимо констатировать, что дело подготовки педагогов-естественников идет вперед. Как достижения, нужно отметить: подготовку к специализации с первого курса, отсутствие узких специальностей, что совершенно правильно, так как современной трудовой школе нужен педагог, образование которого охватывало бы всю природу, как живую, так и неживую. Планом уделяется большое число часов на отдельные дисциплины, что несомненно будет в значительной мере способствовать углублению знаний. Отсутствие в прежних планах физиологии растений, как самостоятельной науки, наносило большой ущерб ботаническому, а с ним и общему образованию, ибо лишало возможности составить цельный взгляд на растение, как физико-химическую единицу. Немыслимо в настоящее время педагогу-естественнику, руководясь программами с сельскохозяйственным уклоном, понять прогресс в культуре злаков, не ознакомившись с основами селекции. Этот пробел, чрезвычайно досадный, пополнил современным планом педвуза.

Не останавливаясь на дальнейшем, хочется только отметить, что методическому образованию уделено достаточно времени. Курс методики естествознания и химии наметен трехлетний. Таким образом, мы в праве ожидать, что та неудовлетворенность у естествовников, которая часто слышится у оканчивающих педфак в течение последних 3-4 лет, отпадает. Наступит полоса яркой бодрости. Часто повторяемая фраза «Я слыш-

ком многому учился, а потому ничего не постиг так, чтобы правильно педагогически и методически начать дело в школе; сдавая каждый новый зачет, я забывал сданный прежде»—будет уделом одиночек неудачников, которые при всякой постановке всегда найдутся. Хорошо, если будет так. Но вкрадывается ряд сомнений, и ими-то и хочется поделиться с товарищами педагогами.

Подход к изучению природных объектов должен быть по возможности активным—так гласит одно из положений объяснительной записки к программе ГУС'а по естествознанию и, следовательно, требуется активность со стороны преподавателя. Желание вывести естествознание на путь самостоятельной проработки его учащимися при руководстве педагога, стремление создать вокруг себя атмосферу активности—это чаяние всякого начинающего педагога. В настоящее время под активностью довольно часто понимают не то, о чем говорит объяснительная записка. Нам необходимо, говорит далее записка, воспитать в учащемся умение синтезировать действительность и критически ее воспринимать, а также создать навыки ориентирования в сложных комплексах окружающей действительности. Из методов изучения рекомендуется исследовательский метод, как исходящий из конкретных фактов и способный через анализ и проверку привести к обобщениям и теории.

Всякому естествознанию известно, что в естествознании мы имеем вариацию исследовательского метода, именно, мы исходим от конкретного факта, а не от слова о нем. Мы производим наблюдение факта, строим гипотезу для объяснения его, проверяем ее и делаем вывод, почему и метод может быть опытно-исследовательским.

Как часто приходится наблюдать в школах изучение природы по учебникам: Ягодовского, Аркина и др. Такое обучение не заключает в себе никаких моментов наблюдения, не несет с собой активности, вносит догматизм и необычайно далеко от истинного естественно-исторического метода, хотя многие и называют этот чисто словесный метод исследовательским.

Чтобы учить наблюдать, нужно самому уметь это делать, а последнее приобретает достаточным упражнением. На эту сторону необходимо обратить самое серьезное внимание при выполнении учебных планов педфака и именно на постановку практических занятий студентов по специальным дисциплинам. Для лиц, знакомых с постановкой практикумов по той или иной науке, далеко не секрет, что, в силу различных обстоятельств, студенты ведутся за руку, нет ни одного шага самостоятельности. Ассистентом заранее приготавливаются приборы, делаются готовые микроскопические препараты; за все пребывание в университете будущему педагогу ни разу не придется соорудить не только какой-либо прибор, но даже и согнуть стеклянной трубки. Несомненно, в некоторой доле в этом виноваты и школа II ступени, и рабфак, и дореволюционные учительские семинарии, откуда поступает главный кадр студентов педфака, где опять таки на навыки, столь необходимые для каждого естествознателя-исследователя, не обращается должного внимания. Существует взгляд, что навыки должны приобретаться студентами во время практических работ по курсу методики естествознания, что там студенты должны получить все то, что им необходимо будет при преподавании естествознания в школе. Что же остается для естественных наук на протяжении трех лет?—Чтение лекций, иными словами—теория с полупрактическими занятиями, вернее, демонстрациями. Знание, не подкрепленное в достаточной степени опытом, теряет немалую долю в своей цене. Нет сомнения, не все опыты и исследования могут быть проделаны каждым студентом в любом отделе науки, но основы исследовательского метода должны быть получены. Необходимым условием этого, конечно, является достаточное оборудование кабинетов научными силами и пособиями. Задачу методики нужно понимать, как преломление полученных студентами знаний и навыков в свете школы II ступени, как выяснение работы по программам ГУС'а. Конечно, и здесь приобретаются навыки, но навыки в связи с теми или иными методами преподавания. Необычайно трудно ориентироваться в методе школьного преподавания естествознания студенту, не имеющему достаточного багажа в прошлом. Нельзя же, в самом деле, в курсе методики начинать

все с начала: и учить гнуть стеклянную трубку, и сверлить пробку, и делать микроскопические препараты, и учить препарировать. Задача совершенно невыполнимая. Будет больше цельности и выше квалификация педагога, если в курсе методики студент научится отдавать себе ясный отчет, на основе знаний естественных наук в построении программы ГУС'а школы II ступени, правильно поймет активность и исследовательскую проработку тем, указанных в программе.

Экскурсионно-исследовательский метод также должен встать в центре внимания. Цельность знания и обобщение материала в некоторых случаях возможны только на месте его нахождения в связи со всей окружающей обстановкой. Это положение, осознанное в достаточной степени теоретически, практически до сих пор во многих случаях не получило осуществления. Изучение горных пород и минералов в кабинете геологии, просматривание гербариев и определение растений в кабинете ботаники, штудирование околоротовых конечностей таракана или какого-нибудь жука за столом в кабинете зоологии несомненно нужно, но необходимо и наблюдение естественных объектов в природе.

Как часто человеку, изучившему до тонкости какой-нибудь объект наблюдения в консервированном состоянии в изолированности от окружающего, приходится глубоко разочаровываться в своих знаниях, встретясь с ними в природе. Он подчас неузнаваем. Природа цельна и едина и влиянием одного объекта на другой вносит новые краски, до сих пор невиданные, а потому и неизвестные наблюдателю.

Каждая дисциплина должна по возможности иллюстрировать изучаемые ею объекты в их взаимной связи, что и можно достигнуть на экскурсиях. И в этом случае задачи методики должно понимать, как изучение экскурсионного материала в освещении школы II ступени. Человек, не знающий материала, не может усвоить метод его прохождения с тем или иным возрастом учащихся. Ознакомление и со всем материалом, и методом — опять-таки невыполнимая для методики задача.

Для более продуктивной методической разработки материала программы ГУС'а, мне кажется, большую пользу принесло бы, помимо совершения ряда экскурсий на ту или иную тему, организация в городах, там, где имеются педагогические учебные заведения, биологических станций. Подобного рода учреждения могут иметь или постоянный, или временный характер, в зависимости от материальных возможностей.

Постоянные станции, функционирующие круглый год, служили бы местом командировки студентов-естественников 5 курса для практики в области экскурсионного дела. Учреждения эти должны иметь животный мир данного района не в консервированном состоянии, иначе они превратятся в музеи, а по возможности в той обстановке, какую мы встречаем в природе. Я не говорю о зоопарках, что несомненно, влечет за собой громадные расходы. Биостанция для школьных экскурсий и самостоятельных наблюдений учащихся не собирают и не показывают каких-либо заморских диких животных, а имеют материал местный для обслуживания преподавания по тем программам, которые приняты в школах данного района. Нет нужды иметь крупных представителей животного и растительного мира, ибо они или хорошо известны учащимся хотя бы по внешней форме, или же содержание их требует больших затрат. Вполне достаточно, если в таком живом уголке будет возможность представить для самостоятельных биологических работ учащихся отряды рыб, птиц, вредных и полезных хозяйству, некоторых насекомых и мелких млекопитающих. Здесь же, на биостанции, должен найти место и растительный мир, подобранный по годам и темам программы ГУС'а.

Студент, теоретически изучивший постановку экскурсионного дела, отправленный на практику на биостанцию, приобрел бы неоценимый для педагога-естественника материал.

Равной, если не больше, была бы польза и от весенней и осенней практики студентов на временных станциях. Под последними я разумею организацию в более или менее крупных районах, где сосредоточено несколько школ I и II ступени, учреждений на зоне природы, где было бы пристанище для экскурсантов и где можно было бы найти

биологически интересные для наблюдения объекты в достаточном количестве и разнообразии. Такая временная станция, функционирующая весной и осенью, должна иметь все необходимое оборудование для наблюдений, что для школьных целей не требует больших затрат. В задачу ее должно входить и собирание материала для раздачи живым уголкам школ.

Необходимо при станциях иметь и небольшой пришкольный участок, в качестве образца для студентов и преподавателей школ. Местонахождение станции должно быть приурочено к местности, вблизи которой находилось бы село. В этом случае будет возможность экскурсировать по тем или иным сельско-хозяйственным вопросам и, таким образом, практически связать естествознание с трудом земледельца.

Экскурсии в природу рекомендуются, даже требуются, и они ведутся, но ценность их до сих пор, в большинстве случаев, остается под знаком вопроса. Мало—усвоить одну технику, метод ведения, нужна практика и практика не одной экскурсии, а целого ряда. Хорошо, конечно, если студент посмотрит, как методист или преподаватель школы проведет экскурсию на ту или иную тему, но польза возрастет до квадрата, если будущий педагог пробудет месяц или полтора в шкуре руководителя экскурсии.

Здесь студенту пришлось бы столкнуться с детьми в совершенно новой обстановке, проверить свою подготовку как научную, так и методическую и углубить ее.

Чрезвычайно большой вопрос о летней практике студентов был бы в некоторой своей части, именно, касающейся естествознавцев IV и V курса, удачно разрешен практикой весной и осенью на станциях.

Переходя к вопросу о практической работе студентов в школе или, так называемом, ответственном практикуме, нужно сказать, что положение его до сих пор неопределенно. Успех дела, не говоря о знаниях, зависит от продолжительности упражнения в навыках и достаточной оборудованности школьного кабинета. В недалеком прошлом мы не имели ни того, ни другого. Практикум велся обыкновенно в массовых школах города, и число часов, уделяемое на него, колебалось. Работа в массовой школе имеет свои положительные черты, так как студент сразу вступает в ту обстановку, в которой ему в самом непродолжительном времени пришлось бы начать дело. Но в то же время всем хорошо известно, что наши школы, даже городские, очень бедны пособиями, что при преподавании естествознания играет отрицательную роль. Никто в настоящее время не будет говорить о каких-либо сложных приборах, диковинных растениях и животных, идеально отпрепарированных крысах, голубях и пр. Нет, при активной работе учащихся все это излишне, всему этому не место в школе. Если при школе и должен быть музей, то ему нужно придать характер краеведческий, и все его коллекции приобретут особую ценность, если они будут плодом рук учащихся под руководством преподавателя. Такой музей будет иметь большое образовательное значение и для местного населения. Государство пока бедно, и задаваться в большом масштабе подобными целями излишне. Думается, что было бы в высокой степени полезно, если бы школьному кабинету естествознания уделялись те небольшие средства, которые необходимы для повседневных лабораторных и экскурсионных занятий. Без лаборатории нет исследования, а без исследования в естествознании нет активности. В большинстве не только нет пособий, но не хватает учебников и рабочих книг. Студент-практикант скорее видит, как не нужно вести преподавание. Нельзя отрицать, что и в этом случае практика дает ему кое-что. При назначении на место в дальний уголок Сибири, им будут учтены отрицательные стороны, будет стремление поставить дело, согласно современным методическим течениям, но сам-то педагог знает об этих течениях из лекций и практических занятий по методике в университете. Он был на репетициях, но не участвовал в представлении, не соприкасался с публикой. Поэтому и мыслится, что значительно продуктивнее была бы практика в школе, где доминировал бы не затхлый дух учебников, а была бы самостоятельная работа учащихся, а будущий педагог выступил бы ее руководителем. Не будет ли больше пользы, если студент ознакомится с отрицательными сторонами преподавания при обследовании школ на III курсе педвуза, а положительным—на практических заня-

ниях по методике и, главным образом, при практике в достаточно оборудованной школе.

Местные окрОНО должны выделить две или три школы и создать там благоприятные условия для продуктивной работы студентов-практикантов. Дело преподавания естествознания от этого выиграет и не для какого-нибудь маленького уголка нашего Союза, но обширные территории напитаются подготовленными педагогами, ибо педвузов не так-таки много.

С удлинением времени обучения в педвузе до пяти лет последний год в большей его части необходимо освободить от каких бы то ни было практических занятий с тем, чтобы студент мог отдать больше времени методическим практическим занятиям, а главное, своей работе в школе. Работа эта не может ограничиваться практикой преподавания в одном классе, нет, студенту необходимо ознакомиться с методами проработки программы ГУС'а во всех группах, а также усвоить и общий дух, и организацию школы.

Нельзя не отметить и некоторых пробелов в общем образовании студента-естественника. Не имеется в планах педфака курса микробиологии, между тем, как в программе ГУС'а для школ II ступени находится целый ряд вопросов, имеющих тесное соприкосновение с этой дисциплиной, напр., консервирование, гигиена тела и др. Отсутствует курс физической химии, а вместе с ним, конечно, и учение о коллоидах. Между тем, нельзя понять жизнь животного и растения, как цепь физико-химических процессов, не будучи знакомым с этими важными отделами химии. Осветить в должной мере физико-химические вопросы и учение о коллоидах в курсе общей химии не представляется возможным, ибо курс этот сам по себе велик, а число положенных по плану часов очень мало. Количество часов, отводимое планом педвуза на методику естествознания и химии, вполне достаточно, необходимо только обратить внимание на организацию кабинета методики. По идее этот кабинет должен иметь характер образцовой школьной лаборатории и, по сравнению с другими кабинетами университета, не требует крупной единовременной затраты средств, но все же он должен иметь в достаточном количестве приборы, посуду, пособия и литературу как журнальную, так и книжную. Пробелом и, может быть, большим, является отсутствие синтетического курса, обобщающего всю ту сумму знаний, которая была получена студентом-естественником в ряде лет обучения в педвузе. Должна быть подведена твердая физико-химическая база, сделаны выводы и тем достигнута цельность миропонимания на основе точных наук.

Подводя итоги, хочется сказать, что дело подготовки преподавателей естествознания налаживается, но необходимо для укрепления этого процесса принять ряд мер и переходу получения студентами знаний от словесных, пассивных методов и активным. Намеченный к переходу путь далеко не исчерпывает вопроса, но я смотрю на свои мысли, как на вехи. Несомненно, есть пробелы и, может быть, крупные и в чисто педагогическом, и общественном образовании студентов-естественников педвуза.

1. Иркутск.

И. Знаменский.

От редакции.—В эпоху развертывающейся культурной революции борьба за подготовку новых и переподготовку наличных кадров для всех отраслей социалистического строительства приобретает первостепенное значение. **Особенно остро стоит вопрос о создании просвещенских кадров.** Подготовка и переподготовка широких масс работников просвещения—неотложная задача дня. Выявить и исправить прошлые недочеты в этом деле, найти новые пути и методы работы можно лишь при коллективном и широком участии самих просвещенцев. Всякие указания в этом отношении, обмен опытом прошлой работы—особенно ценны.

Продолжая (см. № № 5 и 6 «Просвещ. Сибири») дискуссию по вопросам борьбы за кадры, редакция просит практических работников поделиться своим опытом и соображениями.

В № 9 «Просвещ. Сибири» редакция по вопросу дискуссии о кадрах даст свое заключение.

Дети и детдома.

I

В детдомах г. Барнаула.

В детдом № 9 мы пришли после обеда. Несколько ребят сидело на крыльце, пови́дному, курили. Все, кроме одного, быстро закинули правые руки за спины, и насмешливо, немного вызывающе, смотрели на нас.

— Это что? Еще комиссия?—спросил закуривший мальчик.

Мы, сговорившись заранее, сказали, что пришли к ним познакомиться, посмотреть, как они живут... рассказать им, как живут ребята в других городах.

Ребята все, как один, встрепенулись, наперерыв предлагая: «Идите! Я покажу мастерские!»... «А я—кухню, спальную!»... «Я—красный уголок и ленинский уголок покажу!»...

Ребята окружили нас. Мальчики 13-16 лет почти все бледные, с синяками под глазами. По дороге в девятый детдом инспектор Барнаульского СПОН'а нас предупредил:

— Этот детдом совсем еще не организован... Материальное положение там очень тяжелое... Ребята трудновоспитуемые, большинство из них прошли через комонес...

Несмотря на предупреждение инспектора, внешний вид ребят приковал наше внимание. На голом теле детей кое-как держались рваные, заплата́нные во многих местах, рубашки и штаны. Все это рвань было до того грязно, что на рубашках и штанах были буквально новые наслоения из грязи и сала. И сами ребята—вихрастые, с грязными лицами, с руками, покрытыми грязной корой, шершавые... Сопровождая нас, дети неустанно скребли свое тело, залезая проворными руками себе под рубашку...

Мы осмотрели кухню—пустую, «неделанную», как сообщил дежурный мальчуган. После обеда дежурный в теплой воде мыл жестяные суповые миски. Мыл просто своей рукой. «Судомойки (мочалки) у нас нет... купить не на что!»—пояснил дежурный, когда мы сказали ему, что миски все-таки после такого мытья остаются соевые.

Зашли в мастерские—кузнечную и столярную. «Здесь мы работаем! Мы делали кровати для дома отдыха!»—хором сообщали ребята. Мастерские тоже, по детским рассказам, были еще в процессе оборудования. «Мы все сами—по молоточку да по щипцам, клещам в день так и оборудуем»,—сообщил старший из ребят Орешин.

Поднялись по узкой, грязной лестнице наверх.

От редакции. Начиная с августа месяца с. г., во всех округах Сибирского края будет проведен широкий общественный смотр недостатков и достижений в работе детских домов.

Помещая в настоящем номере журнала статьи т.т. М. Якубовской, М. Ключе и Г. Протасова (все статьи идут в дискуссионном порядке), редакция выражает уверенность, что широкая общественность, комсомольские и пионерские организации, просвещенцы и сами воспитанники детских домов откликнутся на наш призыв и осветят на страницах журнала во всех деталях жизнь, быт и работу детских учреждений в крае.

По вопросу дискуссии о детдомах (начата в № 6 журнала) в № 11 «Просвещения Сибири» будет помещена редакционная статья.

— «Вот сюда! Направо!»—и ребята торжественно ввели нас в очень небольшую комнату, где сразу бросилась в глаза чистота и порядок. Аккуратно посредине стоял стол, покрытый красным кумачом; на средней стене висел большой портрет Ильича в раме, перевитой черной и красной материей. Висело несколько четких лозунгов, плакатов, рисунков.

«Здесь организуем уголок Ленина! Здесь у нас будет и библиотека! Здесь мы будем работать в политкружке!».

Видно было, что «Ленинский уголок»—это гордость ребят. Видно было, что сюда, в устройство его они принесли свое самое лучшее, самое здоровое...

...Спальня?! Это?..

Совестно, до боли стыдно и совестно стало. Стыдно и преступно было смотреть в глаза ребятам. И они еще могли найти в себе радость-гордость: «у нас будет Ленинский уголок!».

Несколько поломанных топчанов. На них—куски рваных, грязных, бесформенных масс—остатки сеников и одеял. И больше ничего. Ни полотенец, ни подушек. Вспомнился в далеком прошлом ночлежный дом-притон в одном из южных поволжских городов. Тоже голые стены и рухлядь. Но там... там **ночевали конченные люди**. А здесь, здесь **жили и хотели жить подростки**.

И это в расстоянии пяти минут ходьбы от окрОНО и не более трех-четырёх минут от окружкама и окрисполкома...

Что могли и должны были сказать дети в детдоме № 9, дети с тяжелым паталогическим прошлым, дети, выброшенные за борт условиями голода, гражданской войны, дети, у которых каждая анкета—новая страница тяжелых недетских страданий?

Вот Арнольд Б., 14 л., латыш. На его глазах застрелился отец, чтобы не даться живым в руки врагов белых. Ужас смерти, постоянное «видение»—простреленный череп... «мозг, кровь... это отец»... и Арнольд—сирота, озлобленный от голода. Сначала табак, потом «наше», кокаин... Потом—в притонах женщины, девочки... Только бы убежать от этого страшного видения...

Или Сережа—он сын конокрада. Он успел уже выучиться всем приемам конокрадства. После самосуда над отцом, С. беспризорник. Он тоже курит табак, пьет, с семи лет знает женщин.

Или И—в: белые расстреляли его отца-партизана; мать умерла. Он был в детдомах—много, часто, в разных городах. В анкете помечено, что из детдомов убегал.

— Почему убегал?—спрашиваем.

— Били... Везде били. А я меньше был... А за что били?—сам же спрашивает мальчик...—За что били?..

И так все ребята—у всех жизнь отняла детство, сломала их, а они захотели **все-таки жить**. По-настоящему захотели потребовать себе жизни. И пришли в детдом № 9 для трудновоспитуемых. Барн. окрОНО их позвал с вокзалов, площадей, рынков, притонов. Обещали выучить их жизни: научить работать, научить быть здоровыми, нужными в советской жизни. Поверили дети.

А что дал им окрОНО?

Рванье грязное, старое, вшивое и г-на Полощикова. Того Полощикова, о котором уже сообщалось, что он бил детей, напиваясь пьяным, ночами вваливался в спальню к детям, чтобы пороть их, ругать, оскорбить и унижить. Того Полощикова, который подучал детей делать фальшивые расписки, чтобы взять себе в карман последние гроши от детпитания.

Да, дети ненавидели его. Уже после того, как Полощиков был снят с работы и сдавал дела новому заведывающему, дети не могли спокойно говорить о нем.

И все-таки даже в такой среде, где, как сообщили дети: «когда были в бане, не помним»... «умываемся холодной водой без мыла»... «нет полотенец—когда вымоемся, сушимся на солнце, а то вытираемся грязным подолом рубахи»...—дети умеют гордиться уголком Ленина, работают в мастерской, **организуют коллектив**, вырабатывают устав

своего детдома. Даже в такой среде ребята просили, правда, очень застенчиво: «нельзя ли, чтобы к нам ходили комсомольцы»...

А в детдоме №№ 1, 8, 3? Что там мы нашли?

Детей бьют, наказывают... Немножко кое-чему учат в мастерских, в школе.

При детдоме № 1 есть совхоз на 40 человек, где дети живут и зиму, и лето.

«Кого выбирают из вас для совхоза?»—поинтересовались мы у ребят.

«Некоторые едут туда по желанию, а больше в наказание: кто плохо слушается здесь в доме, того на совхоз отправляют, и ч. там летом труднее работать»,—отвечали ребята-совхозовцы.

Наказание трудом, да еще сельско-хозяйственным в условиях с.-хоз. Барнаульского округа—это применялось в опорном детдоме, опять-таки под рукой окрОНО (по расстоянию через 1 квартал).

Из сообщений ребят выяснилось, что школы в совхозе нет. По словам инспектора СПОН, зимой некоторое время там был ликпункт. Среди ребят-совхозовцев есть 15-17-ти летние ребята, чуть-чуть грамотные, с трудом пишут свое имя.

«Вот нам бы хоть лекарств дали»,—говорили ребята: «у нас ребята без памяти в малярии пропадают... Хоть бы несколько порошков хины дали; ни «ноды», ни бинта, ничего нет. Порезеешься, так грязным тряпьем завязываешь. Зовем врача или сестру—никто не едет».

Совхоз от города в 8 верстах. При разговоре с Фирсановым, мы указали на эту вопиющую ненормальность—полную заброшенность совхоза в медицинском отношении.

«Совершенно верно. Сколько раз я говорил сестре*) с'ездить туда,—нет, так и не с'ездила... Удивляюсь я такому отношению!»—вот буквальный ответ Фирсанова...

А нам, вместе с негодованием по поводу битья Фирсановым детей, приходится тоже удивляться, что совхоз при детдоме № 1 вылился в форму батрачества для детей. Фирсанов удивлялся недобросовестности сестры, но решительных мер не принял. Однако, тот же самый Фирсанов в работе с детьми не посовестился применить весьма решительные меры...

В детдоме № 3 дети больны трахомой. Нуждающиеся в особо-светлом помещении, наоборот, живут в исключительно темной даче. Спят по двое на кровати. Наблюдали мы, как дети пили чай... Чай (он же и ужин) был накрыт на террасе. На больших деревянных столах без скатертей и клеенок, расставили жестяные миски; около каждого прибора, прямо на стол, насыпана порция сахарного песку—«так сами дети просили!»—объяснила воспитательница... хлеб—серый, пшеничный, нарезанный, был подан на больших жестяных листах. Перед чаем ребята вымыли руки, выстроились и сели за стол в полном порядке. Часть детей проявила удивительную ловкость: миски у многих детей оказались дырявые насквозь, и детям приходилось эти дыры, обжигаясь, затыкать пальцами и выпивать чай «одним духом», как говорили сами ребята. Сахар лизали прямо со стола...

А в плане детдома № 3 говорится о привитии детям культурно-гигиенических навыков...

При обследовании детдома № 8 спрашиваем ребят о том, как они питаются.

— «По утрам чай с молоком и с сахаром,—иногда молока хватает... Потом обед в 12 часов; в 7 час. ужинаем—опять чай пьем с хлебом»**).

— «А молоко покупаете?»—спрашиваем.

— «Нет, у нас своя корова... Доят ее тетенька (кухарка). Молока по-разному доят... Один день больше, другой день—совсем мало!»—сообщали ребята.

— «А записываете молоко, вешаете его, следит кто-нибудь за тем, как доят корову?»—задавали вопросы члены комиссии.

*) В штате детдома № 1 есть постоянно живущая медицинская сестра. М. Я.

***) В барнаульских детдомах фактически дети едят один раз; на питание в месяц на каждого ребенка дается 5 р. 50 к.

Оказалось, что доение коровы проходит без всякого учета, наблюдения. А в результате: «один день больше, другой день совсем мало бывает!»...

Там же в детдоме № 8 комиссия натолкнулась на весьма характерный факт. При проверке белья нам пришлось обратить внимание, что «чистое» белье было совершенно не постирано: от белья нещадно пахло мылом; желтое, оно было все в грязных пятнах. Впечатление было, что стирали ребята дошкольники.

— Кто у вас белье стирает, почему оно такое грязное?

— Отдаем прачкам... Да вот весь год они стирают и всегда носят такое белье. Мы говорим им, что грязное белье, а они твердят одно: «ладно, для детского дома сойдет!».

— А вы заставляли (разговор велся с заместит. заведывающего) прачек перестирывать? Увидали, что белье не выстирано совершенно и отдали бы снова... Пробовали так делать?

Ответ, конечно, отрицательный: «нет, не пробовали, не догадались»...

Это все отдельные моменты, отдельные эпизоды. И если бы возможно было разобрать все основные элементы жизни детдомов не только Барнаульского округа или «Кольванского застенка» — почти везде, за очень немногими исключениями, пришлось бы натолкнуться на этот мешански-обывательский и в то же время преступный подход: «ладно, в детдоме сойдет!»...

Отсутствие плановости в работе, определенной целевой установки, отсутствие педологического подхода и педологически организованной детской среды, трудового воспитания, отсутствие правильно организованной необходимой материальной базы — обязательные характерные особенности большинства детдомов.

Где и в чем искать корень зла? Где и как найти ту точку опоры, чтобы, наконец, найти правильный и возможный для воспитания детей путь работы детдомов? Основной ответ — незнание, обоюдное незнание. Детдома, с окрОНО во главе, не знали общественность, не знали ценности и необходимость участия ее в работе и жизни детдомов. Общественность не знала жизни и работы детдомов.

Мы не говорим о том случайном участии, вернее — случайном выступлении общественности, когда случайно детдом пригласит к себе делегатку, комсомольца побывать или на празднике, или затем, чтобы провести какое-либо собрание, «сшить фартучек», да «белье починить».

— Нас только и зовут в детдома, когда надо починить какие-нибудь фартучки или белье починить, — говорила одна из активисток-делегаток Барн. от. работниц в беседе с одним из членов комиссии по обследованию.

Ведь это же установленный факт: лишь в трех из обследованных детдомов (№ 4 — дошкольн., № 6 — для детей люэтиков, № 2 — дошкольн.) действительно функционируют советы детдомов. В других — везде одно объяснение: «не успели (!), собираемся, очень трудно созвать».

Вот в этом «не успели связаться с общественностью», можно сказать, и есть основной корень зла.

Никогда и нигде, ни в одном положении о детдомах (да и о других формах работы по социально-правовой охране несовершеннолетних «СПОН») не говорится, что дело воспитания детей беспризорных есть монополия отделов народного образования. Наоборот, везде и во всем, когда говорится о структуре какого-либо института по детск. беспризорности и охране несовершеннолетних, — требуется «привлечение общественности».

Разумеется, не то привлечение общественности, как «сшить фартучки или белье починить», а вовлечение ее в плановую работу детдомов, в **нутро**, в массу этой работы, чтобы общественность могла сказать — «**наши детдома, наши дети, мы воспитываем беспризорных детей**»...

Отделы народного образования — **организаторы работы**, но ни в коем случае не хозяева и тем более собственники детдомов и всей массы беспризорных детей. И надо

раз и навсегда понять, что не только для улучшения материальных интересов мы должны звать общественность. Общественность—партийные организации, горсоветы, профсоюзы, кооперация, производство—необходимы прежде всего, как **воспитательная советская среда** для подрастающего поколения. В замкнутых стенах детдома, даже при идеальной материальной базе, мы никогда не создадим здорового и нужного для советской республики поколения. Общественно-педагогический прорыв в детдомах, разразившийся во многих округах края, является тревожным сигналом в работе детдомов. **«Только с общественностью—организованно, планоно»—**таков должен быть лозунг нового этапа этой работы.

Под этим лозунгом должны быть четко проработаны методы, формы и содержание работы общественности в жизни детдомов, коллективные производственные планы по воспитанию беспризорных детей; **проверены кадры педагогического и обслуживающего персонала детдомов.**

Конкретные предложения по оздоровлению и налаживанию работы Барнаульск. детдомов идут как-раз в развитие этих основных принципов.

Вместе с тем КрайОНО и всем окрОНО необходимо изменить и метод руководства детдомами, особенно в период реорганизации.

Со стороны органов народного образования необходимо центр тяжести своего руководства перенести на места—в самую среду детдомов—в коллектив детей и их руководителей. Будут ли тогда положительные результаты при использовании всех возможностей? И будут, и есть. В том же Барнауле, наряду с кошмарными явлениями указанных детдомов, живут и работают детдом № 4 (дошкольный) и детдом № 6 (для детей сифилитиков) так, как должен работать советский детдом.

При организованном участии и внимании общественности и масс, при организованном общественном контроле—не будет места ни для «колыванских застенков», ни для «фирсановщины».

В борьбе за подрастающее поколение детдом должен принять самое активное участие и выполнять присущую ему роль.

М. Янубовская.

II.

К вопросу о построении мастерских в детдомах.

В числе задач, выдвинутых Октябрьской революцией, актуальным моментом в деле организации детского дома встал вопрос о труде, том факторе, который регулировал бы все моменты социальной жизни детского дома. Постановка труда, как метода в системе воспитания, за 7-8 лет существования детских домов развивалась постепенно, расширяя формы и углубляя содержание в процессе своего развития. Эта эволюция, тесно связанная с изменениями экономических условий страны, заставляет нас в настоящее время отказаться от расширения количества мастерских и направить работу не вширь, а вглубь.

Вопрос о производственно-трудовой подготовке подростков, ребят-выпускников в первую очередь, должен сейчас стать основным краеугольным камнем в жизни детского дома.

Прошлые годы, вследствие различной материальной необеспеченности, мы не могли в этом отношении дать воспитаннику той квалифицированной подготовки, которую требует сейчас от него жизнь.

Школы ФЗУ, конечно, по своей малочисленности не могут охватить выросшую за последние годы массу подростков. Так, выпускник, без какой-либо квалификации, хотя бы начальной, должен выходить в жизнь, где при существующей безработице он может снова встать на путь беспризорничества.

В настоящее время детские дома должны взять курс на организацию труда в той или иной области, которая обеспечивала бы подростку-выпускнику, пусть даже самую низкую, квалификацию, надо взять курс на построение мастерских учебного характера.

Тут мы должны выпукло поставить вопрос, заострить внимание на организации не «примитивов», а мощных, центральных с хорошим оборудованием и соответствующим инструктажем мастерских, сконцентрировав на это дело имеющиеся у нас средства, не распыляя их по мелочам. До сих пор по детским домам мы видели мастерские, которые ясно, при всем желании даже и упорстве детской массы, не могли бы дать ей той начальной ступени квалификации, о которой мы поднимаем вопрос.

Выходило, что подготовка детей в таких «примитивах» пропадала даром, обучение сводилось к нулю.

Приступая к организации мощных мастерских или пересмотру имеющихся, надо прежде всего иметь: 1) учет экономики своего района; 2) учет имеющегося состава детей; 3) учет наличия средств, которыми располагаешь.

Если мы выдвигаем вопрос о даче квалификации нашим ребятам, то отсюда ясно, что на основе экономической жизни нашего района и развития производительных сил его, должна строиться наша мастерская. Спрос на рабочую силу данной специальности, сбыт продукции, связь с рынком (в широком смысле этого слова)—вот что нам нужно учесть. Далее, учет имеющегося кадра детей даст возможность сконструировать схему труда по степени трудности и заинтересованности всей детской массы.

Разновидность детского состава укажет на практике применительность того или иного вида труда.

И третий пункт—учет имеющихся средств—несомненно представляет также один из основных факторов в принципе построения указанной мастерской. **Берись за то, что можно действительно сделать.** Говорить об открытии каких-нибудь электро-технических или слесарно-водопроводных мастерских—значит проводить без-толку время. Все равно фабзавуча в детдоме мы не сможем организовать, такими средствами мы не располагаем, и нечего создавать напрасных иллюзий.

В этом отношении мы сможем говорить лишь о ремесленных мастерских (по городу) и реже о видах таких производств, как малярное, ремонтно-кровельное, рыболовное, кулинарное и пр. Я, конечно, ничуть не отрицаю, что потребность в такого рода работниках очень велика и, если «паче чаяния» тому или иному детдому представляется возможность взяться за ту или иную разновидность труда, то, конечно, почему же и не сделать этого?

Но, во всяком случае, в основном большинстве, все-таки речь будет идти о **ремесленных мастерских, как первой ступени выбранного вами** (на основе указанных выше трех пунктов) **местного производства.**

При организации мастерских надо учесть и наличие того или иного инструктажа, спеца-педагога, сумевшего бы поставить дело. У нас в детдоме это осложняется отсутствием производственных ставок, но так или иначе—или он, или временная консультация со стороны работников высшей квалификации, техников, связанного с вами производства, должны разрешить этот вопрос. А то не редки случаи совершенно неправильного, искаженного понятия о известном приеме или инструменте, а также пользовании им. Современное положение, конечно, потребует от нас постановку дела по принципу НОТ. Поэтому, больше внимания правильной установке рабочей позы, пользованию машинами, инструментами.

Я считаю, что труд нашего подростка в мастерской должен быть рационализирован в той мере, в какой это допускается и сама сущность труда и технико-экономическая конъюнктура в данной мастерской.

Итак, организованной мастерской мы даем учебно-производственный характер. Лучшим направлением в работе здесь могут служить программы отд. СПОН Главсоцвоса, являющиеся наиболее жизненными и отвечающими реальному положению дела постановки труда в детдомах.

Тут по каждой мастерской строго размеренная программа с распределением по классам, где вопрос учебы увязан с производственным уклоном.

Но, кроме узких интересов производства, у нас, в пролетарском государстве, существуют еще интересы пролетариата, в данном случае—молодого пролетариата. Школа, образовательная работа и работа по организации коллективной жизни своей коммуны встают перед нами и настолько тесно переплетаются между собой и с трудом подростка в мастерской, что удаление какого-нибудь элемента или сокращение его влияния нарушило бы цельность производственного уклона.

Ясно, в мастерской выдвигается положение, что рабочий, культурно работающий,—уже культурный человек, и часть методологической работы сводится поэтому к приучению подростка навыкам рациональной работы, которая заключается в культурном отношении к себе, к окружающему, инструментам и продукту работы. Мы, педагоги, должны заботиться о том, чтобы наше молодое поколение выросло в сознании убеждение, что «его производственная работа в то же время есть социалистическое служение».

Одним из важнейших вопросов постановки труда стоит вопрос о заработной плате подростка. Принципиально положение таково: подростки должны получать оплату в соответствии с квалификацией, т.-е. не за фактически выработанное, и за выполненное в известном классе, с известным качеством. Зарплата, —как средство накопления у подростка-выпускника материальных ценностей, в виде ли денежных сумм (на сберегательную книжку) или просто материалов (выдача на руки). Эти два вида постановки денежной стороны находятся в плоскости неразрешенного вопроса и дебатировались даже по сие время. Очевидно, практика и опыт мест, может быть в недалеком будущем, поставят определенно на ноги эту проблему и приведут к единой форме накопления ценностей у выпускника. Но так или иначе, и в силу наших ограниченных выпускных фондов, и, чтобы, с другой стороны, как-то стимулировать производственный труд воспитанника,—вопрос об оплате разрешен, кажется, везде в положительной форме, хотя сторонники неоплачивания труда видят в этом большой аргумент против социального воспитания. Конечно и очевидно, что тарифный разряд должен быть связан не только с успехами по мастерской, т.-е. с квалификацией ученика, как рабочего, но и с прогулами, непосещаемостью, опозданием, а также с успехами по школе; баллы школьной успеваемости, процент непосещаемости, опоздания должны входить в окончательный результат расчета подростка с некоторым дробным коэффициентом. Так педагогика должна увязаться с тарификацией. Но квалификация (особенно в старших классах, где сдельная работа и погоня за рублем) никогда не должна идти взамен здоровья, утерянного воспитанником на работе. Тут остро ощущаются наши недостатки: малое проветривание комнат, уборка и подметание не влажным способом, отсутствие субботников, недостаточность вентиляции пр. И получается, что знание, купленное ценою здоровья, бессмысленно, бесполезно, грозит национальному благополучию. Отсюда, как вывод, в первую очередь, посылая в учебно-производственные мастерские подростка, надо провести его через медосмотр, если возможно, ввести корректирующую гимнастику и, самое главное, что всегда нам доступно, это больше внимания мелочам гигиены и санитарии.

Еще об одном из действительных факторов постановки труда в наших мастерских: необходимо создание большой производственной обстановки: расчетные книжки, производственные совещания, рабочкомы, учеты, не говоря уже о самой технической налаженности, как то—машины, станки, таблицы, воспитывающие подростка лучше всяких книжек, теорий. Все это в своей целесообразности определенным образом организует будущего рабочего. Наконец, зарплата, позже—членство в профсоюзе и неразрывная работа с однородным производством втягивает нашего выпускника в самую рабочую гущу, связывает его всеми нитями со своим классом.

III.

Могут ли быть беспризорные в семье.

(К вопросу об объеме понятия беспризорности).

Никчемным, лишенным интереса и какого-либо практического значения покажется некоторым из читателей этот вопрос. Их обычный ответ и рассуждения таковы: «Какие беспризорные в семье? В чем дело?—Беспризорный—сирота»... Эти же рассуждения находят себе подкрепление нередко в нашей педагогической и, в особенности, в общей печати. На страницах всевозможных толстых и «тощих» журналов авторы, говоря о беспризорнике, рисуют его в виде ребенка улицы, едва прикрытого жалкими рубищами и, как правило, сиротой.

Между тем, такой поверхностный взгляд на беспризорника, а вместе с тем и на беспризорность в целом, является в корне неправильным. Он способен лишь затемнить истинный характер беспризорности. Однако, все же подобное упрощенное понимание, подобный «вульгаризм» беспризорности находят себе почву, имея к тому достаточно «веские» основания, проистекающие из отсутствия теоретически выкристаллизованного понятия беспризорности и из различного отношения к вопросу практиков... Здесь мы пытаемся высказать некоторые теоретические и практические соображения, дающие утвердительный (по нашему мнению, вполне правильный) ответ на вопрос, поставленный в заголовке настоящей статьи, а затем уже на основе соображений и ответа сделать кое-какие выводы.

* * *

Сторонники взгляда на беспризорность, как «внесемейное» явление, любят ссылаться в подтверждение правильности своих воззрений на чисто формальный критерий—трудность определения беспризорности. Поэтому они считают наиболее удобным признаком, разграничивающим беспризорных от остальных детей—отсутствие у первых и наличие у вторых семьи. Такое положение на первый взгляд действительно может показаться существенным. В самом деле, если мы обратимся к определениям беспризорности, даваемым различными теоретиками-педагогами, социологами, юристами, а также к материалам официального характера, то увидим, как по-разному понимается беспризорность. Так, например, по определению Наркомпроса РСФСР—«Беспризорными признаются несовершеннолетние, лишенные надлежащего надзора, попечения или принята со стороны родителей или лиц, их заменяющих, и опекунов, и находящиеся в условиях, могущих иметь пагубное влияние на их нравственность и здоровье, как то: несовершеннолетние, в отношении которых родители или опекуны, или лица, их заменяющие, злоупотребляют своей властью, принуждая или склоняя их к преступной или порочной жизни, к нищенству или разврату, или потворствуя этому, или отдавая в распоряжение нищих, преступников, бродячих певцов и т. п. Несовершеннолетние, с которыми родители или лица, имеющие о них попечение, обращаются жестоко, лишая их необходимой пищи, крова, одеяния или подвергая их наказаниям, превышающим разумные исправительные меры. Несовершеннолетние,—родители коих отбывают наказание лишения свободы, и которые находятся на попечении своих родственников или благонадежных лиц. Несовершеннолетние, нравственность и здоровье коих будут подвергаться явной опасности вследствие преступной жизни, пьянства, порочной жизни и привычек, проституции или общения с преступниками или порочными людьми их родителей, или лиц, на попечении коих они состоят. Несовершеннолетние—занимающиеся нищенством, проституцией, спекуляцией, бродяжничеством, совершающие правонарушения» и т. п.¹⁾

Говорить об удобопонятности и ясности такого «неуклюжего» определения, безнадежно стремящегося к перечислению всех случаев беспризорности, конечно, не

¹⁾ Цитир. из книги—Маро (М. И. Левитина) «Беспризорные». Стр. 47—48 1925 г.

²⁾ Цитир. сочинение—стр. 48.

приходится. Как правильно замечает Маро (М. И. Левитина)—«это определение хотя и широко, но не охватывает явления беспризорности во всем его объеме»²).

Также нельзя признать исчерпывающим перечень несовершеннолетних беспризорных, приводимый в «Положении о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР»³). Положение делит беспризорных на две основные категории—беспризорных, нуждающихся в полном обеспечении и воспитании и нуждающихся в охране, в мерах временной или частичной помощи и воспитании.

Интересно отметить точку зрения на беспризорного известного юриста-социолога—проф. М. Н. Гернета, считающего, что дать точную юридическую формулу беспризорности в высшей степени трудно⁴). Этот автор ставит беспризорного в зависимость от физического и нравственного или духовного отношения. По его мнению—«беспризорным (в физическом отношении) ребенком является теперь не только тот, жизнь и здоровье которого подвергаются опасности от преступных на него посягательств или голода, холода и других окружающих его материальных условий, но и тот, по отношению к которому не принимается мер, необходимых для правильного развития его физических сил, по отношению к которому не применяется «физическая культура». Еще более трудным является для проф. Гернета дать определение беспризорному в нравственном или духовном отношении.

Любопытна классификация проф. А. Б. Залкинда⁵), считающего беспризорными, так наз., трудных детей, живущих вне семьи, на улице в отличие от другой категории трудных, находящихся в семейных условиях. Таким образом, принципиального различия между обеими категориями проф. А. Б. Залкинд не делает—и те, и другие дети трудно воспитуемы.

Все это позволяет некоторым для «простоты» считать семью единственно правильным признаком, отличающим ребенка «нормального» от беспризорного. В буржуазных государствах—с их взглядом на семью, как на высшую ступень «добродетели», такое мнение является соответствующим духу правительств. Иное положение в Советском Союзе. Если в капиталистических странах современная организация семьи, как среды, создающей ребенку «нормальное» развитие, считается высоким идеалом—то в СССР, при проникновении в жизнь новых идей коллективизма, в том числе и в вопросе о воспитании—господствует взгляд на семью, как явление временного характера, свойственное лишь эпохе переходного времени. Естественно, поэтому, в наших условиях приходится относиться к воспитанию в семье с большой критикой. Нередко семья влияет на ребенка разлагающим образом. Для нас вполне ясным является то, что семья в переживаемое время (впрочем, как и всегда) не является идеалом воспитания и нередко служит «фабрикой изготовления беспризорников».

Приведенные выше определения беспризорности учитывают этот момент, несмотря на различия между собой, они также мыслят беспризорных, как несовершеннолетних, лишенных «надлежащего» надзора, попечения или приюта со стороны родителей и т. п. (Понятно, это относится лишь к части беспризорных). Все приведенные определения в той или иной степени, говорят о влиянии в известных случаях семьи на создание беспризорных. Одним словом, как ни рассматривать беспризорность, не следует забывать, что понятие беспризорных включает в себя две основных категории детей—детей сирот, не находящихся на попечении семьи, и детей, живущих в семье (зачастую им родной), но не в «надлежащих» условиях. Понятие в свою очередь также является относительным и сложным. Оно включает в себя ряд признаков—отсутствие материальных условий существования, отсутствие родительского надзора, здоровой физической и нравственной среды, жестокое обращение и т. п.

¹) См. постановление ВЦИК СНК РСФСР от 8/III-26 г. «Изв. ВЦИК» от 6/IV-26 г.

²) Проф. М. Н. Гернет—«Социально-правовая охрана детства за границей и в России». Стр. 50. Изд. «Право и Жизнь», Москва. 1924 г.

³) См. статью А. Б. Залкинд—«Трудные дети и методы работы с ними». Сборник—«Детская беспризорность и детский дом»—Наркомпрос Главсоцвос. Москва.

Мы приведем два наиболее характерных случая беспризорности в семье, встретившихся в практике Иркутского СПОН'а. В обоих случаях причинами беспризорности детей является спенение целого ряда обстоятельств. Тут отсутствуют здоровая физическая и нравственная среда и родительский надзор; слабая материальная сторона. Наблюдается жестокость в обращении с детьми со стороны их родителей. Характерно, что в обоих случаях дети потеряли мать.

Таким образом, отцы являются виновниками их беспризорности. Рассмотрим вкратце каждый случай отдельно, памятуя, что «в основе изучения беспризорного должен лежать анализ среды, поставившей ребенка в положение беспризорности».

* * *

Нам пришлось наблюдать детей Ш. в возрасте—14, 10, 7 и 12 лет. Первые трое—девочки, последний—мальчик. Дети живут до недавнего времени с отцом. Обстановка, окружающая их... Отец, еще не старый человек, алкоголик «высшего разряда». Был торговцем: имел мясную лавку и собственный дом. Редкие дни или даже часы отец детей не бывает пьян. Обращается с ними не иначе, как словами «щенок» (по отношению к мальчику) и «потастушка» (по отношению к старшей девочке). Однажды на старшую девочку замахнулся топором. Нередко в детей кидает кирпичи. В доме Ш. вечно пришлый элемент—кредиторы и т. п. Пьянство. Дети предоставлены сами себе—голодные, грязные, раздеты, не учатся. Родственников не имеют. Результат всего этого—мальчик пошел чистить сапоги; старшая девочка за правонарушение была приведена в комонес. Младшие дети являются свидетелями всего этого.

* * *

Второй случай—мальчик А.—13 лет и его брат—подросток 16 лет. Отец детей А. семидесятилетний старик, любит пить. Имеет собственный дом, тем не менее, живет в одной комнате, так как остальные сдает. Дети социально запущены. Поражает цвет их лица—грязно-блеклый. Месяцами дети не умывались. До этого довел их опустившийся отец. Последний не совсем в здравом уме. Ведет дневник наподобие Гоголевских «Записок сумасшедшего». Выдержки дневника вывешивает снаружи дома на улице. Почти ежедневно приводит к себе проститутку и совершает на глазах детей половые акты. Оба мальчика не учатся, раздеты, голодные. Отцом забыты.

Старший весь в коростах; чрезвычайно малого роста. Трудно дать ему при взгляде 16 лет. Младший страдает расстройством речи. Часто детей бьют «мгновенные сожительницы» их отца.

* * *

Вот краткие, основные штрихи «семейных» условий жизни, создающих беспризорного и безнадежного ребенка. Нам могут возразить, что в этих семьях у детей нет второго родителя—матери. Но в нашей практике имеются и такие случаи, когда беспризорными детей делают их матери или даже оба родителя. Таких случаев не мало.

Заканчивая настоящую статью, мы позволим себе на основе высказанного сделать следующие выводы:

1. Теоретические и практические данные свидетельствуют о наличии в наших условиях определенного количества детей, имеющих родителей, но тем не менее, являющихся беспризорными в полном смысле этого слова. Воззрения на беспризорников, как только на сирот, в корне неправильны.

2. С фактом «беспризорности» в семье необходимо считаться при определении понятия беспризорности; вообще необходимо помнить, что наряду с ликвидацией «уличных», бьющих в глаза, кадры беспризорников пополняются за счет детей, находящихся в семье.

3. Борьбе с беспризорностью в семье со стороны органов социально-правовой охраны несовершеннолетних необходимо уделять значительное внимание в их общей профилактической работе.

Гл. Протасов.

Л. Ушатский.

На переломе нашего быта.

(В порядке обсуждения).

1. Буза и склона.

«Дикие, сударь мой, у нас нравы!»—говорил полвека тому назад Островский устами своего героя в «Грозе».

Полвека прошло; казалось бы, что много воды утекло после того времени, но «дикие нравы» остались. Правда, они внешне изменились, «облагородились» и «утоновились», если так можно выразиться, но по существу остались гнусными и дикими.

Я далек от той мысли, чтобы утвеждать, что в среде большинства учительства существуют эти дикие нравы, но в некоторой части наших товарищей они живут и пользуются правом гражданства.

Читая и слыша о проявлении той или иной дикости, я как-то невольно вспоминаю то «доброе» старое время, когда в закрытых учебных заведениях было в ходу так называемое «цуканье», заключавшееся в самых диких издевательствах старших воспитанников над младшими. Младший беспрекословно должен был исполнить все прихоти и приказания старшего своего товарища, как бы нелепы и унизительны они ни были. Это была традиция, и это называлось «цуканьем».

Прошла революция, освободившая нас от «цуканья» самодержавной полицейщины. Но нашего быта революция еще не коснулась в полной мере, и «цуканье» осталось.

Положение наших младших товарищей—молодых учителей—очень похоже на то положение, которое занимали когда-то младшие воспитанники закрытых учебных заведений. Их «цукуют» старшие товарищи. К ним относятся свысока, пренебрежительно. Их третируют.

Никто не станет отрицать того факта, что, в большинстве случаев, положение молодых учителей, только что окончивших педтехнику или девятилетку, очень тяжелое. Они находятся в каком-то неприязненном, враждебном окружении со стороны старых учителей, злорадно относящихся ко всем их промахам и ошибкам, которые так неизбежны на первых шагах их практики.

Ведь старые учителя когда-то делали такие же ошибки, но забыли о них и предоставляют своим младшим товарищам собственным силам—«посмотрим, мол, как-то ты вышутасешься».

От редакции. В ближайших номерах журнала (начиная с № 7-8), редакция намерена поместить ряд очерков тов. Ушатского под общим заглавием «На переломе нашего быта». В очерках тов. Ушатский затрагивает серьезные вопросы быта и работы просвещенцев. Однако, оценка освещаемых им явлений у него несомненно преувеличена, местами допускается излишняя решительность обобщений.

Все же, несмотря на это, в виду важности освещаемых автором вопросов, редакция, помещая очерки, уверена, что они вызовут обмен мнений на страницах нашего журнала, результатом которого будет как широкое освещение действительного положения, так и выяснение ошибок т. Ушатского и установление правильной точки зрения на эти вопросы.

Очень часто приходится слышать насмешки и иронические замечания по адресу учительской молодежи. Все ставится им в вину—и отсутствие практического навыка, и техническая их неграмотность, а последнее, надо сознаться, иногда встречается.

В дореволюционный период молодой учитель всегда обращался во всех своих затруднениях к своему старшему близживущему товарищу из соседней школы и всегда получал от него самое теплое отношение и ряд практических советов и указаний. Враждебного разделения не было, и в своем огромном большинстве учительство представляло из себя тесную, дружную, сплоченную семью.

Теперь, повторяю, этого единодушия нет. Вместо него—два лагеря, вместо него—недоброжелательство, а иногда даже и травля. На наших районных конференциях отсутствие такого единодушия особенно бросается в глаза. «Старики» и молодежь держатся друг от друга на большой части в стороне.

Что же отсюда получается?

Получается то, что молодежь, рассчитывавшая на помощь и получившая вместо нее иногда скрытую, а иногда и явную неприязнь, заражается настроением и в свою очередь начинает питать вполне естественно неприязненные чувства к своим старшим товарищам.

Прекрасным образчиком того факта, как «старики» принимают в штыки вновь назначенного молодого учителя, может служить следующая картинка, описанная на страницах «Учительской Газеты»^{*}). В одну из школ на западных железных дорогах, в которой преподаватели представляли из себя «цепь, спаянную из родственных звеньев», назначается учителем только что окончивший педтехникум партиец Мневек. Завинколой Гончаренко это назначение встречает следующей речью на заседании педсовета:

— «К великому сожалению, докладываю, что избавиться от назначения Мневца нам не удалось. Он получил назначение и присутствует на данном собрании. Это тот, в пользу кого у нас будет снижена нагрузка уроками; это тот, кто нам испортил много крови».

Речь, выражаясь мягко, довольно откровенная!

В этой речи заключается целая программа наступательных действий на т. Мневек, и корреспондент задает вполне основательно вопрос: «кто победит—трудно сказать».

Какая-то чертовщина! какой-то заколдованный круг!

Вместо работы, вместо просвещения, все силы культурных работников должны пойти на борьбу между собой.

Самому ядовитому сатирику не выдумать такого положения.

Но это не сатира, это сама жизнь.

К сожалению, приходится констатировать, что приведенный факт является далеко не единственным.

Недавно в Москве закончился процесс о самоубийстве учительницы Барковой.

Вкратце это дело представляется в таком виде^{**}).

Тов. Баркова, окончившая МГУ в 1927 г., получила назначение преподавателем химии в школу II ступени. На ее сомнения, что она не справится с работой, ей была обещана старшим учителем Травьянским помощь. Помощи она не добилась. Травьянский и завинколой Фролов требовали от нее несоответствующей ее силам и знаниям работы и в результате тов. Баркова отравилась цианистым кали, оставив записку на имя матери:

«Подумай, что осталось мне в жизни: все мечты, все надежды исчезли, как мираж. Для вас я была бы обузой, потому что, если бы и нашлась работа,

^{*}) «Учит. Газ.», № 12, за 1928 г.—«Прогнивший улей».

^{**}) «Правда», № 86, за 1928 г.

у меня нехватило бы энергии снова взяться за нее с такой верой в свои силы. Прозабать, а не жить,—я не могу»...

«В тот же день,—говорит дальше корреспонденция,—узнав о смерти Барковой, повесилась ее 22-х летняя сестра Александра, готовившаяся в университет. Их мать заболела нервным расстройством».

Фактические виновники смерти—Фролов и Травьяновский—пустили слух, что «сестры Барковы покончили с собой потому, что не поделили жениха».

В результате «почетная» скамья для Фролова и Травьянского в здании суда, определившего: Травьяновскому 3 года, а Фролову 2 года, а в силу амнистии сократить наполовину.

Но дело не в наказании, а в том, что вследствие бюрократизма, небрежного отношения к молодым силам пресекались две молодые жизни.

Кошмарная история! Дикие, жестокие нравы!

В лучшем случае учительские коллективы, если они не втянуты в ту борьбу, о которой идет речь, играют роль Пилата и являются безучастными зрителями разворачивающихся драм. В этом отношении очень поучительна история утопившейся учительницы Лебедевой*).

«Жизнь мне становится невыносимой,—пишет в своем предсмертном письме тов. Лебедева,—и я решила покончить с жизнью. Я это вам всегда говорила и, наконец, решила... Не знаю, кто меня понимал ли когда, но мне всегда было тяжело... Все скажут—«глупо сделала», но жить для меня становится глупее».

Бестолковая ревизия пьяного инспектора, бюрократизм местных органов народного образования, молчаливое невмешательство педколлектива и месткома—сделали свое дело и убили веру в жизнь у молодой жизнерадостной учительницы.

В результате—прорубь!

Дикие кошмарные нравы!

Приведенные случаи быт в глаза своей эффектностью, своей исключительностью. Но сколько таких случаев ненормального положения учительской молодежи, которые проходят незамеченными в повседневной жизни и на страницы нашей прессы не попадают!

Таких случаев множество. И лишь с открытой недавно кампанией ЦК нашего Союза за оздоровление школьного коллектива теперь начинают появляться в газетах письма молодых учителей, испытывающих на себе все прелести ненормального отношения, а иногда и травмы со стороны старших товарищей. Прочтите письма Меркушевой, Валидовой и вы убедитесь, что эти письма представляют из себя трагический вопль молодой души**).

«Издерганная и огорошенная систематической травлей,—пишет т. Меркушева,—я дошла до того, что жизнь в поселке Большево для меня стала невыносимой. Я три года училась в педтехникуме. Самоубийство у нас считалось позором. И все-таки, несмотря на это и на мою прежнюю жизнерадостность, мысль о самоубийстве стала казаться мне самой обыкновенной мыслью и невольно врзалась в голову. И эта борьба и закулисные интриги со стороны «сильных» действуют так угнетающе, что создается какое-то придавленное безверие».

Ну, разве не дикие нравы?

А, кажется, мы должны были бережно относиться к той молодой учительской гвардии, которая идет нам на смену. Должны были ей помогать своим практическим опытом и совместно выковать новые формы нашего быта. На деле этого нет.

Склока—это самое ужасное зло, раз'едающее наш быт. Его тлетворное влияние слишком очевидно, и ЦК нашего Союза вполне правильно ставит своей ближайшей задачей оздоровление нашего быта вообще, а изжитие склоки в частности.

*) «Учит. Газ.», № 12, за 1928 г.

***) «Учит. Газ.», № 11, 12, 14, за 1928 г.

За время моей продолжительной работы в политпросветучреждениях мне приходилось сталкиваться с самыми разнообразными общественными группами и нигде не наблюдается такого количества склоки, как в учительской среде и особенно там, где есть большие подколлективы. Это явление, конечно, ненормальное. Ведь условия труда и взаимных отношений почти всюду одинаковы, а склока царит только у нас. Оздоровление должно произойти. Как и каким путем приступить к этому оздоровлению—это дело месткомов, методкомиссий и самих подколлективов. Они должны, наконец, вплотную подойти к вопросу о лечении раз'едающей язвы.

Еще несколько слов о ненормальностях в области взаимоотношений среди учительских масс.

До сих пор, к сожалению, не изжита отчужденность, оставшаяся по наследству от дореволюционного времени, между учителями первой и второй ступени. Спайки между теми и другими, кроме принадлежности к одному профсоюзу, нет. Второстепенцы держатся в стороне и относятся свысока к «своей меньшей братии».

«Встала стена,—пишет учитель Б—ский из Бежицы*),—между высоким дипломированным учителем средней школы и «плебеем»—учителем народной школы, выходящем из учительских семинарий, институтов, городских училищ».

Эта отчужденность, это «чванство» второстепенцев было подчеркнуто на пленарном заседании редакции «Просвещение Сибири», происходившем 4-5 апреля. Правда, указывалось на учительское «чванство» по отношению к самому журналу, но оно имеет место и в повседневной жизни самого учительства.

Такая отчужденность ничем оправдываема быть не может и, кроме вреда как для школьного дела, так и в деле единения просвещенцев, не приносит.

Если имеется отчужденность между перво и второстепенцами, то еще хуже обстоит дело в отношениях между учительством массовой школы и школы железнодорожной. Здесь существует определенный антагонизм, основанный на различных материальных положениях. Льготы, получаемые учителями железнодорожных школ, являются камнем преткновения для налаживания нормальных взаимоотношений. И этой ненормальности и розни способствует и сама профсоюзная организация, выделяющая железнодорожных учителей в особую секцию.

Получается полная разобщенность, особенно ощутительно сказывающаяся в деревне. Небольшие подколлективы разбросанных по станциям железнодорожных школ абсолютно не имеют никакой связи с учителями окрестных деревенских школ, да и с другими железнодорожными школами находятся по территориальным причинам не в лучшей связи. Эта разобщенность вряд ли может считаться нормальной. Она глубоко антипедагогична, антиобщественна, и ей надо положить конец. Ведь и так крепкой спайкой наш союз похвалиться не может, а тут мы сами углубляем эту разобщенность через структуру какой-то отдельной профсоюзной секции.

Силошь да рядом от деревенского учителя услышишь затаенную обиду, когда он сравнивает свое положение с положением учителя соседней железнодорожной школы.

«Наши аристократы»,—так окрестил один деревенский учитель своих железнодорожных товарищей, и в этом прозвище, может быть, неуместном, вылилась вся его затаенная обида против своего товарища, находящегося в лучших материальных условиях.

Предвижу, что многие будут негодовать против такого утверждения, что нет такой розни на деле. Но нужно быть откровенным хоть самому с собой и нужно иметь смелость сознаться, что это так, и что рознь есть. Надо эту рознь изжить, а не искусственно раздувать ее, как это делается сейчас, может быть не желая того, нашим профсоюзом и администрацией, выделяющими учителей-железнодорожников в какую-то особую касту, которая в глазах деревенского учителя является «аристократической».

*) «Шаг назад». «Учит. Газ.», № 8, за 1928 год.

Кажется где-то в «верхах» рассматривается этот вопрос, и будто бы предре- шено упразднить железнодорожную «касту». Если это так, то чем скорее это произой- дет, тем будет лучше для школьного и профсоюзного единства.

Есть еще одна брешь в плоскости нашего быта—это то положение, которое занимают учителя нацменовских школ. Учителя, например, немецких школ, жизнь которых мне приходилось наблюдать из года в год, держатся совершенно в стороне от общества учителей русских школ, и последние учитывают это обстоятельство тоже, как своего рода «аристократизм». Конечно, замкнутость немецких учителей нельзя отнести к явлениям положительным, так как бьет по единству нашего просвещенче- ского фронта, и надо полагать, что и на эту отчужденность, как и на обособленность железнодорожников, будет обращено внимание и будут приняты соответствующие воспитательные меры.

Наш обзор в области взаимоотношений в среде просвещенцев был бы неполон, если бы мы обошли молчанием разнь между учителем и политпросветработником.

До сих пор учитель не может привыкнуть к тому, что политпросветчики входят в союз рабпроса. И в таком взгляде виновата обстановка всей работы политпросветчи- ка, который, как об этом часто говорилось на страницах нашего журнала, зачастую является временным гостем нашего союза. Эта «временность» и является главной при- чиной оторванности политпросветчика от общей просвещенческой массы, так как, вследствие их частых перемещений, к ним просто не успевают привыкнуть, они явля- ются «незнакомцами» в нашем союзе, представляют из себя *terra incognita*.

Но есть другая, более худшая сторона, влияющая на развитие здоровых вза- имотношений.

С самого начала ни те, ни другие не сумели понять друг друга и встать друг с другом в нормальные отношения.

Большинство учителей смотрит на политпросветчика, как на недочку, как на человека полуграмотного, стараются третировать его и при случае поиронизировать на его счет. Насколько справедлив такой взгляд—это другой вопрос, и об этом мы будем говорить ниже. Такое ироническое отношение само по себе ни к чему хорошему повести не может, а тут еще прибавляется антагонизм в общественной работе. Учи- тель, более квалифицированный по многим вопросам, в большинстве случаев, игнори- рует работу политпросветчика. С другой стороны, политпросветчик не может обойтись в своей работе без помощи активиста-общественника вообще, а учителя—в частности и потому требует этой работы от учителя на основании чисто моральных побуждений.

Учитель же усмехается частенько в бороду и говорит—«Ты получаешь жало- ванье, ты и поработай, а я посмотрю, что из этого выйдет!».

Само собой, такие предпосылки вызывают раздраженное друг к другу отноше- ние, часто переходящее в настоящую войну, ареной которой делается изба-читальня, а участниками культурные силы деревни, разделившиеся на два лагеря. В результате вся общественная работа замирает, и вместо нее выплывает самая возмутительная склока и бузотерство, целью которых у руководителей является одно желание—«как бы получше подсесть противника».

Мне лично пришлось наблюдать такую ожесточенную войну, продолжавшуюся около года, между избачом и учителем в с. Украинке, Исикульского района. Дело началось с мелких взаимных уколов. Затем борьба была переведена на страницы стен- газеты—в одном номере помещал избач заметку про учителя, а в другом наоборот. В борьбу втянулись ученики, сельсовет, кооперация, борьба перекинулась в районный центр. Для охлаждения обоих противников перевели из Украинки.

Такая ненормальность лежит в антагонизме между учителями и политпросвет- чиками. Не хочу быть пророком, но думаю, что этот антагонизм укоренился настолько сильно, что борьба с ним будет очень трудна; но отсюда, конечно, не следует, что мы должны сидеть сложа руки и давать дальше развиваться антагонизму, наоборот, мы

должны употребить все усилия на создание того единого просвещенческого фронта, который так особенно необходим в деревне. И в этом направлении первый шаг должна сделать местная администрация. Ей следует пересмотреть свою политику по отношению к политпросветработникам, не перебрасывать их пять раз в году с места на место и сделать так, чтобы политпросветчик был бы величиной постоянной, а не переменной.

Могут задать вполне естественный вопрос, как же изжить раз'едающую нас сылку, как искоренить «дикие нравы», подтачивающие наш просвещенческий организм? Кто может это сделать?

Ответ на эти вопросы простой—способов много, было бы только искреннее желание. Сделать же это может и должен местком, которому надо, наконец, повести нигде не ведущуюся воспитательную работу; сделать это может администрация—от завшколой до окрОНО включительно,—только надо отказаться от мертвящего формализма и головотяпства, которое, к сожалению, пустило довольно глубокие корни; сделать это может и обязана инспектура, которой надо отрешиться от высоты своего административного Олимпа и снизить до простого педагогического подхода к учителям; сделать это можем мы сами, а это, пожалуй, важнее всего, если придем к глубокому убеждению о том глубоком вреде, который несет за собой всякая склока.

А. Каторгин.

Некоторые итоги из материалов школьной переписи по Солонешинскому району.

Как будто и не громоздки формуляры переписи, но они дают полную картину о состоянии обследуемого учреждения, а все вместе рисуют положение школьного дела во всем районе. Большая часть работников отнеслась к выполнению переписи весьма внимательно, учитывая то, что от нее будет зависеть многое в развитии дела народного образования.

Пришлось встретить и таких, которых не могли пронять ни статьи в газетах, ни распоряжения, ни личные беседы и посещения. Их мы отнесем к разряду толстехожих. Им заполнялись формуляры небрежно и зачастую без внесения весьма ценных сведений.

Было несколько случаев, когда материалы, вследствие их неполноты, приходилось возвращать.—Ну, и что же? Дополнил и возвращай! Но на деле не всегда оказывалось так. Зав К... школой тов. М... преспокойно положил материалы под сукно, где они и лежали. Пришлось писать письмо, что задержка материалов, имеющих громаднейшее значение, является недопустимым явлением. Т. М..., очевидно, обеспокоенный письмом, вступает в полемику, в которой хочет доказать, что он совершенно прав, а виноваты все остальные.

Другой случай. Зав. М... школой т. Г... 5 января приезжает в район. Ну, думаю, материалы по переписи она наверное привезла. Но, увы... Она их забыла... Обещала прислать завтра. Жду... Жду целую неделю и вдруг получаю. О, ужас... Сколько казусов! По списку в школе значится: мальчиков 29 и девочек 6, а в таблице распределения учащихся по группам насчитывается мальчиков 28, а девочек 7. Чему верить? Дальше в каждой графе и на каждый вопрос—«нет сведений» или просто «нет».

В бюджетных сведениях показано, что учительница получила за 1926-27 уч. год 6 рублей за заведывание и за преподавание 33 р. Трудно узнать, откуда т. Г. взята такая тарификация. Показано, что сторожа не было, в то время как все отличнейшим

образом знают, что сторож был и получил за год 90 руб. Дальше... Поддержание чистоты (уборка, вывоз нечистот...). «Не производится»,—отвечает т. Г. В карточке учащего на вопрос об участии на курсах по переподготовке имеется ответ: «Все время после проведения Октябрьской революции в Сибири». Пришлось срочно выехать и пересоставить все материалы. Действительно, я убедился, что поддержание чистоты в школе не производится. Мое посещение вызвало головные боли у т. Г. Появилась камфора и другие снадобья, которыми т. Г. мочила, натирала голову и принимала в себя. Она долгое время не могла согласиться с тем, что учащихся в 1926-27 уч. году было больше, чем в момент обследования, несмотря на то, что это хорошо известно председателю сельского совета и видно из сведений за минувший год.

Молчит зав. Б... школой т. Т... Считая молчание загадочным, я выехал за получением материалов по переписи. Вхожу в школу. Из-под очков величественно смотрит на меня глаза т. Т., пронизывая с ног до головы, точно человека совершенно незнакомого. Он не знает, откуда я и зачем (до этого случая мы виделись с ним три раза). Пришлось отрекомендоваться.

— Можете ехать обратно. Я завтра пришлю все,—говорит т. Т.

— Нет, я поеду только с материалами по переписи.

— Вы, молодой человек,—продолжает т. Т.,—в моем позднем представлении виноваты сами. Давно бы я вам представил все материалы, но вдруг получаю одну бумажку, потом опять. Меня просто это "нервирует. Много я слышал о вас хорошего, но не думал, что вы способны на такие глупости. Зачем писать? Вы не видели человека, у которого над головой Дамоклов меч? Вот он. Знаете ли, рука не может держать перо, а не только заполнять бланки.

Долго можно было бы слушать словоохотливого т. Т., но я поспешил призвать его к ожидавшей нас работе.

У нас в районе есть учитель, который призывает всех бросить комплексную систему и заняться исключительно обучением счету и письму. В своей карточке на вопрос об участии в работе по выборам вне школы он ответил: «Работаю в деревне три месяца». Подобного ответа ни один из учителей-комплексников не дал на этот вопрос. Он оказался неясным только нашему «предметнику», вздыхающему по старинке. По старинке он действительно вздыхает, и у него в школе введен порядок, при котором учащийся, опоздав хотя бы на 5 минут, отсылается обратно домой. В деревне часов нет, и опоздания бывают. Однажды за опаздывание было отправлено домой 17 чел. Это из 40 чел. учащихся. Приняты меры к устранению этого явления, однако, наш «предметник» отсылку домой считает самым рациональным способом борьбы против опаздываний.

Приведенные выше случаи говорят о некоторой халатности и об отсутствии точного учета в наших школах. Несмотря на трудности в проведении переписи, мы имеем следующую картину по району:

В 1926-27 учебном году в школах района насчитывалось 1075 человек учащихся, из них девочек 289. В 1927-28 учебном году мы имели в школах 1407 чел. учащихся, из них девочек 443 ч. Следовательно, процент охвата детей увеличился и процент девочек по отношению к мальчикам с 36,77 поднялся до 45,95.

В двух школах: Марининской—из 47 чел. учащихся мы видим 21 алтайца и Туратинской—из общего числа 32 уч. 31 киргиз. Эти школы расположены в местах жительства малых народностей, но пользы для них приносят очень немного. Преобладание русских в Марининской школе объясняется тем, что алтайцы, не зная русского языка, идут в школу менее охотно, чем русские. Национальная политика в этой области нами проводится так, как ее не следует проводить. В обеих школах работают русские учителя, не знающие ни одного слова на алтайском или киргизском языке. Учитель не понимает учащихся, а учащиеся его, но, несмотря на это, все же киргизы и калмыки насильственным образом переделываются на русских. **Перепись должна натолкнуть на перевод этих школ на родной язык.**

Вся продукция школ района за 1926-27 уч. год равна 134 человекам. В 1927-28 году отпущено РИК'ом, кроме переподготовки и соцстраха, 19.802 р. 74 к. и вложено в строительство 3024 р. 74 к. Если рассматривать эти данные в разрезе одного года, то каждый окончивший школу обошелся государству в 170 р. 35 к.; если же принять во внимание средства на переподготовку и соцстрах, то эта сумма значительно увеличится.

В прошлом году у нас существовало 18 школ. Правда, в пяти школах были недо-развернуты старшие группы, но и для 13 школ продукция в 134 человека ужасно мала. Необходимо добиваться того, чтобы выбытий из школы, не окончив старшей группы, не было. Это значительно удешевит стоимость обучения отдельного ученика.

с. Солонешное, Бийского окр.

П. Н.

О студенте-общественнике.

Вопрос о том—воспитывается ли у нас студент-общественник, который сможет после окончания ВУЗ'а быть не только хорошим специалистом, но и активным участником социалистического строительства, является, особенно в настоящий период, важным. Тем более это важно по отношению к тем же студентам, которые пойдут после окончания университета в деревню, где им надлежит быть не только узкими специалистами, но и активными переустроителями деревни на коллективных началах.

Несомненно, что в большинстве своем пока что наш студент в массе своей далек от типа идеального общественника, который нам нужен в данный период социалистического строительства. Конечно, чем дальше, тем больше этот недостаток будет изживаться, благодаря улучшению социального состава ВУЗ'ов (хотя и сейчас в этом отношении имеются огромные достижения) и уделению большего внимания действительному воспитанию студента-общественника. Но пока что надо добиваться и в данных условиях максимально возможного в этом деле.

Какие же причины слабого воспитания студента-общественника в настоящих условиях?

Первое—у нас еще много студентов (не говоря, конечно, о тех, которые учатся на рабфаке или раньше в нем учились), которые по своей идеологии скорее похожи на тип старого узкого специалиста; университет для них—только **школа получения своей специальности и только**. Об общественной работе этот тип студента не думает; «моя хата с краю»—таков его принцип. Нечего греха таить, что таких студентов еще порядочно у нас есть, например, на медфаке—в Томске.

Второе—наши общественные организации (профкомячейки ВКП (б) недостаточно втягивают в общественную работу студенчество. Один студент Томского университета выразил эту мысль таким образом: «в общественную работу втягивают очень узкий круг». Наряду с этим у значительной части беспартийного студенчества (я говорю о Томском гос. университете) существует боязнь критики работы своей профорганизации—«не о чем говорить, все заранее согласовано»—рассуждают многие товарищи. Интересный факт: один студент, говоря о том, что у них в университете отсутствует самокритика, привел в противовес этому, расценивая, как положительное явление, бывшую оппозиционную группу в С. Т. И. «Хоть может быть они и не разбирались, слов нет, но многим ерунду порели, а все-таки чувствовалась общественная активность».

Третье—влияние профессуры на студенчество идет только по одной линии: задача—создать узкого специалиста; воспитательное же значение преподавателей общественных наук не велико, тем более следует принять во внимание, что этот состав крайне перегружен работой и работает по совместительству—«на ходу».

На кафедре, кафедра социальной гигиены не пользуется соответствующим влиянием среди студенчества, не может его организовать вокруг себя. А между тем, это чрезвычайно с точки зрения воспитания общественника.

Все эти моменты выдвигают вопрос о необходимости большего внимания общественному воспитанию студенчества, особенно со стороны партийных организаций. Надо больше руководить работой ВУЗ'овских ячеек, организуя вокруг работы последних широкие массы беспартийного студенчества. Надо поднять авторитет профорганизации в ВУЗ'ах, добиваясь ее активной работы по общественному воспитанию студенчества. В то же время необходимо решительно бороться с хвостистскими настроениями боязни самокритики. Следует также поставить вопрос о закреплении постоянных преподавателей общественных дисциплин при ВУЗ'ах (там, где их до сих пор еще нет), работающих исключительно на этой работе.

Некоторое время тому назад была большая опасность того, что студенчество слишком много загружается общественной работой, благодаря чему, академически не успевает. В отношении некоторых товарищей это опасение и сейчас существует (хотя в гораздо меньшей степени). Однако, в отношении еще значительной части студенчества (главным образом, в университете) в настоящий период есть другое опасение, что студенты выйдут из университета только узкими специалистами, но не активными строителями социалистического общества. Этого допустить ни в коей мере нельзя. Поэтому надо принять ряд мер, предотвращающих эту возможность.

Советская страна должна готовить таких специалистов, которые умеют работать «по-новому, по-революционному»; людей, сросшихся с трудовым коллективом, связанных с самыми широкими массами.

1. Щелковск.

К. О. Мосиявич.

О школьном строительстве и планах для школьных зданий.

В последних номерах «Учительской Газеты» затронут вопрос о школьном строительстве. Вопрос очень серьезный и своевременный.

Если темп школьного строительства останется прежним, то ясно, что не только нельзя будет ввести в действие закон о всеобщем обязательном обучении с 1933-34 г., но едва ли к этому сроку мы сможем добиться общедоступности обучения.

Вывод один—надо привлечь к строительству местные средства.

Еще до разрешения в законодательном порядке вопроса о самообложении фактически самообложение кое-где проходило, и население строило и строит школьные здания по своей инициативе, за свои средства и... по своим планам. Есть и такие места, где население очень туго шло навстречу школе, и вопросы о постройке школ населением

От редакции. Вопрос правильной организации школьного строительства в данный период практического осуществления всеобщего обучения приобретает особо серьезное значение, так как только достаточно удовлетворительное его разрешение сможет обеспечить и самое выполнение плана всеобщего обучения.

Учительству прежде всего должна принадлежать организующая роль в этом деле. Поэтому редакция помещая статью т. Мосиявич, высказывает пожелание чтобы практические работники просвещения на страницах журнала поделились своим опытом по организации школьного строительства на местах и тем самым предупредили бы других от промахов и ошибок, указали на оправдавшие себя методы организации общественной инициативы вокруг дела школьного строительства. Что же касается соображения т. Мосиявич о том, что новое школьное строительство в большинстве должно предусматривать и учительскую квартиру, то, по мнению редакции, оно совершенно правильно.

отклонились или же население пыталось в этом вопросе соблюсти изречение: «И овцы сыты и сено цело». Даже в этот учебный сезон, когда усиленно развивалась агитация за самообложение в пользу школ, частенько бывали такие казусы, что население и «овец кормило», и... средств затрачивало некоторую толику, покупая здание под школу в таком виде, как оно есть, независимо от того, удобно это помещение под школу или нет. Иначе говоря, наблюдался формальный подход к делу населения и, в некоторых случаях, руководителей.

Привлекая и изыскивая средства на постройку школ, необходимо помнить, что режим экономии здесь сугубо уместен. Семь раз нужно примерить и потом уже решить. Собранные от населения средства нужно использовать так, чтобы оно потом само увидело, что они пошли на хорошее дело, а для улучшения этого хорошего население потом уже средств не пожалеет. Вот плохо будет только тогда, если мы уьем средства на ненужную или неудобную вещь и снова обратимся за ними на тот же предмет, тут ясно уж «не отломится».

Методов привлечения средств на школьное строительство много. Небольшой опыт работы в этом направлении кое-где уже имеется. Одним из методов, применявшихся в Поломошинском районе, был метод соревнования или метод поощрения. История его такова:

Началом строительной кампании в этом районе надо считать 1923 год, когда в с. Кулаково граждане, невзирая на очень тяжелые последствия голода и свои средства, собрали руководителю постройки 130 пудов хлеба разных культур (в том числе гречиха, просо и... картофель). По тому времени—это колоссальнейшая сумма. Участвуя личным трудом, крестьяне заново перестроили поповский дом на школу с таким расчетом, чтобы иметь две классных комнаты, зал со сценой (он же и раздевальня) и библиотеку-читальню. Под квартиру учащему приспособили другой коммунальный дом, в котором помещалась до этого школа.

Этот, можно сказать, подвиг гр-н с. Кулаково благотворно повлиял на две соседние деревни: Саламатово и Иткару, которые тоже на свои средства к 1925 году выстроили весьма приличные по кубатуре и плановому расположению школьные помещения (даже с квартирами для учащихся).

С. Красное, бывшее волостное село, богатое, хлебное. В поскотине—кедровая роща, дающая доходу до 2000 руб. в год.

Красносельцы около сорока лет имеют школу. Школьного помещения нет. При совласти несколько раз собирались строить школу, даже часть денег собрали, но все как-то недосуг...

Работники с. Кулаково нарочно пригласили красносельцев на открытие своей школы.

Задумались красносельцы, зашевелились. Не успели саламатовцы и иткарцы закончить постройку своих зданий, как красносельцы заложили каменный фундамент для дома, купленного в гор. Тайге под школу.

К Октябрьской годовщине 1925 года в с. Красном красовалась «почти гимназия», как называли красносельцы свою двухкомплектную школу.

С 1926 года школьное строительство в районе вошло в систему. Намечены были пункты постройки, намечен план-минимум здания под школу, строящуюся на местные средства, намечен способ привлечения средств: сбор пожертвований и самообложение, принимаемое не сельскими обществами, а «обществами содействия школе», в которые обыкновенно входило целиком все население деревни; была намечена и форма участия РИК'а средствами по смете в постройке таких школ.

Пункты постройки школ самим населением обыкновенно намечались в местах, где ближайшние пять-шесть лет предполагается иметь однокомплектную школу, б. м., с приемом через год.

В таком пункте легче всего сговорить население самим строить школу, т. к. очередь постройки целиком за счет государства до них не скоро дойдет. В таком пункте зда-

ние будет стоить дешевле и технически строить его легче (зачастую без специального технического надзора, при помощи лишь опытных мастеров-плотников); огромная стоимость здания даже в мощном селе как-то действует подавляюще на психологию масс, хотя в небольших деревнях часто население, принимая к раскладке сравнительно небольшую сумму, фактически получает индивидуально большую, чем в крупной деревне, нагрузку, при раскладке довольно большой суммы. В описываемом районе довольно приличные здания (классная комната на 40-50 чел., вполне достаточных размеров коридор, зал и квартира учащему—комната с кухней) обходились в 1200-1800 руб., не считая работ, затраченных населением на перевозку здания и проч.

Сагитировать население легко, особенно в тех пунктах, где предполагено открыть школу и при наличии других кандидатов на открытие школы. Здесь уже появляется соревнование: кто скорее пойдет навстречу мероприятиям РИК'а и согласится строить, там и открывается школа, если это, конечно, не противоречит сетевым предположениям.

В тех же случаях, когда в имеющихся населенных пунктах, при наличии функционирующих школ, нет сносных школьных зданий, инспектуре приходится прорабатывать этот вопрос с активом села, для чего предварительно вопрос изучается и согласовывается с РИК'ом, от имени которого и ведутся официальные переговоры с обществом о постройке школы.

В зависимости от мощности населения, РИК'ом дается денежная помощь от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ суммы, затрачиваемой населением, при этом почти всегда удается сговорить население принять на себя «не в счет» все натуральные повинности по постройке школ.

Стремление некоторых селений отремонтировать имеющиеся неудобные помещения, приходилось с настойчивостью ликвидировать, т. к. это отрицательно отразилось бы на постройке нового здания в этом пункте.

Даже «собственные» помещения школ, приспособленные из бывших хлебозапасных амбаров и проч., выгоднее совершенно не ремонтировать, чтобы не убивать средств и не создавать у населения уверенности, что и в такой школе «работать можно, чего там... мы еще в худших условиях живем...». По крайней мере, в период моей инспекторской работы в Поломошинеком районе на ремонт таких «зданий» РИК'ом не выдано ни копейки.

Обыкновенно весьма удачно, в смысле стоимости, удавалась постройка там, где покупались дома соответствующих размеров, составлялся план будущего помещения под школу и составлялась смета на материал и денежные расходы.

Из хорошего дома выходило приличное здание при соответствующей его перестройке и расширении.

В крупных населенных пунктах целесообразнее вести только подготовительные работы (что и делалось), создавать фонд, подготавливать население, и только, взвесив все данные, можно начинать постройку (лучше всего при участии госсредств). Если будет хорошо поставлена подготовительная работа, то отпускаемые на две школы в районе госсредства можно давать на три и, таким образом, темп строительства и в крупных населенных пунктах усилится.

Теперь необходимо будет остановиться на самом плане для школьного помещения. Много уже упоминалось, что школы строились с квартирой для учащихся.

Правда, типичный план Сибгосстроя (если не ошибаюсь), разосланный по округам, планы, рекомендованные на стр. «Советской Сибири», упоминания о планах школьных зданий на стр. «Учительской Газеты»—довольно четки и не носят следов «роскоши» в отношении школьного работника. Эти планы сулят журавля в небе в виде «потом» отстроенной квартиры для учителя, квартиры-особняка.

В большинстве своем, в подавляющем большинстве, население так и делает—строит «школы», не суля даже «потом» квартиру школьному работнику.

Прежние земства, а в Сибири—переселенческое ведомство—относились несколько иначе к данному вопросу и строили школы обязательно с квартирой для учащего. Были, правда, случаи, когда в современных условиях учащего выдворяли из прекрасной квартиры школьного здания, если эта квартира нужна была для расширения учебной работы школы, были даже и такие случаи, когда на одной районконференции местком пытался провести свое собственное законодательство, чтобы квартирой при школе пользовались только сторожа, но не учащие, все же этот вопрос не мешает обсудить и, б. м., не только на страницах «Просвещения Сибири».

Приведу несколько примеров, как отражаются на рабочей установке учителя его квартирные условия.

Автору этих строк пришлось в 1921-23 г.г. жить «бесплатно» в квартире (комнате) богатого дяди. Платить было нечем, а потому приходилось иногда, вместо своевременного начала занятий в школе, поить и кормить жеребцов доброго дяди, а женской половине исполнять другие хозяйственные работы. Это, правда, несладкое прошлое.

Возьмем кое-что из «серии случаев» настоящего. Д. Яя-Борик, Ижморского района (кетати, только при 6 школах из 21 имеют квартиры для учащихся). Инспектор соцвоса ищет квартиру учителя. В темноте указывают на тускло освещенный большой дом. В сенях темно, но заблудиться нельзя, т. к. в одной стороне, повидимому, за дверью, слышится не то пыхтенье громаднейшего самовара, не то хлопки маленького мотора. Уж не завел ли учитель маленькую динамо...

Оказывается огромный котел паровика на вертикально устроенной железной печи. Рядом корыто и... посуда с «горячей». Сам хозяин «больной» на кровати, а учитель скромненько сидит через комнату от «завода».

На вопросы—один ответ: «у них дом большой, чище, чем у других. Никто не берет на хлеба, хотел семью перевести (за 160 верст), да отдельной квартиры нет».

В д. Яя-Борик только в 27 г. построена на средства населения школа. Чисто, уютно в классе. Свеже выкрашено все, что можно покрасить, но кроме класса, имеется только конура—пристройка 3×4 аршина, где, кроме железной печи, валяется одежда 80 человек учащихся. Класс проветривается только ночью.

Дер. Ивановка (того же района). Учитель с женой занимают самую «большую» и удобную, (малодетная семья) квартиру по количеству воздуха на человека. «Квартира» эта состоит из одной комнаты (4×5 арш.) с железной печью, одинарными окнами. Перед кроватью квашенка и полмешка муки, а рядом... кое-какие принадлежности семейного человека.

Хозяин дома обедает на лавке, т. к. квартиранту-учителю уступил стол, который (стол) отвечает и за кухонный, и за столовый, и за письменный. «Атрибуты» учительской профессии «летают» со стола на окно, на кровать, под стол, а иногда и обратно на стол.

Дер. Б.-Песчанка (район тот же). Учительница семейная: муж, двое детей и нянька для ухода за грудным ребенком.

Квартира размером 5×5 арш., комната—«особняк» с русской печью. Ребенок один ползает (с ним нянька), другой—бегает. Жуткая картина.

Класс (в одном доме с потреблавкой) темный, а главное—холодный, дома заниматься никак нельзя. Нельзя книгу положить на стол—дети лезут, просят, тащат и рвут.

Стол отвечает за все. Книги и бумаги сложены на тех полках, где сибирячки-женщины держат мучное корыто, веселку, лопату...

Мне понадобилась какая-то книга, имеющаяся у данного работника. Тяжело было смотреть, как учительница в течение 10-15 мин. ворошила книги и кухонный скарб в поисках ее. На вопрос о квартире готов ответ: «особняков нет, а с такой семьей в комнате не берут».

Должен оговориться, что довольно большой процент учительства устроился даже с семьей сносно на частных квартирах. Правда, в моей трехлетней инспекторской прак-

тике таких благополучных случаев встречалось немного, но в других районах, возможно, имеются более благоприятные условия.

Здесь, я хочу только привести пока один пример тому, как иногда квартирное благополучие влияет на учителя.

Хороший дом в деревне имеется, в большинстве случаев, у крепкого мужичка, почти у кулачка.

Законов о жилплощади и квартплате в деревне нет. Приходится лавировать. Иногда бывает лавирование и с особым оттенком.

В одну из хлебных деревень Ижморского района приезжает инспектор соцвоса на работу по проведению кампаний.

Проводится подготовительная работа. Обсуждается в частном порядке вопрос о хлебозаготовках и хлебодержателях. Называется фамилия хозяина квартиры учащего. Присутствующий учащий старается уверить членов совещания, что хлеба у хозяина нет, что хозяин все вывез... Может быть, по существу заявление этого товарища и верно, но беда-то в том, что откуда такая тесная спайка интересов учащего и крепкого мужичка, прибегающего к защите советского учителя. В хозяйстве имеются машины, применяется наемный труд. Приличное количество хлеба этот гр-н вывез и сдал хлебозаготовителям, но думается, что просвещенец не ходил с хозяином по его закромам, не выверял хлеб, а если он это делал, то это тоже плохо.

Еще понятно, когда учащий соглашается на такие «мелочи», как не выбрасывать из занимаемой им комнаты иконы, но выступать с категорической защитой кулака— значит попасть под влияние своего хозяина или проявить усердие не по разуму.

В подобных случаях никто и не требовал бы от учащего и обратных сведений, что хлеб, мол, есть. Работа учителя несколько шире и объективнее. Склоняясь же на путь индивидуального обслуживания верхушки деревни, советский учитель может невольно попасть в «межклассовый» прослоек деревни.

Нужно поставить учителя в такие условия работы, чтобы к нему никак не могла быть применима поговорка: «Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет».

Учительство несет и вынуждено нести весьма нелегкие обязанности. Учительство, в полном смысле слова, изнашивается на этой работе. Вполне заслуженное внимание уделяют партия и власть через профсоюз бытовым и служебным условиям учителя.

Долг каждого из нас, непосредственных руководителей работой массового учительства, заявить, что учитель нуждается в хороших квартирных условиях, т. к. основная работа его проходит не только в классе, но и в подготовке к занятиям дома. Наконец, учитель имеет законное право иметь кусочек и личной жизни, семейного отдыха в своей квартире, которая дана ему не кулаком, а советской общественностью и властью.

Хороши, безусловно, разговоры о том, что квартиры будут строиться «отдельно» при зданиях, но это пока благие пожелания.

Необходимо при постройке многокомплектных школ обязательно строить отдельные дома-квартиры для учащихся, одновременно с постройкой зданий собственно школьных. При постройке малокомплектных или однокомплектных школ, квартиры для учащихся можно строить в одном здании со школой, т. к. это удешевит постройку, во-первых, а во-вторых, впоследствии, при расширении школы, можно квартиру приспособить под классы или использовать ее для других учебных целей. К тому времени будет возможность строить и отдельные дома-квартиры.

Неудобства гигиенического порядка легко устранимы путем устройства глухих стен или особых коридоров между школой и квартирой учащего.

Конечно, немаловажную роль имеет и рабочее помещение школы, а потому проработанные уже планы нужно только приветствовать (с поправками, о которых я только что говорил).

Хорошая квартира—стимул удержания работника на одном месте на ряд лет. Гастролеров-учителей станет меньше. Качество работы, несомненно, улучшится.

Д. Чирков.

Верховья реки Томи.

(Очерк Кузнецкой тайги).

Река Томь берет начало в Кузнецком Алатау, на границе Минусинского округа. Верст 50 ниже истока в нее впадает р. Терень-су. Это—большой правый приток Томи, самый верхний,—река очень рыбная, так как в ее сравнительно холодные воды в летнюю пору перекочевывает из Томи много хариуса и тайменей. Шорцы-рыбаки рассказывают, что в водах Терень-су вылавливались раньше таймени до двух пудов весом. Берега этой речки покрыты кедровником; постоянных людских поселений здесь нет; протяжение реки около 100 верст.

Уже верст 40 ниже истока р. Томь делается до 80 саж. шириною; быстрая и порожистая, здесь она особенно быстра,—плывущему в лодке очень приметно, как он скользит, скатывается сверху вниз.

Величавый характер прибрежных гор, среди которых текут светлые воды реки и могучий, нетронутый рукою человека лес подчиняют себе здесь психику человека. Все здесь необычно для жителя других мест. Громадной высоты скалы, целые горы иногда висят над рекой; на них тихо, слушая собственную тишину, стоят сосны, пихты, кедры, ели; шумит, гремит только река на перекатах.

Там, в тайге, свой особый воздух. Когда мы дышим воздухом города или села, мы его не замечаем. Но воздух гор и тайги чувствуется невольно; он полон запахов леса, травы и цветов,—того запаха, вдыхая который, человек сознает, что природа тайги—природа цельная, нетронутая, неизменная усилиями человека,—словом,—первобытная, полная производительной силы; что здесь еще нет человека, коверкающего, разрушающего эту целостность; что воздух этот есть могучее дыхание могучей жизни тайги. Невольно напрашивается сравнение Крыма, Кавказа с Алтаем... Крым... Сколько веков уже и сколько народов и племен эксплуатировали Крым, извлекали из него его соки, его целебные и другие силы? Не дряхлый ли он, иссушенный веками старик, в сравнении с до сих пор юным Алтаем, где на громадные пространства приходится жителей всего два маленьких племени—шорцев и ойротов; где до сих пор добрая половина этих пространств еще не видала человека; где природа еще спит сном полужизни и полудремоты. Я убежден, что такого целебного воздуха не может быть в Крыму. Испытайте это на себе все жаждущие и нуждающиеся в хорошем воздухе. Отправляйтесь в тайгу, в верховья Томи, проживете там лето и в следующий раз вы уже не поедете ни в Крым, ни на Кавказ,—вы не будете нуждаться в них.

Останавливаясь на берегу для обеда или ночлега, вы еще раз убеждаетесь, что жизненная энергия здешней природы действительно велика.

Высокие, сплошные, непроходимые травы, непролазный бурелом, пышные цветы в долинах между гор, давящая вас силой своего развития растительность,—расти-

тельность справа; слева, снизу—под ногами и сверху—с гор,—вся эта обстановка убедительно доказывает вам, что вы находитесь в неограниченной власти этого таежно-го мира.

Тайга зимой.

Скучно и тревожно здесь одинокому человеку. Несмотря на блистающий жизнью яркий солнечный день, жуть и тревога теснят вас в лесу. Что-то неизвестное таится за темными стволами, неизвестное и чуждое сложившемуся в нас миру. Это чуждое угнетает вас, если вы один в тайге, и удивительно, куда девается самонадеянность, самоуверенность человека в этом лесу! Здесь он придавлен и беспомощен пред необъятностью, суровостью и беспощадностью таежной среды.

Но еще тяжелей в лесу ночью. Душный жар дня сменяется прохладой. Вы причаливаете к берегу, вытаскиваете повыше лодку, разводите огонь, чтобы сварить чай или ужин, и располагаетесь на отдых. Сквозь неумолкаемый шум воды вы опять, как днем, чувствуете тишину окружающего леса, прерываемую разве фантастическим уханьем филина; далеко по горам раздается этот крик громадной ночной птицы; вы прислушиваетесь к своеобразной поэзии этих звуков и на минуту забываете о страхе, которым веет от сторожащей вас со всех сторон тайги. Но спокойно стоят темные деревья и только как будто прислушиваются к вашему присутствию и ждут чего-то от вас, выжидательно смотрят на вас—бесстрастно, строго и торжественно. Да, особый, совсем особый мир!

Склоны гор и долины р. Томи и ее притоков густо поросли кедрами, елью и пихтой, стоящими нередко сплошной стеной. Сомкнутые вершины темно-зеленых лесных сообществ почти непроницаемы для лучей солнца; на почве таких лесов почти не растет трава,—часто под деревьями сплошь расстилается мягкий зеленый мховый ковер, сквозь который прорастают голубика и черника. Небольшие лесные поляны поросли высоким, в рост человека, пышно разросшимся аконитом, пучкой, дягилем, пыреем, кипреем; по выступам полуголых скал цепляются кусты жимолости, лепятся широкие белорозовые пятна кошачьей лапки и жестких, белых, блестящих иммортелей.

Стволы унавших деревьев, мелкий сплошной кустарник, густо стоящие деревья, подьемы на горы, поросшие непролазной густой и высокой травой и лесом, камни, мох,

в котором глубоко тонет нога,—все это чрезвычайно затрудняет и утомляет путешественника по тайге; езда же верхом возможна лишь по набитым уже тропам или присыпанным дорогам.

Угрюмый лес не оживляется пением мелких птиц; из промысловых же здесь водятся молчаливый глухарь да в местах, где есть рябина и другие ягоды, с характерным фырканьем крыльев перелетают с дерева на дерево стаи рябчиков. Рябчик—это коренное и обязательное птичье население нашей тайги. К числу постоянных обитателей тайги нужно отнести ронжу, истребительницу кедровых шишек, и пестрого дятла.

Большая хищная скопа также характерна для верховьев Томи, как филин и совы. На высоких сухих деревьях устраивает скопа свои гнезда из ветвей и сучьев и выводит в них птенцов. Из утиных пород нужно отметить крохалея, большую серую утку, отлично бегающую по воде (живет она большими стаями и питается рыбой), го-голя и чирка. Такое птичье население никак нельзя назвать бедным.

Но чем действительно богата тайга бассейна Томи, так это медведем. Здесь—царство медведя. Достаточно пройти две-три версты, чтобы убедиться в присутствии здесь большого количества этого зверя: отпечатки лап на сырой земле, помет и хорошо утопанные тропы говорят за то, что медведя здесь достаточно.

Промысловая избушка в тайге.

Разбуженные весенним теплом, выходят они из зимних берлог; тощие и голодные бродят по горам в поисках за скудной пищей, состоящей из корней трав. Водятся здесь и бурый медведь от аршина до полуторых аршин в высоту и до сажени в длину. Неожиданно встречаясь с человеком, зверь обыкновенно убегает прочь и редкие из них останавливаются, чтобы посмотреть на человека, вероятно, просто из любопытства. Старые экземпляры медведей очень страшны на вид: шерсть на них свисает клоками, кое-где торчат и злые маленькие глаза делают фигуру медведя свирепой; но страшнее всего рев медведей, когда они дерутся или попадают в ловушки. Рев льва, когда мы его слышим в зверинцах, это «благородный» рев, но рев медведя в тайге—это что-то действительно звериное, от чего «подирает за кожей» у слушателя.

Голодная для медведя весна сменяется осенней масленицей, когда поспевают орехи, черемуха, малина, черника. Медведь отъедается на ягодах, делается жирным и жир питает его потом всю долгую зиму, проводимую им в берлоге. Орехи он подбирает или опавшие, или залезает за ними на кедр, с которого нередко обрывается и убивается насмерть.

Из других хищников в нашей тайге водятся: россомаха, выдра, волк, рысь, колонок, лисица, хотя в последнее время этих пушных зверей здесь стало значительно меньше. Из копытных здесь живут: олень-марал и коза. В больших, старых, дуплистых деревьях живут дикие пчелы, которых лет 20 тому назад было так много, что они составляли предмет промысла для здешних татар.

Тайга кишит змеями. Черная и серая гадюка встречается всюду.

Рыбы в самой Томи водятся очень мало; гораздо больше ее имеется в притоках, особенно нижних, напр. в Терсях. Водится щука, хариус, таймень, кус-кус, окунь, елец. Рыба ловится лишь осенью и весной и промыслового значения в данное время уже не имеет.

Если течение Томи от истоков до устья определяют в 700 верст, то от гор. Кузнецка до верховья нужно считать около 300 верст. На этом верхнем протяжении в Томь впадают притоки: слева—Кондома, длиною до 500 в., Мрассу—400 в., Лужба—80 в., Балтае—до 60 в., и Балыксу—25 верст; справа—Абашевка—около 100 в., Тытыяо—до 110 в., Уса—около 160 в., Бель-су—190 в., Казыр-су—80 в., Пейзас—20 в. и Терень-су—около 100 верст.

Очень быстрые и порожистые горные реки эти однако же служат единственными путями, по которым возможно проникнуть в центры Кузнецкой тайги, в ее необитаемые углы и тайны. На лодках, подвигаемых вперед шестами, далеко вверх заплывают рыбаки, охотники, сплавщики леса и золотискатели. Золото найдено было по р. р. Бель-су, Кондоме, Тебе, Мрассу и Балык-су; промывкой его занимались вольные охотники «старатели»; золото небогатое, большее количество его уже взято, а новых месторождений пока не найдено. В прошлом этот район уже дал тысячи пудов золота, и сейчас, несмотря на упадок дела, его добывают почти на всем протяжении р. Томи, в береговых ее отложениях—от верховьев до конца Кузнецкого Алатау, т.-е. до пересечения реки Сиб. жел. дорогой. Жители прибрежных селений весной выезжают на лодках и в размытых весенними водами берегах добывают до 2-3 золотников золота в неделю на рабочего.

Итак, наша тайга, пока что, край не бедный дарами природы: лес—строевой и дровяной, пушнина, дичь (глухарь, рябчик, утки), золото, уголь, железные руды, мрамор, слюда, алмазные конгломераты, цветные глины (между ними—какая-то белая, нежная, может быть, родня китайскому гаоляну-фарфору), лечебные, медоносные и технические растения, орехи, ягоды... Какие крупные и сочные здесь ягоды: малина, смородина, черника! Таких ягод нет уже нигде, кроме лесов тайги.

Но плохо в тайге в ненастную погоду. Дожди, особенно в августе и сентябре, льют по целым неделям; холодно, сыро, мокро; шагу нельзя ступить между стеблей высокой травы и кустарника: целые потоки дождевой воды скатываются с них на вас и вы промокаете до костей при первой попытке двинуться вперед; лучше уж сидеть под мохнатой елью и терпеливо ждать погоды.

Не так разнообразна и многостороння, но тоже своеобразна жизнь тайги зимой. Осень начинается с первых дней сентября; начинаются заморозки по утрам и в ясные солнечные дни здесь есть на что посмотреть: деревья наряжаются в самые разнообразные цвета; береза, тополь, ива, рябина, осина, черемуха—все это пестреет оттенками всех цветов радуги—в контраст с однообразной зеленью пихты и сосны.

Сентябрь—сезон охоты на рябчика и медведя. Но чаще всего в сентябре начинаются дожди, и положение охотника в это время очень незавидно. Охота возможна только в ясные дни.

Дождливая осень—время вообще едва переносимое в тайге. Но вот выпадает снег; снег идет и сегодня, и завтра, и бесконечно,—едва ли не ежедневно всю зиму и покрывает землю пластами до полуторых саж. толщины. Ни ездить, ни ходить по такому снегу, конечно, нельзя, здесь ходят только на лыжах. Несмотря на это неудобство, олени и козы, благодаря устройству копыт, довольно свободно ходят по такому глубокому снегу, но предпочитают передвигаться по натеренным с осени дорожкам. На этих

дорожках, забравшись на дерево, выжидает проходящих оленей или коз кровожадная, огромная кошка наших лесов—рысь.

Бывают зимою и ясные дни. Тогда вы надеваете лыжи, берете винтовку, топор и спешите в тайгу. На пути охотник может напасть на след соболя и идет по нему весь день. К вечеру соболь находит себе дупло для ночевки, входит в это дупло и охотнику остается загородить этот вход взятой для этого сеткой. Если соболь ночует в лежачем дуплистом буреломе под снегом, то охотник расстилает свою сетку над входом, а сам располагается на ночь где-нибудь недалеко, в ожидании утра, когда выходящий соболь запутывается в сетке. Чтобы переночевать зимою в лесу, нужно срубить два-три сухих дерева, сложить их вместе и под ними или между ними разложить огонь. Огонь этот будет гореть всю ночь, будет греть вас, если вы к тому же догадаетесь подложить под себя еловых ветвей, а к утру вокруг вас обтает снег и вы опуститесь вместе с костром до самой земли; в такой яме всю ночь будет тепло.

Добывши соболя (если он не догадается уйти за ночь другим ходом) или подстрелив другую какую-либо дичь, вы чувствуете себя как-будто удовлетворенным в своих скромных охотничьих инстинктах; никаких других следов нигде нет больше и вы идете назад, домой, ориентируясь по солнцу или по ветвям деревьев. Трудно лезть в гору, с горы же вы просто птицей слетаете вниз; необходимо только уметь управлять лыжами, чтобы не залететь на дерево и не расшибиться вдребезги. Профессионалы-охотники (шорцы) уходят в тайгу почти на всю зиму, при чем запасы пищи они укладывают на сани—парты, впрягаются в них сами и на них же вывозят домой свою добычу. В тайге у них имеются иногда промысловые избышки, но чаще ночуют там, где застанет их ночь.

Алтайские горы—очень старые горы, т.-е. весьма древнего образования. Они—отлоги, сплошь заросли лесом; это значит, что они уже долгое время подвергались работе ветра, воды и солнца. Это не Тянь-Шань, например, не голые, крутые скалы его, взобраться на которые не откажутся даже горный баран, живущий среди скал. Наши горы уже сгладились под влиянием тысячелетий; но все же среди них не мало высоких сопок или «гольцов», настолько крупных, что весной с них обваливаются массы снега. Под напором этих снежных лавин ломаются и с корнем вырываются деревья, стоящие на пути снежного потока.

Зимой животная жизнь тайги замирает; нет уже той напряженности в ней, но она все же на виду у наблюдателя; бредет по глубокому снегу черная мохнатая россомаха; на реке хлопочут выдры: они то ныряют под лед в полыньях за рыбой, то выходят на верх за добычей; кое-где пролетит—перепорхнет рябчик, пробежит заяц; всюду видны следы колонка, горноста, ласки, хорька, лисицы, а в марте,—лишь только начнет подталкивать снег,—езде кругом раздается токованье глухарей.

Частенько гуляет в горах метель, но она здесь почти безвредна, не так губительна, как в степи, где она сбивает с дороги путника, обессиливает его, замораживает и хоронит под снегом. Во время бурана в тайге нехолодно, потому что обыкновенно идет снег, а когда идет снег в тайге, то значит тепло. Плотно стоящие деревья умеряют, парализуют разгул бури внизу и она шумит-гуляет только по вершинам. Стоят деревья, качаясь гнутся вершины, но внизу тихо. Кто не бывал в тайге, тот не сможет представить себе бури зимой в лесу: лес весь оживает и живет в эти минуты и часы полной, особого содержания жизнью; я не понимал, конечно, этого содержания; но слушал и слушал: каждая секунда времени, казалось, рождала все новые и новые звуки...

Бассейн р. Томи располагается между двумя горными краями: между Салаирским краем и Кузнецким Алатау. Обе возвышенности идут рядом с юга на север, постепенно понижаются и к Сибирской железной дороге переходят в равнину. Местность эта, как часть края, известного раньше под именем Алтайского горного округа, имеет наклон от ю.-ю.-востока к с.-с.-западу; это наклонение плоскости и определяет течение Томи в указанном направлении.

Салаирские горы, находящиеся в области левого берега Томи, значительно ниже Кузнецких, идущих по правому берегу. Таким образом, юг и юго-восток края представляют местность возвышенную, заполненную отрогами Алтайской горной системы, которые постепенно холмистыми предгорьями переходят к западу и северо-западу в равнины и степи, составляющие восток Арало-Каспийской низменности.

Вершины Кузнецкого Алатау поднимаются выше границы лесов, например, Викторьевский голец или Мус-Таг (ледяная гора), имеющий до 900 саж. высоты. Гольцы левого берега реки Мрассу постоянно окутаны тучами; голец Кломар, на правом берегу р. Кизаз, притока Мрассу, имеет 1038 метров; большой Изыгыш, Бельцы или Поднебесные Зубы (три вершины) в ясную погоду видны из Кузнецка на расстоянии 175 верст. Есть много других вершин, мало или совсем еще никем не обследованных.

Флора тайги также ждет своего исследователя. Здесь много растений, заслуживающих внимания в медицинском, техническом и др. отношениях. В изобилии растут здесь: кипрей—по горам, большими зарослями—отличный медонос; бадан,—чагыр,—камнеломка—дает отличное дубильное вещество; ива—тальник с большим содержанием в коре дубильного вещества,—громатные заросли по берегам всех рек, речек и ручьев; борцаиконит, медицинское (настой клубней в малых дозах); болиголов—очень вредное и очень распространенное ядовитое растение, губит весной много скота; анис—в медицине и в хлебопечении; арника, росьянка, адонис-верналис и др. медицинские растения; донник—дикорастущее, кормовое; крушина, бузина, липа, черника, ревень—медицинские, и множество других трав, может быть и не имеющих никакого значения, а может быть и доставивших бы огромные запасы лекарственных средств.

Немаловажное значение имеет бассейн Томи и в палеонтологии. Весенние воды подмывают берега, происходят обвалы земли и они обнажают довольно часто остатки вымерших животных: зубы и кости слона, рога носорогов и громадных зубров, живших здесь, вероятно, в диллювиальную эпоху. Создаваемый в память десятилетия Октября Кузнецким РИК'ом музей собирает теперь эти ценные находки.

ХРОНИКА

О—ский.

Под знаком самокритики.

В 12 часов дня, в воскресенье, 17 июня, в большом зале Крайисполкома открылось V Краевое совещание по просвещению.

Еще задолго до его открытия вместительный зал и коридор наполняется публикой. Всюду слышатся оживленные разговоры, видны приветливые улыбки. Очевидно, предстоящая напряженная работа никого не страшит.

Заведующие ОНО, слушатели краевых курсов районной инспектуры просвещения, краевых курсов работников нацменьшинств и окружных курсов по подготовке работников просвещения—вот состав участников совещания. Кроме них, много просвещенцев города Новосибирска.

На повестке дня немного вопросов, но эти вопросы необходимо обсудить и решить именно теперь, в конце только что закончившегося старого учебного года и перед началом нового.

Культурная революция и наши задачи, очередные задачи советского просвещения в крае, подготовка к новому учебному году, руководство и содержание работы просветительных учреждений края, очередные задачи экономической работы союза, о пятилетнем перспективном плане по просвещению, о культурном обслуживании переселенцев края, ближайшие задачи просветительной работы среди украинского и белорусского населения Сибирского края—вот темы докладов.

Звонок... Присутствующие занимают места. Смех, говор, гул быстро прекращаются. Совещание объявляется открытым. Без задержек разрешается несколько организационных вопросов, утверждается регламент и повестка дня. По традиции руководство совещанием поручается коллегии Краевого отдела народного образования.

Первое слово по докладу о культурной революции и наших задачах предоставляет члену Бюро Краевого Комитета Партии тов. М. Зайцеву.

Культурная революция, культурно-политическая работа в массах, воспитание подрастающего поколения, подготовка кадров, работа с интеллигенцией—вот круг тех вопросов, на которых тов. Зайцев довольно четко заострил внимание слушателей во время своей большой четырехчасовой речи (доклад тов. Зайцева смотр. в настоящем номере журнала).

Довольно подробно и долго говорили просвещенцы в прениях по вопросам, затронутым тов. Зайцевым.

— Культурная революция возможна при широком и активном участии трудящихся масс в ее проведении. Активность масс необходимо сосредоточить вокруг учреждений ОНО. До сих пор в этом отношении ничего не сделано.

— В общую работу школы не вовлечены школьные самоуправления.

— Не чувствуется ответственности педагогов в своей работе; нет с их стороны должного стремления к повышению своей квалификации.

— Нет достаточного кадра квалифицированных и идеологически выдержанных работников.

— Просвещенец не подготовлен к проведению антирелигиозной пропаганды. Факты говорят за то, что некоторые из учителей ходят в церковь, имеют у себя иконы, служат панихиды и т. п.

— Среди ликвидаторов неграмотности есть абсолютно неграмотные; неграмотность некоторых учителей иногда поразительна.

— Надо обратить внимание на ряд особенностей культурной работы среди нацменнаселения, учесть их и наметить сообразно с этим конкретные мероприятия.

— Необходимо привить молодежи старые революционные традиции, вовлечь ее в работу учреждений по народному образованию, отвлечь от врагов—духовества, торгашей и т. д. В работе ОНО много вялости и неповоротливости; надо побольше практических действий и инициативы в использовании молодежи.

— Изжить халтурные постановки в клубах и избах-читальнях.

— Быть внимательнее к укомплектованию школ повышенного типа заведывающими и учащимися.

— Усилить борьбу с религиозностью просвещенцев, со слабостью их работы на антирелигиозном фронте, с пьянством.

— Поменьше зажимов просвещенцев, гонений, чисток, командований над ними и т. п., побольше руководства, побольше дружеской и доброжелательной критики и самокритики.

— Союзу и ОНО необходимо приблизиться к массам просвещенцев, подвести их к себе; оторванности друг от друга здесь не должно быть.

— Надо научить учителя вести хозяйство школы.

— Обратит внимание на подготовку и переподготовку просвещенцев, уточнить вопрос о рационализации просвещенческого производства.

— Рост политпросветучреждений отстает от роста религиозных общин.

— Изжить частую и ненужную переброску работников.

— Ввести стипендии для учащихся в школах I ступ.—детей бедняков.

— Оживить пионерработу.

— Привлечь общественное внимание к работе школ.

— Больше внимания работе ОДН.

— Рациональнее использовать отпускаемые на дело просвещения средства.

— Школу сделать общедоступной для детей батрачества, бедноты и середняков.

— Усилить участие КСМ в учебно-воспитательной работе.

— Усилить работу среди интеллигенции.

И т. д. и т. д.

V Краевое Собрание по просвещению.

О многом-многом говорили просвещенцы по докладу тов. Зайцева. Ничего не умалчивая, не закрывая теневых сторон работы, они вскрыли целый ряд недостатков, наметили пути к их устранению. И не голыми фразами оперировали просвещенцы в своих выступлениях: многочисленными жизненными фактами они иллюстрировали целый ряд наблюдающихся на местах ненормальностей. Это в значительной степени облегчило работу совещаний и дало ему возможность более четко и верно поставить диагноз, чтобы начать затем лечение заболевших частей в общем здорового и крепкого организма, каковым является советское просвещение в крае.

Прения по докладу т. Зайцева закончены. В дальнейшем совещание заслушивает один за другим четыре доклада: Ал. Гольшева, А. Ансона, Л. Ганжинского и Н. Колмакова.

С напряженным вниманием слушают участники совещания доклад Ал. Гольшева—«Об очередных задачах советского просвещения в крае».

—Цель моего доклада,—говорит т. Гольшев,—в свете общих проблем культурной революции обосновать перед вами те конкретные, но в то же время весьма ответственные задачи политического, культурно-общественного и педагогического свойства, которые встают перед нами на предстоящий 28-29 учебный год.

Прежде чем перейти к обоснованию этих задач т. Гольшев останавливается на двух обстоятельствах: 1) на политической, культурно-общественной и педагогической характеристике истекшего 27-28 уч. г. и 2) на тех особенностях, которые несет за собой предстоящий учебный год.

—Надо отметить три особенности наступающего учебного года,—продолжает т. Гольшев.—Первая особенность—1928-29 уч. год должен являться годом интенсивного развертывания культурной революции не на словах, а на деле; вторая—1928-29 уч. год в Сибири—год завершения первого этапа плана введения всеобщего начального обучения; третья—1928-29 уч. г.—первый год осуществления пятилетнего плана по всем фронтам.

—Трудности на нашем пути в предстоящей работе велики. Коллегия КрайОНО на предстоящий год определяет следующие четыре задачи: 1) борьба за подрастающее поколение и кадры, участвующие в социалистическом строительстве; 2) борьба за кадры социалистической культуры; 3) борьба за бюджет и 4) разработка и борьба за осуществление плана нашего наступления против культурной отсталости, за более интенсивное создание нового в культурной работе.

В дальнейшем тов. Гольшев основную часть своего доклада посвящает характеристике этих четырех задач. Мы не будем подробно останавливаться на содержании всего доклада (все основное из него будет в свое время помещено нами на страницах нашего журнала). Мы отметим здесь лишь одно: развивая указанные нами выше положения, тов. Гольшев подверг свое ведомство жестокой критике. Из личных обследований постановки дела советского просвещения в крае, из обследований инспектуры, из многочисленных замечаний в журнале «Просвещ. Сибири» и писем в редакцию его, тов. Гольшев приводил целый ряд фактов, иллюстрирующих казенное отношение к делу со стороны некоторых аппаратных работников ОНО, провалы на культурном фронте, разгильдяйство, бюрократизм, некультурность, волокиту и т. п.

Кто-то из участников совещания шутиливо определил выступления т. Гольшева и Зайцева, как выступления прокурора. И он был прав. Оба докладчика, намечая пути и установки в дальнейшей работе, неумолимо бичевали все отрицательные явления в области работы по культурному строительству края.

В заключение своего доклада тов. Гольшев останавливает внимание участников совещания на роли печати и в частности на роли общественно-педагогического журнала «Просвещение Сибири» в деле борьбы за культурное строительство в крае.

—«Просвещение Сибири» после пяти лет своей работы, на пороге второго пятилетия, вступает в новый этап, когда из журнала для просвещенцев должен превратиться в журнал самих просвещенцев, где бы выковывалась воля пролетарская, где бы выковывалась энергия и линия дальнейшей борьбы за социалистическое культурное строительство. «Просвещение Сибири» должен стать рабабным колоколом советского культурного строительства с тем, чтобы призывать к борьбе и строительству массы работников просвещения, ободрять

павших духом, расставлять наши силы на едином культурном фронте Сибирского края.

Заканчивает свою речь тов. Голышев призывом:

— Надо, товарищи, начинать работать по-новому, надо начинать работать по-революционному. Решения Пленума Краевого Комитета Партии должны быть изучены и являться настольным материалом каждого практического работника просвещения. По каждому пункту, каждый день в своей повседневной работе не только организаторы, но и практические работники просвещения должны отдавать себе отчет, в какой степени они выполняют работу, и где имеется прорыв. Надо подтянуть слабые участки нашей работы таким образом и для того, чтобы программу решительных действий, предписанных нам партийной организацией, выполнить во что бы то ни стало полностью и своевременно.

— Только приведя прежде всего самих себя в боевую готовность, не ослабляя привлечения внимания широкой пролетарской общественности к вопросам культурного строительства, мы на деле, а не словах, сможем и должны будем доказать партии и рабочему классу, что мы являемся далеко не последним колесом в общей машине социалистического строительства в нашей стране.

Следующим заслушивается доклад тов. А. Ансона—«Руководство и содержание работы просветительных учреждений края».

— Проблема культурной революции и подготовка нового человека нашей эпохи,—говорит т. Ансон,—является одной из главнейших проблем, которые стоят сейчас перед советским просвещением. Успешное разрешение этой проблемы в значительной части зависит оттого, насколько все работники просвещения осознают необходимость претворения ее в жизнь и сумеют сделать это. Вот почему вопросы содержания работы всех просветительных учреждений края приобретают в настоящий момент огромное для всех значение. Привлечь к ним внимание пролетарской общественности, провести самопроверку того, насколько содержание нашей работы отвечает задачам советского просвещения на данном этапе его развития,—вот наша обязанность.

— Каковы же моменты в нашей просветительной работе, на которые нам необходимо обратить в дальнейшем сугубое внимание?—Моменты эти следующие: 1) классовая направленность содержания работы всех просветительных учреждений; 2) вопросы коллективизации; 3) антирелигиозное воспитание и антирелигиозная пропаганда; 4) необходимость значительно большего отражения во всем содержании нашей просветительной работы текущих обще-политических кампаний; 5) необходимость значительного усиления труда, физической культуры и художественного воспитания; 6) необходимость изучения и организованного педагогического влияния на среду; 7) вопросы военизации в школах; 8) вопросы интернационального воспитания; 9) вопросы борьбы с антисемитизмом.

— Каковы же пути и способы для претворения этих моментов в жизнь? Все эти моменты должны получить свое действительное отражение во всех программах, издаваемых учебниках и учебных пособиях, в работе всех курсов и конференций, в работе кустовых объединений районференций, райметодбюро, педагогических и т. п. с тем, чтобы в практической работе просвещенцы и все работающие на культурном фронте могли бы правильно и классово-выдержанно их осуществлять.

Развивая эти основные положения своего доклада, тов. Ансон приводит целый ряд многочисленных примеров тому, как неправильно, неумело, некультурно иногда ведется работа на многих и многих участках культурного фронта. Он отмечает ряд провалов в работе по дошкольному воспитанию, в работе детских домов, в вопросах массового профтехнич. образования, в политпросветработе, в самообразовательной работе в области дачи формальных навыков и знаний и т. п. Он отмечает ненормальные болезненные явления в наших школах повышенного типа (хулиганство; два лагеря—учащих и учащихся; разрыв единого педагогического процесса; подпольные журналы и т. п.), упадок дисциплины, боязнь критики работы. Тов. Ансон указывает на целый ряд мелочей, которые, однако, имеют огромное, колоссальное значение в содержании работы просветительных учреждений. Его критика беспощадна и касается работы не только учреждений, которые, по его словам, в подавляющем большинстве не являются ни в какой мере культурными учреждениями, но и отдельных работников.

В заключение тов. Ансон говорит:

— Надо шире открыть двери наших учреждений и не бояться критики. Это будет служить одним из залогов того, что работа в наших учреждениях будет поставлена гораздо лучше, чем она была поставлена до сих пор.

Бюджетные вопросы также привлекли к себе особенное внимание участников совещания.

— Четвертый пленум Крайкома ВКП(б),— говорит докладчик (зам. зав. КрайОНО тов. Ганжинский),— по вопросу о культурном строительстве в Сибирском крае указал на необходимость обеспечить в дальнейшем больший (сравнительно с другими ведомствами) темп роста бюджета на нужды просвещения. Выполнения задач, намеченных пятилетним планом для 1928-29 уч. г., потребует серьезного увеличения бюджета. Школьная сеть предполагается расширить—с 13.202 комплектов в прошлом году до 15342 в 1928-29 г., сеть изб-читален с 1179 до 1458. Нужно открыть в разных городах Сибирского края 9 курсов по подготовке в ВУЗ'ы. Кроме того, в практику просвещения впервые вводятся массовые курсы: 29 курсов для рабочих и 68—для крестьян. В наступающем учебном году надо провести не менее 14 курсов по подготовке работников просвещения; разрабатывается также вопрос об открытии в Сибири института по усовершенствованию учителей. Поэтому бороться за бюджет просвещения в настоящем году придется упорно, гораздо больше, чем это было в предыдущие годы.

Неоднократно в своей речи тов. Ганжинский приводит выдержки из газет и данных инспекторских обследований о ляпсусах и ненормальностях, допущенных округами в деле заготовки учебников и топлива для школ, в деле нерационального использования отпущенных по бюджету средств и т. п. Обращая внимание на эти недостатки в работе, докладчик выражает уверенность, что они изживутся и перестанут быть «правилом».

Об очередных задачах экономработы союза в крае говорит тов. Н. Колмаков. Указывая на целый ряд наблюдавшихся в этой работе недостатков в истекшие годы, докладчик намечает пути их устранения с тем, чтобы осуществить действительно участие просвещенных масс в деле культурного строительства в крае.

По всем четырем докладом развернулись оживленные прения. Просвещенцы множили число недостатков и теневых сторон в просветительной работе. Каждому хотелось сказать свое, наболевшее. Критика и самокритика работы звучали в речах всех выступавших товарищей. Критиковали самих себя, работников аппарата ОНО, главный штаб просвещения—КрайОНО.

Замалчиваний не было. Всеми было осознано, что только жестокий обстрел своих недостатков поможет в конечном счете исправить и наладить работу.

— Культурная революция требует жертв. Мы, латгалцы, пойдем на эти жертвы. Но и вы зато помогите нам. У нас нет ни учебников, ни литературы на родном языке. Мы отстаем и просим помочь нам.

— В вопросах бюджета надо учитывать каналы расходования средств и проявить большее руководство бюджетными вопросами со стороны краевых организаций.

— Представители союза не являются на заседания и доклады по вопросам просвещения.

— Нужны специальные учителя по л/н.; слабо ликвидируется неграмотность (да и вообще плохо ведется работа) среди женщин и девушек.

— Обратит внимание на школы переростков, подвести под них материальную базу.

— Плохо ведется строительство школьных зданий; до сих пор нет типовой школьной мебели.

— В развертывании школьной сети необходимы и количество, и качество.

— ОНО не были достаточно подготовлены к проведению мероприятий по культурной революции.

— Качество политпросветработы стоит невысоко.

— Нет руководства школами II ступ.; воспитательная работа зачастую упирается в отсутствие школьных зданий и работников.

— Нет конкретных указаний для ведения внешкольной антирелигиозной пропаганды.

— Пора прекратить ненужную и вредную для дела переброску работников.

— Надо усилить методическую помощь детскому движению.

— КрайОНО не должно быть академическим центром; надо учить нас, как исправлять недочеты; надо от слов перейти к делу.

— У массовых работников просвещения нет живой связи с окрОНО; просвещенцы не чувствуют и не имеют от него живого руководства работой.

— Не надо сгущать краски, говоря о городском учительстве. Учителя «сделаны из одного теста», а плохие элементы найдутся и среди сельского учительства. Общественная работа городского просвещенца более тяжела, чем сельского,—и это надо учитывать.

— Мало обращается внимания на санитарное состояние школ.

— Мало обращено внимания на подготовку заведующих ОНО.

— Вместо директив, союз должен давать практические указания в работе.

— ОДН—бюрократический придаток органов народного образования.

— Слабо руководство КрайОНО профтехническим образованием.

— Нет плановости в проведении мероприятий по переподготовке просвещенцев.

В короткой статье нет возможности даже перечислить всех замечаний, вполне справедливых, которые были сделаны выступавшими товарищами в прениях. Одно несомненно, что все эти выступления помогли совещанию в его окончательных решениях по вопросам культурного строительства в крае.

В заключительном слове тов. Голышев высказывает удовлетворение общим тоном и направлением прений.

— Критика необходима, но она может быть полезна лишь тогда, когда мы осознаем свои ошибки. Осознание ошибок должно послужить новым стимулом подъема к творческой работе, к напряжению сил. Критика наша должна быть творческой.

— ОНО должны стать ближе к массам просвещенцев и не командовать, а руководить ими. Ведь зачастую они командуют-то не по своей доброй воле, а от недостатка знаний. Отсюда необходимость всемерно повышать свою квалификацию. Командовать в культурной революции нельзя, как нельзя также и устраивать погромы работников просвещения.

Дальнейшая работа совещания посвящается заслушиванию и обсуждению докладов т. т. Г. Черемных—«О пятилетнем плане по просвещению», В. А. Жданова—«О культурном обслуживании переселенцев края», и Г. И. Итыгина—«Ближайшие задачи просветительной работы среди украинского и белорусского населения Сибирского края».

По каждому из этих докладов совещание вынесло вполне четкие и конкретные решения.

Совещание заканчивает свои работы вечером 21 июня.

Закрывая совещание, тов. Голышев в целом ряде замечаний подытоживает его работу.

— Среди присутствующих,—говорит он,—есть товарищи, которые были на всех краевых совещаниях по просвещению. Они могут засвидетельствовать, насколько настоящее совещание превосходит предыдущие в смысле важности поставленных на нем культурных и политических вопросов. Выявление всех недочетов и недостатков нашей просветительской работы отчетливо прошло красной нитью через все работы совещания. Наше совещание—первое совещание в Сибирском крае, прошедшее под знаком правильной критики краевых, окружных и районных центров. Не надо только успокаиваться на этом. Не надо понимать культурную революцию, как временную кампанию. Самопроверка, самокритика не должны покидать нас ни на одну минуту. Надо всегда помнить, что классовая борьба на нашем фронте более тяжела, чем на других фронтах, а потому нужно быть всегда готовыми к поражению на отдельных участках нашей работы. А отсюда—у нас не должно быть паники. Нужна твердость и уверенность в том, что при единстве воли и действительной победа на культурном фронте будет обеспечена.

Все решения V Краевого совещания по просвещению нашли свое отражение в соответствующих резолюциях. Эти решения в первую очередь необходимо довести до сведения самих широких масс просвещенцев. Сделать это—обязанность каждого участвовавшего в работах совещания.

Деньгин.**Просвещенцы на отдыхе.**

Хорошее начало положено организацией общества туристов в Новосибирске. Результаты налицо. Просвещенский кружок ФК сделал ряд экскурсий вверх по Оби, с заходом в реку Иню, где имеется глухой водный рукав, называемый «Курья». Экскурсии продолжались с субботы (с 7 часов вечера) и до воскресенья (до 8 часов вечера).

дежурные варят в ведре ужин—похлебку,—и так до часу ночи. В час все укладываются на приготовленные места по свистку ответственного распорядителя. Тишина. Дежурство—по 20 минут на каждого. Единственное неудобство—комары дают

Организация и программа экскурсии была такова. Каждый участник берет на себя еду и теплую одежду; собираем по 10-15 коп. с каждого на мясо, лук и прочие приправы. Кухонная посуда и все остальное доставляется кем-либо добровольно. По приезде на место одно лицо—заведывающий хозяйством—забирает все продукты себе и распределяет их на все время отдыха. Работают все просвещенцы. Часть берется за кухню, часть за устройство ночлега; остальные идут за дровами, запасаем их на все время сразу. Через час или полтора готов чай. Пьем. Затягиваются песни... Некоторые уезжают на лодках по Курье, дежурные варят в ведре ужин—похлебку,—и так до часу ночи. В час все укладываются на приготовленные места по свистку ответственного распорядителя. Тишина. Дежурство—по 20 минут на каждого. Единственное неудобство—комары дают о себе знать, и волей неволей в 4 часа приходится давать свисток на подъем. Купанье... затем чай... игра в ручной мяч, вaley-бол... и так до обеда—к 11-12 часам. После—часовой отдых, катанье на лодках, в три часа игра в мяч на воде. Ватер-поло начинается очень спокойно, но затем постепенно участники этой игры входят в азарт. Свисток судьи восстанавливает порядок. Игры идут до 5, после пьем чай и начинаем «смаыватьсья». Коллектив ФК надиво подобрался очень спаянный: ни хулиганства, ни пьянки, ни ругани. Сейчас кружок ФК взял курс на вовлечение в число своих

членов взрослых просвещенцев. Результаты этой работы есть, но они пока еще малы. Вот такой отдых—есть культурный отдых.

г. Новосибирск.

Приговор суда по делу «работников Барнаульского окрОНО».

С 15 по 31 июля Барнаульский окружн. суд разбирал дело о работниках окрОНО и просвет. учрежд. Барнаула, обвиняемых в халатном отношении к работе, дискредитации советской власти, систематическом избииении ребят в детдомах и ряде др. преступлений.

Процесс происходил в большом зале горсовета. В состав суда входили: председатель окр. суда т. Белобородов и заседатели: Степанов и Карпов (рабочие); обвинителями выступали 3 общественных обвинителя; т. Ансон (от краевых организаций), т. Мальцев (от окружных организаций) и т. Гришин (от рабочих); окружной прокурор т. Попов и пом. прокурора т. Чащихин, Защищали подсудимых 3 защитника. В течение 16 дней процесса его посетило до 10 тыс. слушателей.

Суд признал виновными б. зав. 1 детдомом Фирсанова, Т. П., б. заведывающего хозяйством 1 детдома Кузнецова, А. А., б. зав. детдомом Польщикова, М. Ф. и б. зав. 8 детдомом Захарова, М. И. в систематическом избииении ребят, а Захарова, кроме того, в понуждении к половой связи воспитанницы детдома и приговорил их: Фирсанова—к 2 год. лишения свободы со строгой изоляцией, Захарова—к 2½ г. лиш. свободы со строгой изоляцией, Польщикова и Кузнецова к 6 мес. условного наказания.

Б. зав. школой им. Коминтерна Посашев, В. Н. и зав. хоз. этой школы Юрьев, В. А. признаны виновными в небрежном отношении к своим обязанностям (неприход имуществв, безучастное отношение к положению живших в интернате ребят) и приговорены: Посашев к 1 г. лишения свободы и Юрьев к 6 м. лишения свободы.

Б. зав. 6 школ. Смоленский, А. П. за небрежное отношение к своим обязанностям приговорен к 1 году условно (суд принял во внимание его большую квалификацию, как педолога, и загруженность работой, как единственного педолога в городе).

Учащиеся 6 школы: Фукалов, Ивашечкин и Чернявский за систематическое хулиганство и организацию об-ва «ДОР» (долой общественную работу) приговорены к двум месяцам условно.

Б. зав. Барнаульским окрОНО Башкиров, М. Г. и его замест. Кашин, И. Я. за скверный подбор работников в детдома, непринятие решительных мер к прекращению безобразных явлений в детдомах, а Башкиров, кроме того, за неоднократные пьянки при ребятах детдомов и на хлебозаготовках приговорены: Башкиров—к 2 годам лишения свободы, Кашин—к 1 году лишения свободы.

Инспектора окрОНО—Бельков, Т. И., и Попов, П. Ф. за небрежное отношение к своим обязанностям и непринятие мер к изжитию безобразий в детдомах приговорены к 6 мес. лишения свободы.

Оправданы судом: зав. хоз. 6 школы Явцев, пионер-вожатый Брагни и учащиеся 6 школы Русанов.

В процессе судебного следствия выделено для доследования дело о заведывающем 3 детдомом Афанасенко и направлено в СПОН дело об одном несовершеннолетнем учащемся 6 школы.

В КрайОНО

Юбилей Иркутского университета. В ближайшие осенние месяцы с. г. будет праздноваться десятилетний юбилей Иркутского университета. В праздновании юбилея примет участие и КрайОНО. В связи с юбилеем, коллегия КрайОНО постановила просить Сибкрайисполком об отпуске 5.000 рублей на оказание помощи пролетарскому студенчеству и 2.000 рублей на ремонт зданий.

Институт повышения квалификации просвещенцев. В текущем учебном году в Иркутске открывается отделение института повышения квалификации просвещенцев. Крайметодсовету и плановой ин-

спектуре КрайОНО поручено подыскать кандидатуру в качестве зав. отделением, на которого будет возложена вся организационная работа по открытию института.

Педологический кабинет. При Иркутском Государственном Университете с начала учебного года организуется педологический кабинет. Организация его поручена доценту педологии педфака А. Н. Бек.

Курсы по подготовке работников физкультуры. Коллегия КрайОНО постановила:

1. Возбудить ходатайство перед президиумом Крайисполкома об открытии

с 1928-29 уч. г. одногодичных курсов по подготовке работников физкультуры.

2. Признать необходимым содержание курсов отнести за счет КрайОНО, Крайсовета физкультуры, Крайсовпрофа и Крайздрава.

3. Положение о курсах принять и поручить комиссии в составе представителей КрайОНО, Крайсовпрофа, Крайсовета ФК, Крайздрава и ВЛКСМ окончательно проработать учебный план и программу курсов, а также смету на их содержание.

Из газет и журналов

Возмутительное отношение к сельскому учительству. Краевым отделом Народного Образования и Крайпросом выявлен ряд фактов возмутительного отношения к сельским учителям. Боготольский райисполком, Ачинского округа, постановил уволить сразу 16 учителей. Причины увольнения мотивируются постановлением РИК'а так (цитируем дословно): «Учитель Я. и учительница П. находятся в интимной связи. Учитель К. разошелся со своей семьей и женился второй молодостью. Учительница Н. потеряла свою нравственность» и т. д. В том же Боготольском районе один из блюстителей нравственности Х. сам заразил учительницу сифилисом. Она отравилась. Ответработника в наказание перевели продавцом в потреббилку.

В Гутовском районе, Новосибирского округа, из 64 учителей за год уволено, перемещено и оставило работу 60. Причины увольнения, примерно, такие: учительницу У. обвинили в безграмотности и развратном поведении. Обвинения не подтвердились, но, оскорбленная и затравленная учительница не стала ждать оправдания и бежала из района, бросив свои вещи. Супруги Ч. уволены, якобы за систематическое пьянство.

Выезжавшая из Новосибирска комиссия установила неосновательность обвинения и хорошую школьную работу супругов Ч. Председатель месткома просвещенцев, учитель Рукин, уволен, как антисоветский элемент, за то, что возражал против требований начальства отчислять с каждого члена союза 10 проц. зарплаты на ремонт народного дома и по 5 руб.—на покупку пианино. Краевая и местная печать и окружные организации сейчас решительно борются с отдельными случаями самодурства.

Комитет по созданию ВУЗ'а в Новосибирске. На заседании организационной комиссии комитета по созданию в Новосибирске института народного хозяйства обсуждался вопрос о помещении для ВУЗ'а. Комиссия пришла к заключению, что на первое время нужно использовать для размещения ВУЗ'а Дом Госучреждений. По мнению комиссии, он может обеспечить развертывание института в первые два года, хотя и требует значительного внутрен-

него переоборудования и наружного ремонта.

Вопрос о студенческом общежитии пока еще остался открытым. Комиссия ориентировочно утвердила смету расходов, необходимых для содержания рабочего аппарата комитета, для проведения конкурса на лучший проект зданий института. В смете предусмотрено приглашение профессоров и минимальное предварительное оборудование. На все потребности выделено 85.000 руб.

Комитет для организации института образован постановлением Крайисполкома. В него входят председателем тов. Эйхе, заместителем его тов. Голышев, затем, т. т.: Корнев, Стриковский, Черемных, проф. Бушмакин, проф. Киркор и тов. Смирнов. В работе организационной комиссии принимают активное участие представители общества изучения Сибири и ее производительных сил: проф. Тяпкин, Г. А. Краснов, окружной инженер Кюблер, А. Р. Шнейдер и др.

В новом учебном году будет обучено 780.000 неграмотных. Наркомпрос разработал план ликвидации неграмотности в 1928-29 учебном году. Всего предполагается обучить свыше 780 тыс. неграмотных.

Практика работы по ликвидации неграмотности показала, что трехмесячный срок обучения на ликпунктах далеко не достаточен, и в новом году решено ликпункты перевести частично на годичный срок обучения и на сезонную работу. Будет также издаваться специальная газета для малограмотных.

В ВСНХ создается главное управление по втузам. Президиум ВСНХ СССР обсуждал вопрос о практическом осуществлении решения последнего пленума ЦК партии о передаче в ведение ВСНХ ряда втузов и техникумов. Президиум ВСНХ постановил организовать в составе наркомата специальное главное управление по втузам.

Новый главк, помимо непосредственно управления и руководства работой учебных заведений, переданных в ведение ВСНХ, будет также осуществлять активное влияние ВСНХ на работу тех втузов, которые находятся в ведении Наркомпро-

са и которые в значительной мере обслуживают промышленность.

К работе главного управления по втузам предполагается широко привлечь организованный научный и инженерно-технический коллектив промышленности.

В ВУЗ'ы и рабфаки будут подготовлены 400-500 рабочих-горняков. Для подготовки горнорабочих в ВУЗ'ы и рабфаки крайотдел союза горняков ассигновал 4.000 рублей. Из этих средств 1.850 р. переведены на уже организованные курсы по подготовке. Получены сведения о том, что начались занятия на курсах в Ленинске, Анжерке и Черемхово.

Крайотдел союза горняков на ассигнованные средства намеревается подготовить в ВУЗ'ы и рабфаки 400-500 рабочих.

Курсы для колхозных работников. В Ленинграде организуется ряд курсов для низовых работников и руководителей колхозных объединений. При с.-х. институте с нового учебного года открывается специальная кафедра колхозного движения.

Льготы работникам умственного труда, едущим в провинцию. Для привлечения медицинских и ветеринарных работников, специалистов сельского и лесного хозяйства и просвещенцев на работу в провинцию, в частности, в сельские местности, для улучшения материально-бытового положения этих групп работников президиум ВЦИК принял закон, который распространяет на этих работников ряд льгот.

В частности, законом предусмотрено, что все учреждения и организации, которые будут приглашать через посреднические органы НКТруда врачей, агрономов и учителей, должны взять на себя обязательство выплачивать этим работникам суточные за время переезда и дополнительно за шесть дней, а также возместить расходы по переезду. Кроме того, работники, выехавшие в провинцию, получают пособие в размере месячной заработной платы, и в размере одной четвертой этого пособия получает каждый член семьи.

Те работники умственного труда, которые без уважительных причин оставят работу ранее года, должны вернуть полученное ими единовременное пособие.

За работниками этих категорий сохраняется право на жилую площадь в месте

их прежнего жительства в течение 6 месяцев. Это правило не распространяется только на студенческие общежития. Местные исполкомы при постройке новых школ, лечебно-санитарных и других культурно-социальных учреждений должны одновременно предусматривать сооружение специальных помещений под жилье для приглашаемых на работу врачей, учителей, агрономов и т. д.

Все местные учреждения, предприятия и организации, которые будут обращаться в органы труда за присылкой просвещенцев, медицинских и агрономических работников, обязаны указывать условия найма.

Новосибирские кандидаты в Академию Наук. Общество по изучению производительных сил Сибири выдвинуло две кандидатуры во всеобшную Академию Наук: проф. М. А. Усова и проф. П. Н. Крылова.

Проф. М. А. Усов, является также кандидатом и от томского университета. Таким образом, его кандидатура поддерживается двумя научными учреждениями Западной Сибири.

Избрание проф. П. Н. Крылова в кандидаты общества по изучению производительных сил Сибири мотивируется тем, что проф. Крылов проделал колоссальную научную работу.

Проф. Крылов имеет 63 печатных трудов. Он является автором многотомного определителя «Флоры Западной Сибири», лучшим знатоком которой профессор, по справедливости, считается.

Тысячу партийцев—во ВТУЗ'ы. Во исполнение постановления июльского пленума ЦК о посылке тысячи партийцев с партийной, советской и хозяйственной работы в высшие технические учебные заведения, ЦК утвердил согласованный с главпрофобром план разверстки на 1.000 партийцев между парторганизациями и ВТУЗ'ами.

Разверстка предоставляет определенное количество мест каждой парторганизации и в том числе Московской губернии—400 мест, Украине—300, Белоруссии—25 мест, Дальне-Восточн. области и Узбекистану по 15 мест, Туркменистану—три места и так далее.

ЦК согласился с предложением главпрофобра об академических льготах для поступающих во ВТУЗ'ы. Вся работа по приему за счет 1.000 должна быть закончена к 1 сентября.

НАМ ПИШУТ

Классовый враг не дремлет.

Снова убийство... Снова и снова раздаются выстрелы в ряды рабселькоров. Классовый враг неуклонно скашивает самых лучших, самых дорогих нам работников. Чуть не ежедневно газеты сообщают о казнях и убийствах сельских культурных работников. Советская общественность деревни работает под явным или тайным обстрелом врагов. Селькор, учитель, врач, крестьянин-общественник—вот главные мишени, куда направлено центральное внимание наших классовых врагов.

И непрерывный огонь сыплет кулак на головы борцов за революционную деревню. Нередко на удочку кулаков попадает и середнячок, и даже—бедняк.

Нет сомнения, что именно эта артель политических хулиганов сразила недалеко от г. Томска т. Струка. Сельские враги буквально запугивают, терроризируют тех, кто открыто ведет общественную и разоблачительную работу. Работая в деревне учителем, я участвовал в общественной жизни села. С этим не захотели мириться кулаки и подготовленный ими элемент деревни; они явно и тайно кричали, что учитель «не должен вмешиваться в сельские дела», не должен посещать сходы крестьян и дальше своей школы с детьми не показываться. Явно и тайно они угрожали мне, собираясь «проучить» за «преступления». И не раз они предупреждали меня о возможном «несходе».

Случаи убийства учителей (Томск, Красноярск. окр. и др.) не единичны. Их много. Какие же тут причины? Причины масса.

До сих пор у нас еще чрезвычайно слабо развито общественное мнение вокруг вопроса о внимательном отношении к нуждам сельских общественников. Часто и селькор, и учитель, и избач одиноки в своей работе, так как нет общественной заинтересованности в ней. Кроме того, у нас еще имеются огромные прорывы в работе среди крестьян, особенно среди бедноты; зачастую отсутствует спаянность среди многочисленного кадра работников деревни. На месте работы чувствуется разброд. Вот примеры.

Село Н. отличается развитой общественной работой, работники организуют изо дня в день общественное мнение крестьян по всем вопросам, выпускают массовую стенгазету, борются за коллективизацию сельского хозяйства и его коренное переустройство.

Рядом же село К.—вовсе всем этим не занимается. Там есть одинокий избач, который в определенные часы отсиживается в читальне, «на основании инструкции» делает доклад или выпишет газету, а в остальное время занимается «своими делами», пишет отчеты о «проделанной работе». Там же есть учитель, независимо работающий в школе, пекущийся о школьных и своих нуждах, но ничего общего не имеющий с избачом, также как и последний с ним. Селькор же, видя традиции своих собратьев, держится в стороне от них обоих. Напишет заметку в окружную газету о плохих семенах в районной или местной кредитке—и только. Сельсовет дает «общее руководство»... Кооператив обсуждает вопросы «втягивания культурных сил в работу кооперации». Порой и избач, и учитель, и врач не окажутся, если пригласят, участвовать в сельском сходе, на заседании сельсовета и т. д. Но в большинстве случаев бывает так, что наших культурников на аркане приходится втягивать в эти посторонние для них места (д. Тенгумы, Обояновка, Камышенка).

Кулацкая часть деревни враждебно смотрит на общественную работу. Она ярко вставала против организации красного уголка (в поселке Алексеевка); она косо смотрела на выписку газет и т. д. С нескрываемым одобрением кулаки отзываются о тех работниках, которые в стороне от общественной жизни, или, наоборот, втихомолку им подпевают.

Когда учитель ходит в церковь и за ним следуют ученики (а такие факты есть)—получается единение с классовым врагом, крепкое авторитетное единение. Такой учитель—уже «свой человек».

Борьба с классовым врагом должна занять одно из центральных мест.

«Не тешишь, товарищ, мирными днями. Славай добродушие в брак.

Помни, что между нами

Орудует классовый враг».

(Маяковский, В.).

На смерть рабселькора, на выстрелы наступающего классового врага мы, просвещенцы, должны ответить большим сплочением своих рядов на всех участках культурфронта. Пусть убийство т. Струка послужит для нас набатным призывом к организации всех культурников, сел и городов для общего наступления на врагов. Ибо долг путь, велики еще трудности.

Н. Лесен.

пос. Алексеевка,
Томского окр.

Райконференции необходимы.

Зимой у нас, по Ленинскому району, производственные совещания деревенских просвещенцев проходят по кустовым объединениям. Весь район разбит на ряд кустов с количеством школ от 5 до 11.

Кустовые собрания проходят раз в месяц. На повестке дня стоят: методические вопросы, отчетные доклады, выработка рабоч. плана. Проработка в форме докладов. Доклады строятся на методике, связанной с практикой и злободневными вопросами деревенской школы.

При опытном руководителе, который приезжает из меткомиссии, кустовые собрания приносят громадную пользу. Учителя обмениваются опытом, советуются и отчасти знакомятся с новыми течениями в педагогике. Общего плана в работе кустов нет. Это естественно. План выработывается общим собранием куста, сообразуясь с местными условиями и запросами.

Но Ленинская райметодкомиссия перегнула палку в одну сторону. Она решила считать нецелесообразным созывать весенние районные конференции. Кустовые совещания есть, и ладно, чего еще надо!

Драгенинский 1 куст, Ленинского района, считает подобные решения неправильными. Хорошо поделиться опытом работы и с друг. кустами, узнать работу других кустов. Не надо слишком замыкаться. Надо обобщить работу, недостатки и достижения по всему району. Сделать это можно при помощи районных конференций. Это, наверное, знает и методкомиссия. Может быть, это связано с соображениями о денежных расходах, тогда другое дело. Однако, в колдовском (часть III ст. 16 л.) сказано ясно: «РИК обязуется при вызове работ.

на райконференции оплачивать полный проезд и предоставлять питание».

Может быть, это мешает созыву. Этот довод или, вернее, скрытая мысль, если она была, не должна иметь места. На кустовые совещания приезжают без оплаты проезда и без суточных (за последнее время стали лишь оплачивать проезд). И собрания куста проходят при полном сборе.

Большое значение имеет для продуктивности работы правильно выработанная повестка конференции.

На весенних районных конференциях нужно ставить, примерно, следующую повестку:

1. Отчетный доклад опорной школы.
2. Со доклад рядовой школы.
3. Отчет о работе куста (одного из лучших).
4. Разное.

Этой повесткой мы охватим всю школьную работу, ее практику и методику. Необходимо выявить также и самообразовательную работу просвещенцев по кустам. Хорошо также от каждого куста привести работы лучших школ. При такой постановке конференции дадут многое:

А. Сократов,

д. Трескино, Кузнецкого окр.

От редакции. Тов. Сократов в своей заметке пытается дать стандарт повестки районной учительской конференции, полагая, что она удовлетворяет всем производственным требованиям.

Однако, такой универсализм охвата вопросов нас тревожит.

Нужен ли отчет вообще?

В таком отчете, как показывает опыт, говорится обычно обо всем, так как какую-либо сторону работы обойти молчанием считается предосудительным.

В результате чаще всего получается поверхностное перечисление вопросов и безучастность слушателей: у всех, как говорят, «в зубах наваяло».

Думаем, что отчеты надо делать по конкретным вопросам.

Слушаем докладчика, поглядывая на часы.

С наступлением каникул началась полоса созыва районных учительских конференций.

Седутся учителя-массовики в свою райшколу, чтобы разрешить и обменяться опытом и мнениями о проделанной работе, а наряду с тем подытожить работу, выявить недостатки и достижения в ней, тщательно учесть ошибки, дать методические указания в предстоящей работе следующего триместра. Так, на мой взгляд, должна быть поставлена цель созыва конференции.

Теперь посмотрим, как происходит дело в действительности. Предварительно начнем с того, как извещают конференцию. За три дня или накануне конференции по-

лучает учитель извещение—«приезжай на конференцию на такое-то число» (иногда без указания повестки дня). За краткостью времени ознакомиться учителю с содержанием повестки, подумать, прочитать кое-что из литературы по тому или иному вопросу, чтобы быть до некоторой степени в курсе работы конференции, не приходится. А раз это так, то учитель, приехавший на конференцию, обычно слушает доклад, глядя на часы, за неимением таковых, смотрит в окно, и подумывает—скоро ли докладчик кончит свой доклад... Слова докладчика, как поток, льются без конца. И ясно: откуда нам, неподготовленным к вопросу, брать материал для оживленных обсуждений!?

Мы идем на поводу у докладчика, не смея его оспаривать, а отсюда—как докладчик понял, так и осветил вопрос. Только лишь тот, кто способен к диалектике, схватит на лету из доклада кое-что и выскажется. Но таких, про которых говорят, что они «за словом в карман не полезут», немного.

После доклада нужна большая двадцатипунктовая резолюция, меньше нельзя: как-то кажется некрасиво, не все охватывает. А дело и жизнь требуют: пусть резолюция будет кратка, но зато понятна, ясна и реально осуществима.

Заканчивается конференция, часы пролетели, как никогда. Председатель или кто-либо из работников райшколы подводят итоги.

Товарищи! Мы обсудили и, можно сказать, активно проработали восемь таких-то вопросов, и делу конец...

Чтобы наши конференции проходили оживленно, нужно к каждому вопросу быть подготовленным.

Надо отбросить боязнь критики, иногда не дающую товарищам выступить. Пусть выступающий на первое время и мало удачно выскажется. Ничего! Товарищеская поддержка и дальнейший опыт наладят дело. Каждый сумеет вставить свое слово, согласиться или не согласиться с до-

кладчиком, в результате — обсуждаемый вопрос получит всестороннее освещение и правильное решение.

На вопрос о проведении районных конференций нужно обратить внимание прежде всего руководителям их. Практические работники также должны сказать о них свое слово. Только коллективно мы подойдем и правильно наметим пути и способы, как изжить дефекты, наблюдаемые в условиях работы массового просвещения.

К. Скворцов.

Битковский р-н, Новосибирской окр.

От редакции. Тов. Скворцов в своей заметке отмечает безалаберность и неорганизованность, имеющую, к сожалению, место в нашей работе по проведению производственных конференций. Нет сомнения, что необходимо уделять максимум внимания борьбе с этими недостатками.

Однако, пожелания т. Скворцова чрезмерно общи для того, чтобы на основе их можно было сделать какие-то практические выводы.

Нам кажется, что как-раз основной причиной ничтожности и неинтересности конференций является разговор «вообще». Для того, чтобы производственная значимость конференций повысилась, нужно вести речь не о подытоживании работы вообще, а о работе в определенной отрасли с широким предварительным учетом и изучением работы в этом разрезе и, с другой стороны—методически инструктировать на предстоящий год не вообще, а по конкретным наиболее актуальным задачам.

По этим вопросам и было бы необходимо наиболее широко выявление мнения и запросов массового учительства.

Об учителях гастролерах.

В последние годы Сибирь приглашает большое количество работников из-за Урала. Я не буду говорить о качестве этих работников, хотя некоторые из них и заставляют желать много лучшего; они с большим трудом ориентируются в сибирской обстановке вообще и в сибирской деревне в частности. Но, помимо этого, за некоторыми из них водится другое качество, а именно многие из них являются большими гастролерами. Дело обычно происходит таким образом: работник приглашается ОНО или непосредственно через какой-либо педтехникум, или он сам пишет заявление, предлагая свои услуги тому или иному округу. ОНО, нуждаясь, обыкновенно, в начале учебного года в работниках, дает свое согласие и высылает на переезд деньги, примерно, около 100-150 рублей на каждого. К назначенному времени работник является; получает место и начинает работать, но в то же время почти с первого же дня думает об уходе. Наконец, кое-как заканчивает учебный год, получает отпуск и уезжает на родину, но больше уже в этот район не возвращается. Перед началом следующего учебного года он вновь пишет заявление с предложением своих услуг, но уже в какой-либо другой округ и вновь полу-

чает приглашение, проездные деньги и назначение. Далее начинается снова сказка про белого бычка. Такое положение я считаю ненормальным и несомненно очень вредным. Вредным, во-первых, потому, что мы, имея постоянно переменный состав работников просвещения, очень медленно идем по пути улучшения качества работы школ (а ведь это является нашей самой боевой задачей) и, во-вторых, потому, что на приглашение новых работников мы тратим огромные средства, что при большом напряжении нашего бюджета бывает очень тяжело, особенно это нужно сказать в отношении РИК'ов. Я думаю, что КрайОНО следует обратить на это дело самое серьезное внимание и повести решительную борьбу с таким гастролерством. КрайОНО должен дать распоряжение по своей линии, чтобы работникам, работавшим в предшествующий год в Сибири, не высылают деньги на переезд, да и вообще лучше совершенно отказаться от услуг таких гастролеров, о которых я говорил выше, ибо толку от них очень мало. Необходимо оговориться, что настоящим я ни в коем случае не хочу обвинить огульно в гастролерстве всех работников, являющихся к нам из-за Урала. Наоборот, многие из них стали постоянными

и весьма ценными работниками для Сибири, добросовестно относящимися к делу.

Попутно с этим необходимо сказать несколько слов об экспертизе, которая установлена для вновь поступающих работников. Насколько мне удалось установить, к этому делу окрОНО относится как-то недостаточно внимательно. На должности учителей нередко назначаются лица, окончившие лишь семилетку или, в лучшем случае, девятилетку, а также лица, которые работали в школе более трех лет тому назад, притом как те, так и другие без всякой экспертизы. Что же касается экспертизы политпросветработников, то там, кажется, и думать забыли о ней. С одной стороны, мы везде и всюду говорим и пишем о повышении квалификации работников просвещения и, с другой, заполняем кадры просвещенцев лицами, весьма сомнительной квалификации, чтобы не ска-

более. Ведь ни для кого не секрет, что крестьяне нередко просят дать им работника пообразованнее и очень бывают недовольны, когда им пришлют неквалифицированного работника, и часто требуют его смены.

Нужно учесть это положение и надлежащим образом наладить работу экспертных комиссий, да и вообще несколько внимательнее относиться к назначению на работу просвещенцев.

П. Покровский.

Крапивино, Кузнецкого окр.

От редакции. В период осуществления проблемы всеобщего обучения, вопрос о кадрах работников просвещения приобретает особо серьезное значение. Вот почему на подбор их необходимо обратить внимание не только органам ОНО и Союза, но всей просвещенческой массе. Надо заполнять кадры просвещенцев лицами с такой подготовкой, которая гарантировала бы их дальнейший педагогический рост.

О предстоящих районных курсах просвещенцев.

Еще во время весенних каникул мы узнали от нашего пред. МК Рабпроса т. Брылева о том, что весенней конференции не будет и что с 1 сентября будут у нас районные учительские курсы, где должны активно участвовать все просвещенцы района. Продолжительность предполагаемых курсов намечается 3 недели. Это известие большинство учащихся встретило с радостью. Это не то, что конференция, продолжающаяся всегда 7-10 дней, на которой частенько царил скука и вялость. И по правде сказать, конференция мало что нам давала; была спешка, все было рассчитано по строгому регламенту и потому большинство больных вопросов так

и оставалось у нас неразрешенным, неясным. Иное дело—курсы. Здесь будет достаточно времени ближе познакомиться друг с другом, поделиться мнениями о работе и т. д. Курсы должны научить нас полнее и крепче увязывать программы ГУСа с действительностью, претворять их в жизнь. С организационно-хозяйственной стороны препятствий к проведению курсов также не должно быть. Ведь собирались же мы по нескольку раз в год на конференции.

А. Голоушкин.

Усть-Колба, Тисульского р-на, Ачинского округа.

Еще об избачах.

В № 3 «Просвещение Сибири» учительница из дер. Федосеевки, Коларовского района, Томского округа, в статье «Об избачах», отмечая роль избы-читальни на селе, совершенно правильно отметила, что существующая ставка—ставка избача—далеко не стимулирует опытного работника идти на эту работу. Можно также согласиться, что активному избачу не меньше работы, чем учителю, а потому и материально обеспечивать их надо одинаково. Но не везде это так есть. Если сейчас еще слаба квалификация учителя, то очень часто избач не подготовлен не только методически, но у него нет и элементарной общеобразовательной подготовки. Я беру пример с работы Тугальской избы-читальни, Юргинского района, Томского округа. Крестьяне, знакомясь с вновь присланным

избачом т. Сафрыгиным, спрашивают, что он окончил, и получают ответ: «Я учился в пастухах». Не удовлетворяясь работой товарища в дальнейшем, крестьяне говорили: «Таких избачей-пастухов у нас в деревне своих много». Прежде всего, что не понравилось крестьянам—неактивность в обращении с посетителями. Когда надо попросить публику выйти из зала, на что трудно соглашалась последняя, последней фразой в обращении избача было: «Пошли к чорту!». Учительница, писавшая заметку, говорит: «Ведь у избачей и работы по количеству часов (30 недельных) больше и сырее материал для работы» и т. д. Я таких часов в нашей читальне не видел у избача. Он созвал один раз (осенью) совет избы-читальни и предложил такое расписание:

«Понедельник и вторник—занятия общеобразовательного кружка, занимается с членами кружка учитель.

Среда—военный кружок—занимается де-мобилизованный красноармеец.

Четверг — политкружок, коллективная проработка.

Пятница—сельхозкружок, коллективная проработка.

Суббота—репетиция в драматическом кружке».

Как видно, работа у заводов не везде по определенным часам и не даром, когда учитель занимается, а избач только смотрит, как идут занятия, первый видит во втором работодателя. С 1 мая в избаче нет никакой работы, и это до первого снега. Ни о каких видах летней работы избач и не думает. Совет избы-читальни, видимо, «расформирован». Сельхозкружок, занимаясь зимой разговорами, летом ничего практического не предпринял, а когда не было избы-читальни (в прошлом году), кружок производил посевы трав и корнеплодов.

Ну, а о методах работы здесь и говорить не приходится. Они очень элементарны.

Как бы плохо ни разбирались сельские посетители в постановках, однако, совсем отказались посещать платные (по пятачку за вход) спектакли. И вполне понятно: подготовка в 2-3 репетициях, постановка без всякого грима, в случайных костюмах, с плохо подобранными декорациями. Говорить избачу: «Таковыми постановками расхолодишь публику». — «Ничего, не поймут, лишь бы на керосин собрать» (РИК на хозяйстве дает). Спевки, хотя бы на-слух, не проводились, — т. к. «я петь не умею», — говорит избач. В библиотеке—простая выдача и прием книг. Ни рекомендательных списков, ни других видов знакомства с книгой читателя нет. Работа с газетой—обыкновенная читка. Стенгазеты (4 номера за зиму) писались: одна—комсомольцами, одна—ликвидатором, две—учителями.

Этого, я думаю, будет достаточно. Вы, наверное, спросите: «Что же так избач и ничего не делает?».

Работа избача была случайной, а именно: письмо, заявление, дача справок, выдача книг, читка газет (1-2 вечера в неделю). Интересны цифровые данные в письменном отчете: они были очень преувеличены, при чем участие избача на собраниях граждан села тоже учитывалось избачом, как его работа. Например, на собрании обсуждался вопрос самообложения. Избач пишет: «Провел кампанию по самообложению». Это в то время, когда вопрос обсуждался при

участии всего общественного актива и уполномоченного от РИК'а.

Из всего сказанного я делаю такой вывод:

1. Работников избача нужно по зарплате и коммунальным услугам уравнивать с учителем.

2. Избач должен по общеобразовательной подготовке быть наравне с учителем.

3. Помочь избачу поднять свою квалификацию.

4. Снабдить избы-читальню всем необходимым для зимней и летней работы.

5. Уделять больше внимания в освещении практической работы избача, работе советов избача, летней работе в журнале «Просвещение Сибири».

А. А.

С. Тутальское, Юринского района, Томского округа.

От редакции Сельские избачи в большинстве своем малограмотны. Ставки сельских избачей низки. Избачей часто меняют и перебрасывают. Условия работы избачей далеко не благоприятны. Некоторые избачи плохо относятся к своей работе и нетактичны в отношении посетителей. Многие избы-читальни работают без плана, от случая к случаю. Избачи нередко варятся в собственном соку. При многих избы-читальнях нет актива. Советы избача при многих избы-читальнях работают слабо, а при некоторых только числятся на бумаге. Все это верно.

Где же выход из тяжелого положения? Что нужно сделать для улучшения работы избача? Выход из положения есть. Для улучшения работы избача необходимо провести в жизнь ряд мероприятий, отраженных во многих партийных и советских постановлениях. Прежде всего необходимо подобрать лучших избачей, подготовить их и систематически повышать их квалификацию путем заочных курсов, кустовых объединений, райконференций. Прекратить частые переброски избачей с одной работы на другую, из одного села в другое. Ведь наши избачи меняются по 4-5 раз в год, иначе говоря—имеют «мотыльковую стаю». Общими силами всего культурного актива надо создать актив при избы-читальне из бедняков, батраков и лучших середняков. Надо потеснее увязать работу школы и избы-читальни. Разрыв в работе избача и учителя в дальнейшем нетерпим. Необходимо повысить заработную плату избачей до ставки сельского учителя, повысить нормы учебных и хозяйственных расходов избача. Необходимо также улучшить и усилить руководство работой избача и помочь им со стороны райкомкомиссий. В этом году по Сибирскому краю начинают вводиться райинспектура политпросвета. Проведены краевые курсы по переподготовке райинспекторов. Надо всю райинспектуру снабдить необходимыми материалами и организационно увязать работу инспекторов совхоза и политпросвета. Работа избача должна идти по определенному плану, чего до сих пор в большинстве избача не было. КрайОНО выпускает пособие по вопросам планирования работы избача. Ряд важнейших организационных и методических вопросов избача проработали на окружных курсах по переподготовке политпросветработников. Избачальня в своей работе должна быть теснее связана с сельсоветом, ячейками ВКП(б) и ВЛКСМ, со всеми местными организациями и батрацко-бедняцким населением. Вот мероприятия, намеченные в целях улучшения работы избача. Выполнить их можно только при участии в этом деле (вряд ли с крайем и окружными отделами народного образования) всех работников просвещения, партийных и профессиональных организаций и органов советской власти на местах. Редакция считает также необходимым усилить освещение в журнале вопросов методики и практики политико-просветительной работы в крае.

Отклик о Максиме Горьком из глуши.

Мне теперь 36 лет и, следовательно, начало моей сознательной жизни, т.е. время, когда мною была получена способность почти самостоятельно разбираться в прочитанном, совпадает как-раз с моментом высокого подъема общественного самосознания в обстановке старой России, когда один из самых внушительных толчков революции всколыхнул всю общественность и вширь, и вглубь, почти до оснований.

В нас, школьников, пробуждалась тогда естественно жажда к чтению. Заботливое начальство, стремясь не оставить нас и с этой стороны своей опекой, помню, тогда рекомендовало: «Если тебе, паче чаяния, попадает в руки книжечка, у которой наверху обложки помечено: «Максим Горький», то ты, недолго думая, брось эту книжечку за окошко». Такая прямолинейность начальства не могла не привести к тому, чтобы мы не начали после этого употреблять все усилия к немедленному приобретению и жадному прочтению именно книжечек с надписью: «Максим Горький». Книжечки эти, наряду с политическими прокламациями РСДРП, зачитывались влоск, хотя по возрасту большая часть из нас и были тогда еще пионеры.

В дальнейшем, насколько мне известно из многочисленных бесед с людьми, живущими на далеких друг от друга расстояниях, учившимися в разных школах того времени и даже нигде не учившимися,—все наше поколение, устремляясь к приобретению знаний и, развиваясь умственно, в меру представляющейся возможности, так или иначе сталкивалось с Максимом Горьким. Властитель дум трудящегося человечества продолжал вдохновлять и поддерживать магу в ее не-

уклонном стремлении к срыву прогнившего строя и так гениально им предпринятой конечной победе пролетариата. Не один из нас, вероятно, помнит тот подъем духа, который неизменно ощущался после прочтения каждого нового произведения М. Горького, и, если говорить о том, что само по себе такое ощущение подъема есть уже благо, то как же исчислить всю сумму благ, распространенных за тридцать пять лет нашим несравненным, единственным юбиляром?

Но что всего замечательнее, так это то, что не только мы, «пионеры» старого времени, но и теперешний подлинный пионер, а тем более комсомолец с ничуть не меньшим упоением прочтет любое произведение Максима Горького, даже если бы оно попало ему случайно, если бы он и не знал, что автор был соратником, учеником и личным другом великого Ильича.

Я—сельский учитель, и в школе у меня один против другого, на противоположных стенах, находятся портреты этих обоих великих людей, портреты, размером значительно более натуральной величины. И всякий раз, когда смотришь на эти портреты,—с одной стороны—лица пролетариата, с другой—могучего руководителя таковой, то подъем ощущается с новой силой и ярко чувствуется, что есть смысл и жить, и работать в такую эпоху, как наша, когда на одно изучение и жизненное применение духовного наследия и вновь создаваемых художественных сокровищ этих двух великанов мысли и воли нужны года.

П. Шабалин.

Дер. Костенкова, Прокопьевского р-на, Кузнецкого окр.

Рецидив неграмотности.

Широкая сеть учреждений ликбеза дает значительные результаты по ликвидации неграмотности.

Хотя полного охвата по ликвидации еще нет, но в районах уже имеются светлые островки, где нет неграмотных.

На третьем фронте необходимо еще проделать большую работу с рецидивом неграмотности.

Старые школы оставили нам в наследство большой процент таких учеников, которые в данное время теряют даже способность применить свои познания на практике.

Не говоря уже о полном незнакомстве с правилами орфографии и правильным

изложением мысли письменно, встречаются бывшие ученики, могущие лишь с грубыми ошибками читать и писать, при чем о выразительном чтении утрачено всякое понятие.

Таких «калек-учеников» много оставили нам бывшие церк.-приходские школы.

Рецидив неграмотности не устранен у нас и в данное время: за немногим исключением, оканчивающие 3 и 4 группы школы 1 ступени своих знаний не пополняют путем самообразовательной работы и нередко их совсем утрачивают.

Еще в худшем положении являются оканчивающие ликпункты и школы малограмотных.

Краткосрочность занятий на ликпункте дает своим ученикам лишь основные навыки чтения и письма, предоставляя возможность в дальнейшем пополнять свои знания в школе малограмотных и путем самообразования.

Неизбежные пропуски в посещаемости приводят к тому, что программные занятия страдают большой отсталостью, при плохой усвояемости их.

Бытовые условия жизни обучающихся (сельское хозяйство у мужчин, домоводство—у женщин), отсутствие заинтересованности в пополнении полученных первоначальных знаний создают то, что ученики ликбеза также увеличивают число рецидивистов.

Основным способом борьбы с рецидивом неграмотности на местах являются ячейки об-ва «Долой Неграмотность», которые должны углублять свою работу широкой увязкой как с ликпунктом, так и школой малограмотных.

Нельзя останавливаться на полумерах (прием новых членов, получение взносов и т. п.). Каждому члену общества необходимо в первую очередь ликвидировать свою техническую неграмотность и вести индивидуальную обработку по ликвидации неграмотных и малограмотных.

Очень большую роль в ликвидации рецидива неграмотности играют изб-читальни, при которых необходимо организовывать кружки друзей книги и газеты, где в плановом порядке проводить чтение художественных и других произведений, при коллективной разборке прочитанного.

Хорошо, конечно, выделять чтцов из группы окончивших школы I ступени или малограмотных, постепенно втягивая их в чтение.

Необходимо широко развешивать работу и со стенной газетой, привлекая к

этой работе участников кружков, давая таким задания на различные бытовые темы.

Материал, поступающий в стенгазету, надо тщательно обрабатывать, чтобы таковой не страдал орфографическими и другими ошибками и неясностью изложения. На ошибки и недочеты авторам статей и участникам кружков следует указывать.

Часть статей необходимо пересылать для напечатания в окружные газеты. Это заинтересует авторов статей и выдвинет из них новых селькоров. Безусловно, и квалификация избачей не должна быть узко-специальной. Незнакомство избачей с выразительным чтением, плохая их грамотность также способствуют распространению рецидива неграмотности.

Большим злом для изб-читален является полное отсутствие в таковых общедоступной литературы по отделу беллетристики (с крупным и четким шрифтом), крайне необходимой для учеников ликпункта и школы малограмотных.

Продвижение книги и газет в массы проводится у нас очень медленно. На эту работу должно быть уделено особое внимание изб-читален (особенно в зимний период, когда посещаемость их хорошая).

Работу ликпунктов и школ малограмотных необходимо проводить и сохранять в плановом, бюджетном порядке, а не сезонно. Комплектовать ликпункты и школы следует квалифицированными работниками.

Рецидив неграмотности—большое для нас зло, и к ликвидации такового необходимо привлечь широкое внимание политико-просветительных организаций, самодельность населения, общественные и партийные организации на селе.

Ал. Миронов.

Дер. Ново-Бибеево, Нов-сиб. окр.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

А. ГУСЕВА, В. ГУСЕВ, П. СЫЧЕВ.—
«Советская Деревня». Рабочая книга для
сельских школ малограмотных. Под ред.
Д. Бондарева и Т. Торянин. Стр. 323.
Ц. 1 р. 20 к.

Книга предназначается для учащихся
деревенских школ и кружков по ликвида-
ции малограмотности в качестве основно-
го учебника. Она составлена примени-
тельно к новой программе ВЧКлб (дерев-
енский вариант).

В то время, как мы имеем большой вы-
бор книг для работы с детьми в школах
I и II ступени, в области работы с взрос-
лыми малограмотными таких книг почти
нет.

Между тем спрос на такую книгу, в
связи с кампанией по ликвидации негра-
мотности, огромный, при чем он с каждым
годом увеличивается на сотни тысяч. По-
этому создание рабочей книги для ма-
лограмотных является чрезвычайно важ-
ной проблемой. Попытки создания такой
книги были до сих пор неудачны. Выпу-
скаемые для работы с малограмотными
хрестоматии и сборники содержали ма-
териал, не соответствующий уровню их
развития. Обычный недостаток этих хре-
стоматий—переоценка малограмотного,
отсутствие связи помещаемого материа-
ла с количеством и качеством его кон-
кретных представлений.

В то время, как рабочие книги для дет-
ских возрастов строятся на основе учета
психологических особенностей ребенка
книги для малограмотных особенностей
психологии взрослого малограмотного
не учитывают, так как психология взрос-
лого человека изучена значительно мень-
ше, чем ребенка. Как протекает педаго-
гический процесс при обучении взросло-
го, каковы этапы развития его мышления,
каковы особенности восприятия, внима-
ния, памяти, усвоения и закрепления учеб-
ного материала—все это вопросы, кото-
рые ждут своего разрешения.

Отсюда—построение рабочей книги
для взрослого малограмотного на основе
учета его психологических особенностей—
задача очень трудная.

Однако, как ни скромна наш опыт в
этом направлении, мы все же можем по-
ставить ряд требований, которые долж-
ны быть выполнены при составлении ра-
бочей книги для малограмотных. Требо-
вания эти следующие:

Во-первых, рабочая книга для малогра-
мотных должна быть рассчитана на опре-
деленную группу малограмотных как в
отношении своего общего развития, так и
в отношении профессионально-бытовых
и производственных интересов. Материал
для чтения должен опираться на тот за-
пас конкретных представлений и поня-
тий, какой имеется у взрослого ма-
лограмотного.

Опыт работы с малограмотными гово-
рит за то, что мышление взрослого ма-
лограмотного конкретно-образно. Дли-
нные фразы, глубокие умозаключения,
опирающиеся на отвлеченные понятия,
для него недоступны, поэтому язык ма-
териала для чтения должен быть образ-
ным, фразы правильно по троены и крат-
ки, художественная форма изложения
наиболее целесообразна, описательные
статьи должны быть хорошо иллюстри-
рованы. Однако, при выборе художе-
ственного материала необходимо учиты-
вать, что взрослым нравятся больше все-
го те стихотворения, которые написаны
короткими стихами. Поэтому хороши
многие стихи Пушкина, Кольцова, Не-
красова Д. Бедного, но трудны Маяков-
ского.

Во-вторых, рабочая книга должна
иметь весь основной материал, требуе-
мый учебной программой школы, чтобы
не затруднять учителя поисками недо-
стающего материала к тому или другому
вопросу программы. Несомненно, что
этот основной материал должен попол-
няться текущим политическим и местным
материалом, который бы дал возможность
увязать работу школы с вопросами со-
временности и местного хозяйственного
строительства. Это текущий газетный ма-
териал.

В третьих, книга должна иметь доста-
точное количество такого материала, ко-
торый бы мог быть использован для вы-
работки технических навыков чтения,
письма и счета. Среди материала для про-
работки должно быть достаточное коли-
чество заданий по закреплению и углуб-
лению этих навыков.

В четвертых, так как школа малогра-
мотных должна привить учащемуся на-
выки самостоятельной работы по книге,
она должна быть приспособлена для са-
мообразовательной работы, т. е. материал

книги должен быть разбит на темы с заданиями и вопросниками к ним для работы кружков и одиночек.

В пятых, книга должна иметь необходимый справочный материал по вопросам, связанным с программным материалом, например, о важнейших государствах, республиках и областях Союза и т. д.

В шестых, книга должна содержать такой материал, который бы мог оказать учащемуся помощь в его производственной и бытовой обстановке, поднимая его производственную квалификацию. Отсюда, рабочая книга для деревенского малограмотного по своему содержанию должна резко отличаться от рабочей книги для городского рабочего.

Большинство из этих требований в книге «Советская Деревня» выполнено.

Книга содержит весь основной материал для работы по программе ВЧКлб. Правда, хорошо бы было внести в виде справочного материала сведения о наших республиках и областях, а также главных капиталистических государствах, что необходимо для ориентировки в текущем газетном политическом материале. Особенно необходимо внести географический материал: как работать с картой, некоторые сведения о земле и т. д., которыми очень интересуются учащиеся.

Материал для чтения подобран применительно к запасу представлений и запросам деревенского малограмотного. Статьи беллетристического характера. Написаны просто. Небольшие по величине и легкие по содержанию. К сожалению, мало стихов. Некоторые стихи, как «За работу», «Многополье», «Трехполье—чума», «Война», «Машинное хозяйство», «Почему мы бедны»,—агитки, однообразны и скучны. Другие, как: «Две жизни», «Думы кустарки», «Электричка», «Плечо к плечу»,—трудны. Первые три по форме стиха, последние две—по обилию трудных для малограмотного оборотов речи и образов.

Большое внимание в книге уделяется материалу, необходимому для выработки орфографических и математических навыков.

В книге много диаграмм и таблиц. В конце книги помещены красочные карты европейской и азиатской частей Союза, а также карта Европы и земного шара.

В приложении имеется орфографический словарь и словарь непонятных слов и образцы деловых бумаг.

Наконец, в книге отводится большое место вопросам и заданиям, поэтому она с успехом может быть использована для самообразовательной работы.

Необходимо в дополнение к ней издать методическую разработку программы «Пров. Сиб.» № 7-8.

школ малограмотных, приспособленную для самообразовательной работы.

«Советская Деревня» является большим шагом вперед в деле создания рабочей книги для малограмотных.

В. П.

И. С. МИХЕЕВ.—«Первая книга для обучения русскому языку в школах нацмен». Изд. ТаГГИЗ'а. Казань, 1927 г. 1—186 стр. Цена 1 рубль. Тираж 10.000.

Нацменовские школы 1 ступени, имея одну общую с русскими школами программу ГУС'а, разнятся от них тем, что имеют не 4 года обучения, а пять. Этот лишний пятый год является необходимою для них потому, что изучение обще-государственного русского языка отнимает у школы время, по своей продолжительности равняющееся одному учебному году.

Книга Михеева предназначена для нацмен, которые не имеют своей письменности, которые научаются читать и писать на своем языке при помощи русской азбуки (таковы, напр., нацмены—чотяки, чуваша, мари, ойротцы и др.).

По содержанию книга разделяется на три части: на отдел русского букваря (стр. 1-73), отдел упражнений по грамматике (стр. 74-112) и отдел материала для чтения (стр. 113-186).

Содержание букваря составляют слова трех категорий: слова, усвоенные на устных разговорных уроках; слова, заимствованные нацменами от русских и употребляющиеся в их языке в искаженном виде (сая—чай, сакыр—сахар и др.); слова, встречающиеся впервые, но введенные в букварь с целью обогащения речи нацмен. Большая часть слов этой категории иллюстрирована. Вообще надо сказать, букварь снабжен большим количеством картинок, доступных детям националам по своему содержанию (см., напр., страницы—22, 25, 26, 27, 28, 36, 51, 62, 63—эти страницы целиком состоят из рисунков, с небольшим количеством текста, исключая другие страницы, где текст занимает большее место, чем картинки). Картинки эти имеют особо важное значение для детей националов, так как последние (дети) крайне не развиты. Одной из задач учителя, поэтому, является задача развивать устную речь учащихся, развивать их умственные способности. Лучшим орудием этой цели служат разговорные уроки, которые ведутся при помощи рисунков. При этом рисунок объединяет разрозненные слова. В построении букваря автор не довольствуется обычными приемами составления букваря,—он берет рассказ, составленный из слов, уже известных из пройденных уроков, вкрапывая сюда возможное количество

слов на изучаемую букву. В письменной затем работе учащиеся выписывают те слова, в которых встречаются новые буквы или звуки. Подобранный метод крайне интересен: он приучает учащихся иметь дело не с отдельными словами, которые усваиваются гораздо легче, а со связной речью, с сочетанием слов. В букварной же части имеется много упражнений на согласование с именами (наш двор, наша улица, наше село) и на производство фамилий, отцств от известных ученикам слов. На страницах 40-41 автором помещен специальный материал для упражнений в выработке правильного русского произношения. Малые народности в произношении очень часто смешивают звуки б-п, з-с, д-т, в-б, г-х и т. п., а потом при письме начинают смешивать и самые буквы.

Автор дает три-четыре строчки слов, в которых встречаются слова с буквами, похожими одна на другую (коза—коса, лиса—Лиза), и рекомендует выписать все слова сначала на одну букву, а потом на другую.

Грамматическая часть содержит 110 упражнений. Читая и списывая эти упражнения, учащиеся знакомятся с наиболее употребительными граммат. формами русского языка. Самые употребительные формы в русском языке—формы родовых слов. Без них невозможно обойтись при его изучении. А так как учащиеся-националов более всего затрудняет словосочетание, то автор рекомендует изучать строй русского предложения, совершенно не касаясь частей речи. Тогда не нужна вся масса грамматических терминов, достаточно ограничиться следующими: роды—мужской, женский, средний; числа—единственное и множественное; предложение—подлежащее, сказуемое, дополнительные слова (с предлогами и без предлогов). Вот и вся грамматическая терминология, которой совершенно достаточно, чтобы научить учащихся и писать, и говорить по-русски. Все остальные термины—имя существительное, прилагательное, глагол и т. п.—в первые годы обучения считаются излишним балластом.

Третья часть—материал для чтения—рассказы и стихи—расположен по временам года с сельско-хозяйственным уклоном. Все рассказы написаны простым, легким, доступным литературным языком. Богатые и художественно составленные иллюстрации к рассказам делают последние еще более понятными и привлекательными. После некоторых рассказов помещены вопросы, которые могут быть использованы для устной передачи содержания и для письменной. Из серии рассказов следует отметить: «Два хозяи-

на—плохой и хороший», стран. 142-144 «Рассказы дяди Вани»—из детской жизни—стран. 145-151, «Глазной отряд», стр. 172-175 (о болезни трахоме), «Рассказы Гриши», стр. 175-186, в которых картинно приводится вся обработка хлеба, начиная с момента приготовления почвы и кончая выпечкой хлеба из новой муки.

Как на достоинство книги, надо указать на то, что в книге даны ударения на все слова, что имеет большое значение для нацмен. К книге приложен своего рода методический справочник для учителя, как пользоваться книгой.

С внешней стороны книга издана очень хорошо. Книгу можно рекомендовать массовой школе, обслуживающей национальные меньшинства.

М. И.

А. И. СУХАРЕВ и В. А. ПУПЫШЕВ.—«Детские поделки в школе и дома». Изд. Сиб. ОДН. Новосибирск. 1928 г. Стр. 72. Цена 75 коп.

Появление в свет книжки А. И. Сухарева и В. А. Пупышева «Детские поделки» сибирякам-просвещенцам и особенно деревенским работникам из них надо всячески приветствовать.

И действительно, все мы знаем, какое чрезвычайно огромное значение имеет политехнический труд в педагогическом процессе советской трудовой школы. А между тем, постановка дела его не во всех школах оказывалась на должной высоте. Особенно плохо было в этом отношении в школах I ступени. Виной этому был целый ряд объективных причин, зачастую не зависящих от добрых намерений учителя,—дать детям возможность удовлетворить свои запросы и потребности в творческой трудовой работе, увязать сообщаемые им знания и навыки с трудовыми процессами.

В недостаточной налаженности занятий по труду в школе большую роль сыграло отсутствие на книжном рынке необходимых для учителя и школы методических руководств и пособий по труду. Не имея опыта, без пособий, руководствуясь лишь общими программными принципами (более детальное оформление содержания и характера трудовых процессов в школе отразилось в программах ГУС'а лишь в 1927 году), просвещенец не умел организовать детский труд в школе, не знал, чем и как заниматься по труду, работал, как «бог на душу положить», «от случая к случаю».

Предлагаемая вниманию читателей книжка т. т. Сухарева и Пупышева восполняет огромный пробел в методической литературе по труду. Она стремится, во-первых, «помочь учителю при минимальных материальных затратах и отсутствии специаль-

ных помещений организовать занятия по труду в школе; во-вторых, дать мотивы для трудовых задач в школе, в связи с учебно-программным материалом, интересами ребят и с соблюдением методической последовательности в расположении этих задач; в третьих, помочь руководителю труда практическими советами и указаниями в оформлении различных трудовых задач.

Книжка составлена применительно к Сибвариантам программ ГУС'а и дает, помимо общих методических указаний, целый ряд практических советов о том, как организовать детский труд в школе, с чего начать работу, в порядке какой трудности вести занятия, какие поделки, из какого материала, каких размеров, какой конструкции могут быть изготовлены детьми и т. п.

Все детские поделки (преимущественно из дерева) рассчитаны авторами на две школьных возрастных детских группы: 8-9 лет (1 и 2 группы) и 10-12 лет (3 и 4 группы), при чем главное и основное внимание в пособии уделено старшим группам.

Сообразно с сезонностью школьных занятий, все работы для детей старшего возраста распределяются авторами по двум периодам: осенне-зимнему и весенне-летнему.

В осенне-зимний период детям рекомендуется изготовить: 1) предметы для оборудования школьной рабочей комнаты: киянка, топориче, дрель, переплетный станок и т. д.; 2) предметы жизненно-необходимого и учебного характера: нож для разрезания книг, полочки, коньки, пенал, ящик для мела, ложки, проекционный фонарь и т. п.; 3) предметы бытового и общественного характера: лесенка, стол, табурет, ночной фонарь, ящик для корреспонденции и т. п.

В весенне-летний период дети из предметов жизненно-необходимого и учебного характера изготавливают: ящик для рассады, носилки, эккер, ватерпас, парник, ботанический грядку и т. п.; из предметов бытового и общественного характера—коляску для детей, челнок для вязания, гвезде для кур, грабли и т. д.

В каждой группе поделки расположены в порядке сложности и трудности их выполнения детьми. Это значительно облегчает работу учителя по выбору нужного материала.

В качестве самостоятельного раздела пособия, авторами выделен особый «Отдел детской техники». В нем даются указания о том, как устроить водяное колесо, пароходы с различного рода двигателями, самолет, аэросани.

В приложении к пособию приводится ряд практических указаний и советов о

точке инструментов, о соединениях дерева, различного рода рецепты и т. п.), а также указывается литература по труду и приводится список инструментов для работ по дереву в рабочей комнате при школе I ступ.

Вот краткое содержание книги. Всего в пособии приведено 76 различного рода детских поделок (в это число не входят поделки для детей 1 и 2 групп). О каждой из них в отдельности сказано коротко (о некоторых даже чересчур), дельно, просто и понятно. Книжка хорошо иллюстрирована. В ней имеется 101 рисунок. Для просвещенца, работающего в школе I ступени, она явится незаменимым пособием. В качестве основного руководства при занятиях по труду с соответствующими группами, она пригодна и для работников детдомов и пионеротрядов.

Хорошо изданной, на приличной бумаге, с большим количеством иллюстраций, книжке т. т. Сухарева и Пупышева мы желаем самого широкого распространения, тем более, что и цена ее—75 коп.—не дорога.

Как пособие по труду для школ I ступ., книга «Детские поделки» допущена Краевым Методическим Советом.

Орловский.

М. А. РЫБНИКОВА.—«Русская литература в вопросах, темах и заданиях» (Вопросник по русской литературе для занятий 7, 8 и 9 групп II ст. и для подтекстников). Изд. 2, кооперат. изд. «Мир». Москва, 1927 г. Стр. 152. Ц. 1 р. 25 к. Тип. 4100.

Книга Рыбниковой—«Русская литература в вопросах, темах и заданиях»—предназначена для преподавателя-словесника и самобразования. Материал ее, обнимающий 7, 8 и 9 гр. II ст., почти совпадает с программным материалом.

Вся книга разбита на две части. В первой части даны вопросы, задачи и планы для изучения 15 писателей XIX в. (Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Островского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Достоевского, Гл. Успенского, В. Гаршина, Короленко, Чехова и Горького); во второй части—для 15 писат. XX в. (Блока, Маяковского, Вс. Иванова, Бабеля, Романова, Сейфуллиной, Неверова, Клюева, Есенина, Д. Белого, Гастева, Казина, Безыменского, Серафимовича, Гладкова).

Преобладающей формой изучения в книге является вопросник.

При исследовательской работе над художественным произведением по системе заданий вопросник является основной частью задания, на основе которого исследуется произведение и добываются те или иные выводы. От той или иной поста-

новки вопросов будет зависеть, как, с какой стороны будет изучено литературное произведение. Не так давно, в период исканий и неустановившегося научного метода и изучения художественной литературы, у нас в школе существовал подход к литературному произведению, как простому отражению жизни, в других случаях, как к психолого-биографическому документу и, наконец, как к простой совокупности приемов («формальный» анализ).

В настоящее время школьное изучение опирается на марксистский социологический метод, изучающий стиль, как органическое единство всех компонентов худож. произведения, выражающее классовую психологию, обусловленную социальной средой. У Рыбниковой «цель вопросов, данных к произведению—восторженный разбор произведения как со стороны тем, так и со стороны формы. Анализ поставлен в связь с социологической обусловленностью автора и его творчества» (стр. 4). В основном эта установка отвечает принципам социологического метода, и автор в той или иной мере старается ее выдержать.

Педагогическая ценность данных вопросов несомненна. Они сразу же обращают внимание учащегося на основное и главное в произведении. Исследуя произведение по такого рода вопросам, учащийся сможет уяснить смысл художественного произведения, его стилистические особенности и социальную значимость.

Вопросы даны не только к отдельным произведениям, но и к творчеству автора в целом. Этот синтез весьма ценен тем, что дает целостное представление о стиле художника.

Для самостоятельного творчества даны задания. Так, например: разработать фабулу в рассказ в драматическую форму; опыт создания пейзажа; темы для иного окончания произведения и др. Даны темы биографического порядка («Тургенев и его мать в отношении к крепостному порядку»), темы критические и литературно-исследовательские («Параллели из Пушкина и Лермонтова»: «Гастев и Горький», «Цемент» и др.). Помимо этого, к изучению каждого писателя указаны возможные экскурсии, литерат. вечера, диспуты.

В основном—книга «Русская литература в вопросах, темах и заданиях»—удачная попытка облегчить работу словесника и по самообразованию, но в некоторых местах она вызывает недоумения, опасения и пожелания.

Так, например, несколько удивляет, почему автор, давая классиков в соответ-

ствии с программами, пропустил Гончарова.

Преобладающей формой изучения художеств. произведения является вопросник. При прямом следовании книге, этот вопросник превращается в шаблонный подход к литературному анализу. А шаблона в изучении художественной литературы следует бояться больше чем где-либо. Здесь необходимо широкое творчество в поисках разнообразия форм литературного анализа и подхода к нему, форм, будящих интерес учащихся, толкающих их к самостоятельному исследованию. В этих целях весьма полезно пользоваться коллективным составлением задания и вопросов к нему, а это коллективное составление будет исходить всегда из того, что художеств. произведения задело, заинтересовало учащихся.

Сами вопросники, данные в книге, порой громоздки. Количество вопросов к отдельным произведениям доходит до 35 и больше.

Такое количество вопросов в лабораторные часы проработано быть не может или проработка будет слишком поверхностна. Задача словесника—учитывать это и пересматривать вопросник.

Следовало бы в дальнейших изданиях дать больше тем для творческих опытов учащихся, т. к. в подборе их словесник испытывает затруднение.

Хорошо, что автор дает указатель литературы по тому или иному вопросу—это позволяет развертывать словеснику подлинно научно-исследовательскую работу.

Было бы полезно, если бы вся книга с ее ценным материалом для лабораторно-исследовательской работы была представлена небольшой статьей методологического характера о марксистском социологическом методе изучения литературы. Эта статья была бы полезна и для занимающегося самообразованием, и для словесника, оторванного от города и соответствующей специальной методологической литературы.

Ив. Париков.

«Художественная литература в оценке русской марксистской критики». Библиографический указатель. Составила Р. С. Мандельштам. Ред. Н. К. Пиксанова. Изд. 4, переработанное. ГИЗ. 1928 г. Ц. 1 р. 75 к.

Нам приходилось уже несколько лет тому назад делать оценку этого интересного задуманного и выполненного указателя. С тех пор книжка Р. С. Мандельштам успела выдержать целых три издания, и теперь перед нами 4, значительно дополненное и переработанное. Из той же брошюры в 16 страниц, на серой бумаге эпохи гражданской войны, без обложки, выработа-

лась книга в 200 с лишним страниц, изящно изданная и включающая около 2000 зарегистрированных библиографических единиц (против 470 номеров первого издания), с рядом подсобных указателей (указатель авторов, тематический указатель, хронологические таблицы).

В первом издании были сообщены данные только о 35 иностранных авторах, в новом издании их уже 500. Для первого издания было проработано 28 журналов, для четвертого—57. Кроме того, включены газетные статьи, статьи из энциклопедических словарей Брокгауза и Эфрона и пр. Ценным приобретением являются также биографические даты критиков-марксистов. Таким образом, новое издание представляется выдающимся по полноте разработанных материалов и абсолютно необходимо, как основное пособие, для каждого словесника. Словеснику-педагогу особенно будет ценен и полезен тематический указатель, где он найдет такие разделы: «народничество и художественная литература», «русский символизм», «между двумя революциями», «приятие наследства и пролетарская культура», «проза эпохи революции», «символизм», «футуризм», «акмеизм» и проч. Словеснику-сибиряку небезынтересно будет узнать о включении также отдела «областная литература», к сожалению, этот отдел представлен недостаточно полно. Приведены не все работы Н. Чужака, отсутствуют статьи В. Я. Зазубрина (из «Сиб. Огней»), речь Л. Троцкого о Сибири и нек. др.

Уже по поводу первого издания мы высказывали сомнение в правильности включения некоторых имен; так, напр., мы указывали на Е. Ляцкого. В настоящем издании он изъят, но для нас, попрежнему, остается сомнительным включение в число марксистских статей работ Вересаева о Толстом и Достоевском.

Хронологическая таблица начинается с 1888 г., годом появления статьи Плеханова об Успенском. Таким образом, русская марксистская критика в текущем году может справить тридцатилетний юбилей. Но, быть может, было бы уместно найти в хронологических таблицах место и для первого русского критика-марксиста, П. Н. Ткачева, работавшего с 1868 г. по 1873 г.

Марк Азадовский.

А. Р. ШНЕЙДЕР и Л. Н. ДОРОВА-ЯДРИНЦЕВА—«Население Сибирского края» («Русские и туземцы»). Сибкрайиздат. Новосибирск, 1928 г. Стр. 112. Ц. 75 коп. Из серии «К изучению Сибири».

В номере 6 нашего журнала тов. П. Винокуров, говоря о книжке Н. Юцовского—«Современная Сибирь», вполне естественно и правильно ставит перед чита-

тели нашего журнала вопрос: «Знаете ли вы Сибирь?». К стыду нашему, надо все же сознаться, что Сибирь мы мало знаем, зачастую имеем о ней ложные представления, знаем иногда понаслышке, в лучшем случае—по старым, доброй памяти, учебникам Пуцковича, Баранова и др. Скучность наших знаний о Сибири в значительной степени объясняется отсутствием дешевой и популярной литературы по сибиреведению. Вот почему с нетерпением ждешь и прочитываешь каждую вновь выходящую брошюру из серии принятых к изданию Сибкрайиздатом книг «К изучению Сибири».

Сейчас перед нами одна из книжек этой серии: А. Р. Шнейдер и Л. Н. Дорова-Ядринцева—«Население Сибирского края». Авторы в этом очерке проделали большую работу. Они собрали воедино и систематизировали все сведения и данные о народностях, населяющих Сибирский край. Сведения эти взяты, по словам составителей, из многочисленных трудов различных авторов, писавших в разное время о населении Сибири, часто из изданий, мало доступных для массового читателя, особенно для читателя сельского.

По содержанию весь очерк распадается на пять отдельных глав: 1) Территория, природные условия и население; 2) Северная (промысловая) зона; 3) Средняя (земледельческая) зона; 4) Южная (скотоводческая) зона; 5) Туземный вопрос в Сибирском крае.

В первой из глав даются сведения о территории, природных условиях и населении не только Сибирского края, но и всей Сибири в ее старых географических и административных границах. Говоря о численности населения, величине территории и т. п., авторы используют метод сравнения и, где нужно, приводят соответствующие таблицы. Это в значительной степени помогает усвоению материала, дает больше наглядности.

В следующих главах (II, III и IV) приводится описание народностей, населяющих Сибирский край. При этом это описание насельников края делается в тесной связи с той хозяйственной, природной и экономической обстановкой, среди которой они живут, для чего весь край делится авторами в этом отношении на три хозяйственные зоны: северную, среднюю и южную. По этим зонам и ведется знакомство читателя с населением страны. Где возможно и необходимо, авторы дробили зоны на более мелкие составляющие их части и по каждой из них в отдельности вели описание населения. Так, описание народностей, населяющих северную зону, ведется отдельно по тундре, лесотундре и северной тайге. Такой прием вносит в вопрос больше четкости и ясности, способствует более детальному усвоению сооб-

щаемых сведений. Надо отметить, что авторы, трактуя тему, не замкнулись в границы только Сибирского края. Ими даны достаточно подробные сведения и о населении других, сопредельных с краем, областей и республик Сибири.

В последней (V) главе авторы знакомят читателя с условиями жизни туземцев до Октябрьской революции, с тем, что сделала и делает для них советская власть в различных областях их хозяйственного и культурного строительства.

В конце брошюры приводится указатель современной литературы вопроса.

В предисловии к книге авторы сами указывают на один крупный недостаток своего очерка. Им нельзя еще было воспользоваться результатами переписей 1926 и 1926-27 г. г., почему сведения о численности туземных народностей Сибири даны ими «примерно и даже в округленных цифрах, на основании различных, наиболее близких к нашему времени, источников». Надо надеяться, что при последующем переиздании книги, авторы исправят этот досадный, не по их вине, большой недостаток своей брошюры.

Написан очерк довольно популярно, читается легко и с большим интересом. Он дает довольно четкую и ясную картину о всем разноплеменном и разнохарактерном составе населения Сибирского края.

Знать Сибирь необходимо каждому, а сибиряку—в первую очередь. Книжка А. Р. Шнейдер и Л. Н. Добровой-Ядринцевой в значительной степени облегчает эту задачу. Вот почему мы горячо рекомендуем брошюру, прежде всего, для широких масс просвещенцев и учащихся школ повышенного типа. Она же принесет большую пользу и начинающим краеведам, а также всем интересующимся нашим отдаленным и малоисследованным еще краем. В библиотеках, избах-читальнях книгу необходимо иметь в нескольких экземплярах.

Орловский.

«**Определитель насекомых**». Под ред. И. Н. Филиппова. Изд. «Новая Деревня», Москва. 1928 г. VIII+1943 стр. 118 рис. с 1414 отдельн. изображениями. Цена в переплете 13 руб.

В составлении этой недавно вышедшей книги принимало участие 25 русских энтомологов, высоко квалифицированных специалистов. Мыслью авторов было составить «элементарный определитель, предназначенный для первоначального ознакомления с насекомыми». В таком виде книга приспособлена, как говорит в предисловии редактор, для запросов «прикладного энтомолога, краеведа, студента, преподавателя и ученика трудовой школы». Определитель этот является первым

оригинальным определителем на русском языке, включающим в себя все отряды насекомых, и должен заменить собою давно уже исчезнувшую с рынка книгу немецких авторов Шлехтендала и Вюнше, по которой учились мы все. Перед последней новый определитель имеет то неоспоримое преимущество, что составлен применительно к русской фауне и составлен очень тщательно, тогда как в русском переводе Шлехтендала-Вюнше было не мало ошибок; но есть в рассматриваемой книге и минусы, которые безусловно затруднят пользование ею. Эти минусы заключаются в значительном усложнении, по сравнению со Шлехтендалем, терминологии. Шлехтендал-Вюнше был удивительно легкой определитель, вполне доступный любому ученику, так что, если бы он был приспособлен к нашей фауне и был освобожден от ошибок, он был бы прекрасным школьным руководством. Я вполне согласен с редактором нового определителя И. Н. Филипповым, что эта книга приспособлена для запросов прикладного энтомолога, краеведа, но думаю, что для большинства студентов она будет очень трудна, а для преподавателя (школы II ст.), и тем более для ученика трудовой школы, за редким исключением, и совершенно недостаточна, по крайней мере, в некоторых своих частях. Для того, чтобы взяться за определение насекомых по этой книге, нужно полюбить насекомых, глубоко заинтересоваться ими, тщательно усвоить всю трудную номенклатуру, иметь бинокулярный микроскоп и очень много свободного времени. Без всех этих условий ничего не получится, и потому я никак не могу согласиться с теми отзывами, которые считают новый определитель необходимой для педагогов книгой. Она необходима для станций защиты растений, для зоологических кабинетов ВУЗ'ов, но школами II и I ступеней применяться не будет. Да и дорога она для них. Как ни жаль, а приходится сказать, что школа и школьный учитель снова остались без определителя насекомых, так как для удовлетворения их потребности к составлению руководства нужно подойти совсем иначе.

Проф. С. Д. Лавров.

ВЕНЕДИКТОВ П. С.—«К вопросу о недостаточной подготовке по русскому яз. учащихся, поступающих в ВУЗ'ы» (по поводу приемных испытаний в Государственном Дальневосточном университете (ГДУ) осенью 1926 г.).

Wenedictoff P. S.—Sur la preparation insuffisante dans la langue Russe des ecoliers entrant aux hautes études.

Труды Государственного Дальневосточного университета. Серия IX, № 1. Владивосток, 1927. Стр. 41.

Вопрос о подготовленности учащихся школ II ст. к работе в высшей школе особенно волнует общественное мнение за последние годы. В 1926 г. в Ленинграде, по инициативе газеты «Ленинградская Правда», был созван митинг с участием профессуры, учителей и широких общественных кругов, специально посвященный этому вопросу. Тревога за судьбу учащихся школ II ст. отразилась не только в митингах и конференциях, но и в ряде статей, помещенных в «Известиях», «Правде», в журналах «Научный Работник», «Народное Просвещение» и др. В этих статьях, напр., Канчеева («Известия» 3 ноября), Абиндера («Народное Просвещение», 1926, VIII) приводятся данные о результатах приемных испытаний в разные высшие учебные заведения РСФСР. В этих статьях отмечается, что приемные испытания в ВУЗ'ы обнаруживают крайне слабую подготовленность окончивших школы II ст. Вопрос о подготовке окончивающих школы II ст. для занятий в высших школах особенно важен сейчас и потому, что с каждым годом количество поступающих из школ II ст. в высшие школы возрастает. Наряду с рабфаками, школы II ст. становятся главным проводящим каналом молодежи в высшие школы.

К сожалению, во всех этих статьях вопрос о слабой подготовленности окончивающих школу II ст. только ставится, приводится кое-какой цифровой материал, примеры безграмотности, иногда крайне курьезные и наивные ответы абитуриентов на экзаменах, но не делается попыток детального анализа причин слабой подготовленности абитуриентов, питомцев школ II ст. Статья С. П. Венедиктова заполняет в этом смысле известный пробел: в ней дается попытка анализа причин, благодаря которым, школы II ст. не справляются с задачей подготовки в ВУЗ'ы. С этой стороны следует горячо приветствовать появление брошюры П. С. Венедиктова. Особенно важно, что автором привлечен в качестве иллюстрации и для анализа местный материал, результаты приемных испытаний в Дальневосточный университет осенью 1926.

Несмотря на то, что приемные испытания в 1927 г. дали повышенные качества поступающих в ВУЗ'ы из школ II ст. (см., напр., данные, опубликованные недавно Абиндером в журнале «Научный Работник», 1927, кн. X), они все же еще далеки от идеала. С этой стороны материал, а особенно выводы автора рецензируемой брошюры, не утратили для школы II ст. интереса и в данное время.

Статья П. С. Венедиктова разбивается на три главы: в первой автор дает анализ письменных работ, поступавших в Дальневосточный университет, и сопоставляет эти данные с данными приемных испытаний в другие ВУЗ'ы. Приемные испытания в Дальневосточный университет дали следующие цифры: из 275 чел., державших испытания, питомцев школы II ст. вполне удовлетворительно выдержало лишь 105 чел., т. е. 38,18%. По русскому языку абитуриентам были даны темы и литературного, и обществоведческого характера. Почти две трети абитуриентов предпочли писать на обществоведческие темы: «факт некоторого литературного осуждения». Анализируя письменные работы, автор брошюры отмечает, что работы окончивших школы II ст. вообще слабые работ лиц, окончивших дореволюционную школу: «почти совсем не видно красных строк, почерк обычно очень плох, выполнение вообще небрежное, неряшливое, какое бывает у людей, привыкших записывать все наскоро, как-нибудь» (стр. 12). Сочинения обнаруживают плохое понимание избранной темы, форма сочинения беспорядочна: часто отсутствует план и продуманность изложения. В работах второстепенцев поражает однообразие и бедность языка. Не редки случаи построения фраз в роде «Описывая Гоголь чиновников они любил брать взятки». Хуже всего, конечно, с орфографией работ. Преобладают ошибки фонетические, свидетельствующие о том, что абитуриенты не привыкли всматриваться в морфологический состав слова: «сделать», «дворенин», «каторый», «зщдет», «нещитается», «тичение», «выеснили», «приделовать», «фиодальный», «увринность» и пр.

С текстом писателей абитуриенты обнаруживают полное незнание. По указанию П. С. Венедиктова, «литературы не чувствуется в 90 проц. всех работ». Рассмотрев работы владивостокских учащихся школ II ст. и сравнив их с работами в других ВУЗ'ах, автор приходит к следующим выводам: «1) количество выдержавших из школ II ст. редко превышает $\frac{1}{2}$ всего числа испытуемых, иногда понижаясь даже до 12-15 проц.; 2) недочеты в знаниях и навыках по русскому языку повсюду однородны, представляя, повидимому, в целом повсеместное явление; 3) общий уровень грамотности в узком и широком смысле этого слова не высок и позволяет констатировать лишь своего рода условную грамотность».

Во второй главе автор рассматривает причины слабой подготовленности поступающих в ВУЗ'ы. Это наиболее интересная и важная по своим практическим выводам часть работы. Причины слабой подготовленности питомцев школ I ст., по мнению автора, сводятся к следующим:

1) плохое материальное положение школы и учителя; 2) перегруженность программ; 3) недочеты в учительском ма-

териальном положении школы и учителя; 2) перегруженность программ; 3) недочеты в учительском ма-

стерстве. По отношению к указанным причинам, все же следует заметить, что некоторое повышение уровня заработной платы для педагогов школ II ст. достигнуто, хотя его и нельзя считать достаточным.

Третья глава посвящена «перспективам ближайшего будущего в деле преподавания русского яз. и литературы в школах II ст. Прогноз автора в этом отношении сводится к следующим основным положениям: в ближайшее десятилетие нельзя ожидать сколько-нибудь быстрого и ощутительного улучшения в работе нашей массовой школы, особенно в области формальных навыков до тех пор, пока в ближайшее пятилетие ее инвентарь, в частности учебники, не придут в норму, и пока через нее не пройдут учащиеся, пережившие вместе с ней состояние разрухи, теперь можно ожидать лишь медленного, постепенного улучшения состояния навыков у учащихся, в частности навыков по орфографии.

Такой прогноз нельзя не признать мрачным. Результаты последних испытаний при поступлении в ВУЗ обнаруживают небольшое, но все же заметное улучшение продукции школ II ст. Школа, несомненно, идет по пути улучшения постановки учебного дела.

По отношению к школам II ст. автор предлагает осуществление следующих мер: необходимо стремиться к дальнейшему упрощению программ школ II ст.; согласовать в большей степени программы школ II ст. с требованиями ВУЗ'а; при ВУЗ'ах нужно вести планомерное изучение недостатков знаний и навыков у поступающих; уменьшить нагрузку учителей родного яз. и литературы; увеличить оплату труда школьных работников школ II ст.; принять меры к повышению квалификации школьных работников II ст.; увеличить число специальных школ, подготовляющих учителей родного яз. для II ст.; организовать подготовительные курсы для поступающих в ВУЗ'ы.

Автор в общем дает ценный материал по вопросу, затронутому в брошюре. Следует все же отметить, что анализ причин, напр., орфографической безграмотности, дается недостаточно полный: в ряде причин, влиявших на состояние грамотности в школах, следовало бы отметить и такие существенные причины,

как замечавшееся после революции пренебрежение школы к грамматическим занятиям (Автор на стр. 23 говорит о «русском языке», но ведь это понятие слишком сложное и грамматики может не включать). Не малое значение в плохой продукции школы имела и разруха в период гражданской войны, о которой автор лишь вскользь упоминает. В это время школа работала в невероятно тяжелых условиях, без карандашей, ручек, перьев бумаги и пр. Следовало отметить в ряде причин, влияющих на результаты испытаний при поступлении в ВУЗ и слишком отличные от методов проверки учебных знаний, применяемых в школе II ст., методы приемных испытаний в ВУЗ'ы. С такой формой проверки, как экзамен, едва ли не впервые знакомятся питомцы школ II ст. при поступлении в высшую школу.

Неприятна манера автора прибегать к латинским цитатам и цветистым выражениям. «*idem per idem*», «в общем и целом» «*legem brevem esse oportet*», «*in medias res*» и пр.

В общем брошюру Венедиктова следует признать вполне своевременной работой. Подобные работы отвечают нашей потребности анализировать работу нашей школы.

Такие работы ценны именно тем, что заостряют наше внимание на слабых участках нашей работы и стимулируют борьбу за новую, подлинно трудовую школу. Особенно важна, конечно, брошюра П. С. Венедиктова тем, что она обращает еще лишний раз внимание специально на школу II ст. в ее современном состоянии, ту школу, которая с каждым годом будет играть все большую и большую роль не только при комплектовании ВУЗ'ов новыми кадрами студенчества, но в подготовке работников для практической деятельности.

Вызывает недоумение помещение брошюры Венедиктова в IX серию «Трудов университета»; как мы это узнаем из обложки, «Труды» делятся на четырнадцать серий, среди которых находим X—«педагогика» и XIV—«лингвистика». Не ошибочно ли занесена данная брошюра в IX серию, посвященную вопросам «Географии»? Ведь как будто бы в брошюре П. С. Венедиктова о «географии» ничего не говорится.

Всеv. Малаховский.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Надо найти виновных.

К нам, в редакцию, поступает очень много жалоб от наших подписчиков о доставке им журнала «Просвещение Сибири». Вот одна из таких жалоб:

ИЗДАТЕЛЬСТВУ ЖУРНАЛА «ПРОСВЕЩЕНИЕ СИБИРИ».

19 января 1928 года мною была переведена почтовым переводом (квитанция № 28/397) подписная плата в размере 4 руб. 70 к. на журнал «Просвещение Сибири». Два с половиной месяца я журнала не получал. Наконец, получив только 3 номер, я 18 марта вынужден был запросить о причинах неаккуратной высылки журнала (заказное письмо—квитанция № 27/113). Ответа, разумеется, не получил. С этого же момента издательство решило, очевидно, высылку журнала прекратить совершенно, т.-к. 2½ месяца я уже не получаю журнала. Я ничуть теперь не сомневаюсь в том, что из полного годового комплекта журнала я буду иметь только всего № 3, который я получил, очевидно, как-то случайно и буду, конечно, его и квитанцию почтового перевода хранить, как музейную редкость, иллюстрирующую аккуратность и добросовестность издательства «Просвещение Сибири». Деньги, которые мною уплачены за журнал, я хотел бы получить обратно, т.-к. мой скромный бюджет не позволяет мне бросать на ветер даже такие мелкие суммы, как 4 руб. 70 коп.

Не будете ли вы любезны выслать мне 4 руб. 20 к. (вместо из 4 руб. 70 к. стоимость полученного мною № 3) обратно или передать их в МОПР, выслав мне квитанцию. Ваш журнал печатается, по видимому, не для нас, низовых работников.

Подписчик А. Пантелеев.

Мой старый адрес: с. Баград, Хакасского округа. ШКМ. учитель Александр Григорьев Пантелеев.

Новый адрес: г. Минусинск, Скворцовская ул., д. № 9.

5/VI-1928 года.

Это письмо т. Пантелеева, немедленно же по его получении, редакция передала в Сибкрайиздат для выяснения причин невысылки журнала (одновременно по просьбе редакции Сибкрайиздатом посланы т. Пантелееву все неполученные им книги).

Сибкрайиздат переслал жалобу т. Пантелеева в Сибирское Газетное Бюро, которое по договору высылает журнал всем подписчикам на него. Газетное Бюро дало такую справку: «Подписчику Пантелееву журн. «Просвещение Сибири» с № 1 по 6, по высланной в Усть-Абаканск талонной карточке за № 4-13 (высланной 22 февраля с. г.) высылается своевременно по получении от издательства. Экспедитор Газетного Бюро (подпись) 20 июня 28 г.

Несмотря на такой ответ, однако, факт остается фактом—журнал тов. Пантелеевым не получался. Полученный им № 3 «Просвешен. Сибири» не в счет; он послан ему непосредственно редакцией, как авторский экз. В чем же дело? В Сибкрайиздате тов. Пантелеев числится подписчиком, Газетное Бюро журнал ему высылает. Как-будто бы все в порядке. Но одна беда... «Просвещение Сибири» тов. Пантелеев не получает, и потому жалобы его вполне основательны. В чем же причина неполучения? Где виноватые? Редакция уверена, что они найдутся. К ответу их!

Одновременно с ответом на письмо тов. Пантелеева, Сибкрайиздат просит нас поместить следующее обращение к подписчикам на журнал «Просвещение Сибири».

Всем подписчикам на журнал «Просвещение Сибири». В отдел подписки Сибкрайиздата с мест поступают жалобы на неаккуратную высылку номеров журнала. Все эти жалобы нами немедленно разбираются и удовлетворяются.

Однако большинство жалоб происходит по вине местных почтовых предприятий, а частично и по вине самих подписчиков (неточный или неразборчивый адрес).

Чтобы в будущем не было никаких недоразумений с доставкой журнала, мы

обращаем внимание наших подписчиков на следующее:

Отделом подписки СКИ все количество экземпляров, требуемое для рассылки подписчикам, сдается полностью Сибирскому газетному бюро, которое от себя рассылает журнал по почтовым отделениям для раздачи подписчикам, согласно карточек, предварительно разосланных Сиб. Газетным Бюро по почтовым отделениям. Таким образом, сам Сибкрайиздат высылку подписчику отдельных номеров журнала совершенно не производит.

Если журнал все же получается с пропуском отдельных номеров, то для выяснения причины доставки необходимо обращаться исключительно в свое почтовое отделение, где хранятся карточки

всех подписчиков, и требовать от почты недоставленные экземпляры.

Непосредственно в отдел подписки Сибкрайиздата следует обращаться только лишь в том случае, если в своем почтовом отделении отсутствует карточка данного подписчика. (При отсутствии на почте карточки того или другого подписчика журнал для него вовсе не посылается).

То же самое нужно делать при перемене адреса—необходимо с этим обращаться исключительно в свое почтовое отделение.

В случае, если почта все же не удовлетворит требований подписчика—просьба обращаться в Сибкрайиздат.

Отдел подписки Сибкрайиздата.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

И. Случанко (село Алтай, Ачинского окр.). Ваше стихотворение «На культурном фронте» у нас в журнале не будет напечатано. Советуем поместить его в своей школьной стенгазете.

Полундре (Новосибирск). Ваша заметка разоблачительного характера о работе райотд. ОДН в Каргате передана нами в редакцию «Советской Сибири».

Д. Усачеву (г. Томск). Ваша статья «Создадим семейный быт в детдоме» у нас в журнале не пойдет.

Глебу Пушкареву (г. Новосибирск). Ваш очерк «Сибирь в художественной литературе» нуждается в тщательной проработке и значительном сокращении.

Н. К. Ауэрбах и Г. И. Черемных (г. Новосибирск). «Состояние музейного дела в Сибирском крае»—это отчет. Сократите его наполовину и дайте статью о музеях Сибири, но не больше, чем на 8 стр. печатного (на машинке) текста.

Политпросветработнику (С. Ужур, Ачинского окр.). Ваша заметка «Избача сравним с учителем» не пойдет. На эту тему у нас писалось уже несколько раз.

Я. Чаевскому. Ваша статья «Про ШКМ и ее агронома» не будет помещена. Надо предварительно ее основательно стилистически проработать.

П. Покровскому (С. Крапивенское, Кузнецкого окр.). Заметка «О политико-просветительной работе в деревне» помещена в журнале не будет.

Н. Л. (г. Новосибирск). В вашей статье «Планирование работы избы-читальни» нет конкретного и основного: как же составить план работы избы-читальни? Не пойдет в журнале.

А. Егорову (Малиногорка, Ачинского окр.). «На весенней экскурсии»—не пойдет.

А. Голоушкину (Усть-Колба, Тисульского р-на, Новосибирского окр.). «Отдых просвещенцам»—не поместим.

А. Афанасьеву (село Романово, Завьяловского р-на, Каменского окр.). Ваша статья «Работа с книгой в деревне» помещена нами в № 2 бюллетеня СКИ «Книжная Полка».

С. А. (г. Новосибирск). Ваша заметка «Дешевая книжка школьника» напечатана нами в № 2 «Книжной Полки».

С настоящим номером журнала всем подписчикам «Просвещения Сибири» в качестве бесплатного приложения рассылается № 2 бюллетеня Сибкрайиздата «Книжная полка».